ПИОНЕР

5

1982

Красный галстук стал революционным символом единения коммунистов, комсомольцев и пионеров.

1922
1982

Как повяжешь галстук,
Береги его:
Он ведь с нашим знаменем
Цвета одного.

А под этим знаменем
В бой идут бойцы,
За Отчизну бьются
Братья и отцы.

Как повяжешь галстук,
Ты светлей лицом...
На скольких ребятах
Он пробит свинцом...

Как повяжешь галстук,
Береги его:
Он ведь с нашим знаменем
Цвета одного.

ИМЕНИ ЛЕНИНА, ДВАЖДЫ ОРДЕНА ЛЕНИНА

Пионерская организация носит имя В. И. Ленина и награждена двумя орденами Ленина. Орден Ленина — это самая высокая правительственная награда нашей Родины. Когда и за что организация, в которой ты состоишь, получила эти высокие награды?

ГОД 1962-й. Вся страна отмечала 40-летие пионерии. 17 мая 1962 года Президиум Верховного Совета СССР принял Указ о награждении Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина первым орденом Ленина. Это была награда в связи с 40-летием и за большую работу по коммунистическому воспитанию детей. Радостная весть облетела все дружины страны. Повсюду прошли торжественные линейки, митинги, костры. Пионеры благодарили партию за большую награду и дали слово всегда свято выполнять заветы Ильича, идти вслед за комсомолом дорогой Ленина.

18 МАЯ 1962 ГОДА. Кремлевский Дворец съездов. В зале — море красных галстуков. Здесь боевые ребячьи комиссары — вожатые, ветераны пионерского движения, поседевшие, но, как прежде, задорные и молодые душой. В зале — герои пятилетки, космонавты, видные ученые, писатели, композиторы. Наступает торжественная минута. Председатель Президиума Верховного Совета СССР товарищ Леонид Ильич Брежнев обращается с речью к участникам торжественного заседания.

«Ваша организация, — говорит он, — **носит великое имя Владимира Ильича Ленина. Это большая честь, и вместе с тем это налагает на вас большие обязанности. Быть пионером-ленинцем — это значит во всем и всегда воспитывать в себе замечательные ленинские черты трудолюбия, честность, благородство, настойчивость в учебе, умение применять знания в жизни, любовь к своей Родине, беззаветную преданность великой ленинской партии.**

Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

МАЙ 5

Москва 1982 г.
Издательство «Правда»

18 мая в Москве начинает работу XIX съезд ВЛКСМ. У знамени Ленинского комсомола член Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина летчик-космонавт СССР Алексей Архипович Леонов.

При зарождении пионерской организации Владимир Ильич Ленин говорил, что организация детей — это лучший путь воспитания коммунаров. И вот сегодня, в этот торжественный день, мы, старшее поколение, с глубоким удовлетворением говорим, что наши пионеры с честью выполняют этот завет нашего вождя».

Товарищ Леонид Ильич Брежнев говорит о той заботе, которой окружена советская детвора, что любовь к детям партия пронесла через бурные годы жизни. Он желает юным ленинцам расти здоровыми, жизнерадостными, учиться, жить и трудиться по-ленински, быть достойной сменой Ленинскому комсомолу.

Наступают самые волнующие минуты: Леонид Ильич прикрепляет орден Ленина на знамя пионерской организации. Делегация пионеров принимает награду от имени всех юных ленинцев страны и дает клятву быть активными помощниками старших — коммунистов и комсомольцев.

Делегаты II Всесоюзного слета пионеров в «Артеке» в ответ на высшую награду Родины призвали всех пионеров страны начать Всесоюзное соревнование на лучший пионерский отряд под девизом: **«Имя Ленина в сердце каждом! Верность партии делом докажем!»**

Шли годы. Пионерская организация укрепляла свои ряды.

В честь 100-летия со дня рождения В. И. Ленина пионеры собрали металлолом на стотысячную тракторную колонну. Во всех дружинах прошла кампания солидарности «Пионеры СССР — детям Вьетнама». В эти годы родилась «Зарница», начались соревнования на приз клубов «Кожаный мяч», «Золотая шайба», «Белая ладья». Успешно взяла старт операция «Чукотка» — ребята собирали средства на строительство Дворца пионеров в городе Анадыре. Началось массовое движение красных следопытов, появились на селе «малые тимирязевки».

В 1972 году пионерской организации исполнилось 50 лет. 18 мая этого года Президиум Верховного Совета СССР принял Указ о награждении Всесоюзной пионерской организации вторым орденом Ленина в связи с пятидесятилетием и за большую работу по воспитанию детей в духе ленинских заветов. И снова, как десять лет назад, Кремлевский Дворец съездов заалел красными галстуками. Здесь состоялся Всесоюзный сбор пионеров в честь юбилея. Делегация пионеров всех союзных республик вручает Генеральному секретарю ЦК КПСС товарищу Л. И. Брежневу книгу-рапорт о делах советской пионерии. К знамени Всесоюзной пионерской организации прикрепляется второй орден Ленина. В зале звучит клятва юных ленинцев:

ДОРОГОЙ ПАРТИИ ИДТИ
ВСЕГДА ГОТОВЫ!
СТРАНУ СОВЕТСКУЮ ЛЮБИТЬ
ВСЕГДА ГОТОВЫ!
ДОСТОЙНОЙ СМЕНОЙ СТАРШИМ БЫТЬ
ВСЕГДА ГОТОВЫ!
ДРУЖБУ БРАТСКУЮ КРЕПИТЬ
ВСЕГДА ГОТОВЫ!
КАК ЗАВЕЩАЛ НАМ ЛЕНИН ЖИТЬ —
ВСЕГДА ГОТОВЫ!

Два ордена на знамени твоей организации — это награда всем поколениям юных ленинцев. Пионерская клятва — это и твоя клятва расти настоящим гражданином Страны Советов.

Пионерский парад
1 мая 1924 г.

Барабанщик. 1929 г.

Народный художник РСФСР Н. М. ЧЕРНЫШЕВ.

Хорошо быть пионером в Советской стране. Пионерский возраст — это самые лучшие годы в жизни человека. Вас все любят, вы окружены всеобщим вниманием и заботами, вы — радость и надежда советского народа.

Но перед вами еще более светлое будущее. Будьте готовы встретить это будущее достойными наследниками.

Что для этого требуется? Прежде всего — хорошо учиться, любить свою родину, быть честными и всячески укреплять товарищество, дружбу между собой.

М. И. Калинин.

Будьте верными и достойными внуками Ильича. С врученным вам знаменем, юные пионеры, воспитывайтесь по заветам Ильича. И с этим знаменем будьте всегда готовы!

Ф. Э. Дзержинский.

Что такое пионеры?

Пионерами были названы люди, которые заселяли новые, только что открытые земли.

Пионерами называют многих знаменитых работников науки: Луи Пастера — основателя бактериологии; Кюри — открывшую радий; профессора Докучаева, который, исследуя русские почвы, открыл путь для новой науки — геохимии. Пионером можно назвать Карла Маркса — он осветил всю историю человечества новым светом и указал рабочему народу всего мира единственно прямую дорогу к свободе. Владимир Ленин, первый, кто смело повел рабочий класс по дороге, указанной Марксом, тоже может быть назван пионером.

М. Горький.

Там, где кончаются рельсы

В один прекрасный весенний день 1974 года Вячеслав Аксенов отправился после работы в райком ВЛКСМ.

— Хочу поехать туда, где труднее. Дайте комсомольскую путевку на ударную стройку.

— Вот жалость,— сказал секретарь райкома,— опоздал ты немного. Мы как раз набрали отряд наших богатырей муромских на БАМ. Стройка такая в Сибири начинается. Ребята уже в Москву уехали.

От Мурома до столицы два часа езды автобусом. Приехал Аксенов в Москву, позвонил в Центральный Комитет комсомола.

— Ребята хорошие нам всегда нужны,— ответили ему,— только отряд на БАМ уже укомплектован. У нас даже формы ни одной не осталось. Может, пока подумаете: все-таки Сибирь — дело суровое. И места в спецпоезде на БАМ все заняты.

— Поезд во сколько отходит? — только и спросил Аксенов.

Короче, его взяли. Он ехал через всю страну как полноправный член Всесоюзного ударного отряда имени XVII съезда ВЛКСМ. Их встречали на больших станциях и маленьких разъездах оркестрами и весенними цветами. Аксенов впервые ощутил, как огромна его страна. Они переехали Уральские горы, потом великую сибирскую равнину, потом снова хребты.

Только на пятый день пути скорый поезд остановился там, где кончались рельсы. Отсюда, от маленькой станции Лена, на берегу реки Лены, и должен был начаться отсчет километрам БАМа.

Было второе мая. Аксенов смотрел, как плывут по реке за неведомую излучину, сталкиваясь и звеня, последние льдины. На берегу темнели избы. Вячеслав никогда не видел таких: стены сложены из толстенных бревен, окошки маленькие. Кто-то из понимающих людей объяснил ему, что избам по сто и больше лет, и что это селение основал еще знаменитый землепроходец Ерофей Хабаров. Отсюда Хабаров когда-то отправился в поход на поиски реки Амур. «Ну что ж,— подумал Аксенов,— а мы, значит, будем новую дорогу от Лены к Амуру прокладывать, понадежнее, чем тропа Хабарова».

Два дня назад отряд разделился: триста бойцов поехали в Амурскую область, триста других высадились здесь, на Лене. Обе группы взяли с собой по половинке сверкающего металлом ключа. Отряды будут пробивать дорогу навстречу друг другу, а когда рельсы состыкуются, бойцы соединят половинки символического ключа от БАМа.

...В первый день они провели комсомольское собрание прямо на поляне. Будущий поселок решили назвать Звездным. Потом разобрали топоры, бензопилы, рукавицы и начали расчищать место для палаток. Вячеслав никакой строительной специальности не знал. Но было у него огромное желание работать. Он и валил могучие деревья и обрубал сучья.

Вечерами ребята собирались у костра. Любили петь под гитару. Песен о БАМе еще не было. Они пели песни тех, чье дело продолжали: «А в тайге горизонты синие» или «Забота наша такая, забота наша простая».

Аксенов глядел в огонь и молчал добродушно — он вообще из породы молчунов.

Поселок рождался на его глазах. Рос палаточный городок. Одновременно строилась пекарня, жилые домики, магазин, школа. Запахло хлебом, теплом и уютом. Но вскоре Аксенову сказали, что нужны люди в бригаду командира отряда Виктора Лакомова — на просеку. Вячеслав сложил свои немудрящие вещи в рюкзак и пошел из Звездного в тайгу — на пятьдесят второй километр будущей трассы — к Лакомову.

Вячеславу везло на хороших людей. Его бригадиром теперь стал Герой Социалистического Труда Виктор Лакомов. Если говорить о нем вкратце, то можно вспомнить, что юношей Лакомов строил трудную сибирскую магистраль Абакан — Тайшет, после прокладывал железную дорогу Хребтовая — Усть-Илимск по берегам реки Ангары. А еще он ездил в Чили, где тянул рельсы к медному руднику по просьбе президента Сальвадора Альенде. Сначала правительство Чили обратилось с этой просьбой к своим крупным промышленникам. Те заломили огромные деньги и сказали, что им потребуется несколько месяцев. А медь революции нужна была срочно. Приехал Лакомов с бригадой и сделал все за считанные недели.

Аксенов похож на своего наставника: такой же молчаливый и сосредоточенный. В бригаде Аксенов постепенно обучился разным профессиям. Вырубили просеку, начали готовить земляное полотно — фундамент дороги. Наконец, дошло до укладки рельсов. Путеукладчик — массивная машина: впереди кран, похожий на вытянутый птичий клюв, позади платформа со звеньями рельсов, заранее скрепленных со шпалами. Цепляет кран такое звено, выносит вперед, опускает на земляную насыпь. Монтеры пути тут же на лету подхватывают звено, чтобы легло оно точно встык предыдущему, быстро скрепляют гайками. Путеукладчик дает предостерегающий свисток и осторожно продвигается по только что уложенным рельсам вперед, чтобы там, где они кончаются, опустить следующее звено... Когда бригада, в которой работал Аксенов, подошла с рельсами к Звездному, они установили рекорд: 1400 метров уложили за четыре часа. В школе Звездного (ее построили в первый же год) отменили уроки в этот декабрьский день, чтобы ученики с классными руководителями смогли посмотреть на работу Аксенова, Лакомова и их друзей. В своей бригаде Аксенов был тогда комсоргом. Он не только профессии освоил, он научился понимать людей, настраивать своих комсомольцев на ударную работу.

И когда через четыре года на БАМ отправился новый Всесоюзный ударный отряд имени XVIII съезда ВЛКСМ, Вячеслав Аксенов стал его командиром.

Мы ехали вместе с ним и его отрядом в поезде от Москвы до Улан-Удэ, потом летели в маленьком самолете над озером Байкал и наконец прибыли туда, где будет станция Кичера. Снова был май, цветы и палатки среди сосен, только уже не на первом, а на 404-м километре БАМа.

— О чем думаешь, Слава?— спросил я его тогда.— Как собираешься работать с отрядом?

Он улыбнулся мягко:

— Гляжу на новичков, будто себя узнаю, того, что в начале стройки. Для них ведь тоже все только начинается.

Аксенов собрал себе бригаду из одних новичков и поехал с ними на труднейший участок под перевал Даван — делать самое мужское дело: просеку рубить. Он решил, что жизнь в палатке, тяжелые условия и личный пример будут лучшей школой для молодых бамовцев. При переноске он брал тяжелый конец бревна, с перекура поднимался первым. Первым выходил из палатки под дождь, и первым шагал в болото, когда оно встречалось на пути просеки. Однажды река разлилась и отрезала их от дороги. Бригада уменьшила норму на обед и ужин, но продолжала работать без скидки на стихию.

Шестнадцать малознакомых между собой людей уехали с Аксеновым на перевал Даван, а вернулись сдружившиеся как одна семья. Вот что такое личный пример Аксенова.

Восемь стремительных лет пролетело с того дня, когда Вячеслав впервые ступил на каменистую бамовскую землю.

Я спросил его однажды:

— Домой возвращаться не собираешься?

— Да нет. Младший братишка на БАМ приехал — у Лакомова в бригаде сейчас. Матери в Муром теперь вместе письма пишем. Нельзя оставлять дело незаконченным. Вот проложим дорогу, а там посмотрим.

Недавно я вернулся с БАМа. По местам, где шагал когда-то в сугробах с бензопилой на плече Аксенов, я ехал в комфортабельном поезде, в теплом и чистом вагоне...

В конце нынешней пятилетки рельсы БАМа соединят Лену и Байкал с Амуром. Когда дорога будет проложена, вдоль нее начнут строить новые города, электростанции, рудники и шахты. Работы на БАМе хватит еще на много лет. Природные богатства повезут по рельсам к фабрикам и заводам. Вот для чего работает в тайге бригадир, делегат XXVI съезда партии и член Центрального Комитета комсомола Вячеслав Аксенов.

Владимир СУНГОРКИН

Рисунок А. ДУГИНА.

Владимир ЖЕЛЕЗНИКОВ,
лауреат Государственной премии СССР и диплома имени А. П. Гайдара журнала «Пионер»

ИСТОРИЯ МАЛЬЧИША-КИБАЛЬЧИША

Пьеса по мотивам сказки А. П. Гайдара

Окончание. Начало в № 4.

Рисунки М. ПЕТРОВА.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

КИБАЛЬЧИШ
ОТЕЦ
БРАТ
ДЕВУШКА
ГОНЕЦ
ЧАСОВОЙ
КРАСНОАРМЕЕЦ
ПЛОХИШ
ГЛАВНЫЙ БУРЖУИН
КОМЕНДАНТ
ОФИЦЕР
НАЧАЛЬНИК ТЮРЬМЫ

В эпизодах: МАЛЬЧИШИ, их ОТЦЫ и МАТЕРИ, СОЛДАТЫ, БУРЖУИНЫ.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Снова сожженное поле и сожженные дома. На обгорелом дереве висит приказ БУРЖУИНОВ. Появляется КИБАЛЬЧИШ — он как-то стал взрослее, возмужал. Осторожно оглядывается по сторонам. Подходит к дереву, читает.

КИБАЛЬЧИШ. Что придумали!.. (*Читает вслух.*) «Возмутитель спокойствия... Кибальчиш... Если не явится в комендатуру... то все заложники — мальчиши! — будут расстреляны!» (*Замирает в глубокой печали.*) Что же мне делать?.. (*Ложится на землю, приложив ухо, слушает.*) Нет!.. Не идет Красная Армия... Значит, не услышали они еще моего сигнала... А тут мальчиши погибают!.. А может быть, эта труба и не волшебная? Может быть, отец все это придумал, чтобы спасти меня?.. Пойду в комендатуру и скажу: «Вот он я, Кибальчиш, хватайте меня, арестовывайте, но мальчишей не стреляйте!..» А если вдруг труба волшебная... Тогда я не выполню военного приказа!.. Что же мне делать?! Отец мой... Брат?..

Раздаются чьи-то шаги. КИБАЛЬЧИШ прячется. Выходит ПЛОХИШ. Он аккуратно одет и жует, видно, что-то вкусное, хотя вид у него невеселый. КИБАЛЬЧИША он не замечает. А тот его видит и уже хочет его окликнуть, но почему-то не окликает... ПЛОХИШ уходит... Откуда-то издалека доносится песня буржуинских солдат.

ГОЛОС КОМЕНДАНТА. Ать-два!.. Ать-два!..

Входят строй буржуинских солдат, КОМЕНДАНТ, НАЧАЛЬНИК ТЮРЬМЫ и ОФИЦЕР. Они ведут под конвоем Мальчиша-ЧАСОВОГО. Он босой. Рубаха на нем и брюки изорваны в лохмотья, руки в наручниках, голова опущена на грудь... Но идет он не боязливо, а с какой-то спокойной гордостью.

КОМЕНДАНТ. На месте стой-й-й!..

СОЛДАТЫ останавливаются. НАЧАЛЬНИК ТЮРЬМЫ тащит ЧАСОВОГО к дереву, снимает с него наручники и привязывает веревкой. КИБАЛЬЧИШ, притаившись, наблюдает за этими приготовлениями.

КОМЕНДАНТ (*ЧАСОВОМУ*). Ну, говори, где Кибальчиш?..

ЧАСОВОЙ молчит.

(*Командует.*) Винтовки к пле-чу!

СОЛДАТЫ вскидывают винтовки.
ЧАСОВОЙ зажмуривается.

НАЧАЛЬНИК ТЮРЬМЫ. Зажмурился.

ОФИЦЕР. Боится.

ЧАСОВОЙ открывает глаза, хотя это ему и трудно.

КОМЕНДАНТ. Ну, не надумал?..

ЧАСОВОЙ молчит.

НАЧАЛЬНИК ТЮРЬМЫ. Зря... Жизнь у человека одна... Знаешь, как страшно, когда убивают.
ЧАСОВОЙ (*вдруг*). Я вас... буржуинов... все равно... ни за что не боюсь! (*Отворачивается.*)
КОМЕНДАНТ (*поднимает руку*). При-цель-н-н-н-ы-й-й!..
НАЧАЛЬНИК ТЮРЬМЫ. Пощады не просит... На колени не падает... Вот агитатор!..
ОФИЦЕР. Сейчас упадет... И больше не встанет.
ЧАСОВОЙ (*поднимает голову, смотрит в дула винтовок. Кричит*). Прощай, Кибальчиш!.. Отомсти за меня проклятым буржуинам!
КОМЕНДАНТ. По живой мишени!..
ЧАСОВОЙ. Эх!.. Кибальчиш!.. Если бы ты услышал, то прилетел бы за мной!.. А, Кибальчи-и-ш!.. Правда?..
ГОЛОС КИБАЛЬЧИША (*вдруг, как гром с ясного неба*). Я слышу тебя!..
ЧАСОВОЙ. Кибальчиш!
БУРЖУИНЫ (*разом, испуганно*). Где он?.. Кибальчиш?.. В круговую оборону!..
КИБАЛЬЧИШ (*выходит и закрывает собой ЧАСОВОГО*). Вот он — я!
НАЧАЛЬНИК ТЮРЬМЫ (*бросается на КИБАЛЬЧИША*). С трубой!!!
ОФИЦЕР. И пистолетом! (*Тоже бросается вперед.*) Я говорил!.. Говорил!.. Он же товарищей своих любит!..
КИБАЛЬЧИШ (*отвязывает ЧАСОВОГО*). Ну, вот мы и опять вместе... Так что все нормально.
ЧАСОВОЙ. Кибальчиш, зачем же ты так?.. Зачем?.. Им — трубу!.. Ты бы лучше затрубил, затрубил... схватил меня — я же легкий, — и мы бы улетели.
КИБАЛЬЧИШ (*ласково*). Мы бы с тобой улетели... А остальные как же?.. Все наши мальчиши?..
ЧАСОВОЙ. Верно. А я об этом и не подумал.
КОМЕНДАНТ (*показывает солдатам на КИБАЛЬЧИША и ЧАСОВОГО*). Взять этих!..

СОЛДАТЫ берут под конвой КИБАЛЬЧИША и ЧАСОВОГО.

(*Командует.*) Шагом марш-ш-ш!

Все уходят.

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Камера тюрьмы. За решеткой сидят МАЛЬЧИШИ. Кто-то вталкивает в камеру КИБАЛЬЧИША и ЧАСОВОГО. Они сильно избиты. МАЛЬЧИШИ бросаются к КИБАЛЬЧИШУ. Только ПЛОХИШ при виде КИБАЛЬЧИША испуганно прячется в угол.

МАЛЬЧИШИ (*все вместе*). Кибальчиш?! Откуда ты?.. Они тебя поймали?! Где твоя труба?.. Кибальчиш!.. Кибальчиш-ш-ш!..
ЧАСОВОЙ. Никто его не поймал. Он сам сдался, чтобы спасти меня.
МАЛЬЧИШИ. Сам?..
КИБАЛЬЧИШ. А наш Часовой — герой!.. Они на него нацелились из винтовок... Вот-вот бабахнут. А он молчит.
ЧАСОВОЙ. Мне страшно было... Я бы крикнул, да голос пропал... Я бы заплакал, да слез почему-то не было. А тут вдруг Кибальчиш выскакивает и труба при нем. Вот радость!..
КИБАЛЬЧИШ (*замечает ПЛОХИША*). Ты?! Здесь?
ПЛОХИШ (*неуверенно*). А где же мне быть?..
КИБАЛЬЧИШ. Вчера я иду по улице... (*Смотрит на ПЛОХИША.*) Вдруг вижу тебя...
ПЛОХИШ (*испуганно*). Меня?..
КИБАЛЬЧИШ. Ну да.
ПЛОХИШ (*отступает к двери*). Что ты... Я в одиночке сидел...
КИБАЛЬЧИШ. Я догнал тебя... Вижу...

ПЛОХИШ перепуган насмерть.

...Обознался.

ПЛОХИШ облегченно вздыхает.

(*С невероятной грустью.*) Так вот ты какой, оказывается...
ПЛОХИШ. Какой?..
КИБАЛЬЧИШ. Несчастный...
ПЛОХИШ. А что веселиться... Пропали мы...
МАЛЬЧИШИ. Что же теперь будет?..
— Без трубы!..
— Не услышит нас Красная Армия!..

Все приуныли.

КИБАЛЬЧИШ. Мальчиши, вы что носы повесили?.. Мы еще одолеем проклятых буржуинов. Они побегут от нас, только пятки засверкают!..

МАЛЬЧИШИ недоверчиво смотрят на КИБАЛЬЧИША.

КИБАЛЬЧИШ (*весело*). И заживем, как прежде. Будем в школу ходить... Дома построим... Вырастем... Женимся!..

МАЛЬЧИШИ неуверенно улыбаются.

(*Смеется.*) Дети у нас будут, вроде нас...

МАЛЬЧИШИ хохочут.

ПЛОХИШ (*мрачно*). А как мы одолеем проклятых буржуинов?
КИБАЛЬЧИШ. Как?.. А на что нам, мальчишам, дана солдатская смекалка?..
МАЛЬЧИШИ. Солдатская смекалка?.. А что это такое?..
КИБАЛЬЧИШ (*хитро улыбаясь*). Если есть солдатская смекалка, учил мой отец, значит голова хорошо соображает! А у нас голова хорошо соображает?..
МАЛЬЧИШИ (*повеселей*). Соображает!
— У меня по чтению пятерка!..
— А у меня по арифметике!..
— А у меня память хорошая!..
— А я находчивый!..
— А я рискованный!..
КИБАЛЬЧИШ. Ну вот!.. А сердце у нас горячо любит родину?..
ЧАСОВОЙ. Горячо.
КИБАЛЬЧИШ. Наши родные леса и поля?.. Дом родимый?.. Память о наших отцах и братьях?.. Матерях и сестрах?..
МАЛЬЧИШИ. Очень горячо.
КИБАЛЬЧИШ. Ну, тогда слушайте меня внимательно!.. Значит, говорите, у нас нет трубы?.. Да...

Нет... Она у проклятых буржуинов... А голоса у нас на что?.. (*Оглядывает всех.*) У нас же громкие... Сильные... Свободные голоса... Мы запоем песню... Она вылетит, как свободная птица, через буржуинскую тюремную решетку!..

МАЛЬЧИШИ (*радостно*). И долетит до Красной Армии!

— По небу!
— Молодец, Кибальчиш!
— Точно — голос в тюрьму не посадишь!

КИБАЛЬЧИШ запевает свою песню, ту, которую он пел с отцом. МАЛЬЧИШИ подхватывают. Громко звучит песня мальчишей — вылетает из тюрьмы, взвивается к ясному небу. Врываются КОМЕНДАНТ, ОФИЦЕР, НАЧАЛЬНИК ТЮРЬМЫ. МАЛЬЧИШИ продолжают петь. КИБАЛЬЧИШ влезает на решетку. МАЛЬЧИШИ следуют его примеру. Они поют все громче и отчаянней.

КОМЕНДАНТ. Молчать!
ОФИЦЕР. Прекратить!
НАЧАЛЬНИК ТЮРЬМЫ. Запорю!

КИБАЛЬЧИШ хватает ОФИЦЕРА за руки и с помощью МАЛЬЧИШЕЙ притягивает его к решетке.

ОФИЦЕР. По-мо-ги-те!..

МАЛЬЧИШИ хватают НАЧАЛЬНИКА ТЮРЬМЫ за руки, притягивают к решетке, снимают у него с пояса наручники и защелкивают у него на руках... ПЛОХИШ смеется.

НАЧАЛЬНИК ТЮРЬМЫ (*вопит громче ОФИЦЕРА*). Спа-си-те-е-е!

А тут кто-то из МАЛЬЧИШЕЙ схватился за конец хлыста.

КИБАЛЬЧИШ (*бросился к нему на помощь*). Раз-два, взяли-и-и!.. Плохиш, помоги!

И ПЛОХИШ бросается к ним на помощь. КОМЕНДАНТ тоже прилип к решетке, привязанный собственным хлыстом.

ОФИЦЕР. Мальчики!.. Мальчики!.. Мне больно! Нельзя быть такими жестокими!..

НАЧАЛЬНИК ТЮРЬМЫ (*миролюбиво*). Ребята, а ребята, пошумели и хватит...

КОМЕНДАНТ. Дети!.. Отпустите нас!.. А мы отпустим вас! Мирно-тихо... А, дети?..

ЧАСОВОЙ (*наивно*). Честно — отпустите?

БУРЖУИНЫ (*разом*). Честно-пречестно... На все четыре стороны... Идите куда угодно... Живите как хотите...

КИБАЛЬЧИШ. Не отпускайте!..

Но поздно — МАЛЬЧИШИ уже отпустили ОФИЦЕРА, и тот засвистел в свисток — врываются СОЛДАТЫ.

ОФИЦЕР (*солдатам*). Винтовки — к пле-чу!..

МАЛЬЧИШИ отпускают буржуинов — отступают от решетки.

КОМЕНДАНТ. Замуровать!
НАЧАЛЬНИК ТЮРЬМЫ. Кого?..
КОМЕНДАНТ. Песню!.. Живо!

СОЛДАТЫ строят на решетку глухую стену — и вот уже МАЛЬЧИШИ в темнице. Они слышат хохот и крики БУРЖУИНОВ — да что они могут сделать? Вдруг КИБАЛЬЧИШ бросается на пол тюрьмы.

ЧАСОВОЙ (*испуганно*). Кибальчиш, ты чего?..

КИБАЛЬЧИШ. Тише!.. (*Прижимается ухом к полу.*). Я слышу — скачут лихие кони!.. Это спешит к нам на помощь Красная Армия!..

МАЛЬЧИШИ (*бросаются на пол. Слушают, затаив дыхание*).

— Лошади бьют копытами!
— Звенят сабли!
— Вьется Красное Знамя!..
— Они поют песню!..

И уже на самом деле или МАЛЬЧИШАМ только кажется, что они слышат дробный стук копыт и слова песни красных конников.

КИБАЛЬЧИШ. Так что держитесь, мальчиши!.. И ждите!..

МАЛЬЧИШИ. Ура-а-а!

БУРЖУИНЫ застывают в тех позах, в которых их застает победный крик МАЛЬЧИШЕЙ.

КАРТИНА ВОСЬМАЯ

Кабинет Главного Буржуина. Входит ГЛАВНЫЙ БУРЖУИН. В руках у него труба Кибальчиша. Он пытается на ней играть, но у него, конечно, ничего не выходит. Появляются КОМЕНДАНТ, НАЧАЛЬНИК ТЮРЬМЫ и ОФИЦЕР, ГЛАВНЫЙ БУРЖУИН быстро кладет трубу на стол, будто он ее и не трогал и не пытался на ней играть. Откидывается в кресле, закрывает глаза. БУРЖУИНЫ молча ждут.

ГЛАВНЫЙ БУРЖУИН (*открывает глаза*). Все пробовали?.. (*Показывает на трубу.*)

БУРЖУИНЫ. Все.

ГЛАВНЫЙ БУРЖУИН. Ничего не получилось?..

БУРЖУИНЫ. Нет. Не получилось.

ГЛАВНЫЙ БУРЖУИН (*вдруг, еле слышно*). Красная Армия... готовится выступать...

БУРЖУИНЫ (*испуганно*). Как?.. Когда?.. Что делать?..

ГЛАВНЫЙ БУРЖУИН. Еще не поздно!.. Беритесь за Кибальчиша!.. Пытайте его!.. Бейте!.. Хитрите с ним!.. Обещайте ему золотые горы!.. Надо вырвать у него из глотки... из сердца... их главную тайну!.. Любой ценой!

БУРЖУИНЫ испуганно молчат.

Отчего сорок царей и сорок королей бились с Красной Армией, бились, бились да сами и разбились? Или у нас пушки и винтовки хуже?.. Или у нас патронов и снарядов меньше?..

БУРЖУИНЫ испуганно молчат.

(*Хрипит.*) Отчего у нас в каждом городе на всех углах стоят жандармы — нас охраняют и все войска на ногах?.. А нет нам покоя... Отчего это, скажите мне?..

БУРЖУИНЫ испуганно молчат.

(*Задыхается.*) Отчего у нас в буржуинском государстве, и в соседнем южном королевстве, и в северном царстве... в один и тот же день в раннюю весну и в один и тот же день в позднюю осень все люди выходят на улицу и говорят одни и те же слова, и поют одни и те же песни, и несут красные знамена над головой?.. Хотя эти люди никогда друг друга не видели и говорят на разных языках... Отчего это, скажите мне?..

БУРЖУИНЫ испуганно молчат.

Мальчиши хватают начальника тюрьмы, притягивают к решетке и защелкивают у него на руках наручники.

(*Еле слышно.*) Кибальчишу... страшную муку... Какая только есть на свете... А чтобы завтра эта тайна была мне известна. А потом... погубите его... Чтобы никаких следов... (*Закрывает глаза.*)

БУРЖУИНЫ выбегают.

(*Открывает глаза, берет трубу.*) Ведь если ты вызывала Красную Армию, когда на тебе играл Кибальчиш, то теперь будешь вызывать нашу армию — буржуинскую, когда буду играть я — твой новый хозяин? (*Радуется своему открытию, почти молитвенно и благоговейно.*) Волшебная... Золотая... Ну, заиграй... Ну, дай мне силу, чтобы я разбил Красную Армию!.. Чтобы я вырвал из них этот революционный дух!.. Чтобы нигде никогда не было свободы!.. А бедные — бедными... Чтобы всякий занимал свое место!.. Чтобы над миром царствовала сила!.. (*Осторожно подносит трубу к губам. Так нежно и так осторожно, что всякому понятно, как ему хочется верить в сверхъестественную силу этой трубы. Дует — никакого результата. Еще сильнее дует — снова тишина. Кричит.*) Проклятая!.. (*Швыряет трубу. Топчет ее.*) Убью!.. Убью!.. Сожгу!.. Уничтожу! (*Поднимает трубу.*) Извини... Ты же сама виновата. (*Снова дует изо всех сил. Задыхается. Хрипит. От натуги он падает на колени и в полном бессилии распластывается на полу.*)

КАРТИНА ДЕВЯТАЯ

Входит КОМЕНДАНТ, в одной руке труба, в другой — хлыст. За ним — ОФИЦЕР и НАЧАЛЬНИК ТЮРЬМЫ. За ними вышагивает строй солдат.

КОМЕНДАНТ (*ОФИЦЕРУ*). Приступайте!

ОФИЦЕР (*СОЛДАТАМ*). Разобрать стену!.. Быстро!

СОЛДАТЫ разбирают стену — видна решетка, а за нею МАЛЬЧИШИ. Они оборванны, испуганны и измученны. Толпятся вокруг КИБАЛЬЧИША. ПЛОХИШ стоит в стороне.

КИБАЛЬЧИШ (*тихо*). Эй!.. Эй, мальчиши!.. Выше головы! Не нам, мальчишам, дрожать перед врагами!

КОМЕНДАНТ. Здравствуй... Кибальчиш-ш-ш... Как себя чувствуешь? Отдохнул?

КИБАЛЬЧИШ (*притворно щурится на яркий свет*). Кто это там со мной разговаривает?.. Не узнаю.

МАЛЬЧИШИ (*робко, из последних сил*).

— Кто это?..
— Впервые видим!..
— Что это за толстопузые!..

КИБАЛЬЧИШ. Да это проклятые буржуины!

МАЛЬЧИШИ (*неуверенно смеются*).

— Точно!
— Какие противные!..

КОМЕНДАНТ (*поднимает руку*). По живой мишени-и-и! И-и-и!

СОЛДАТЫ наводят винтовки на МАЛЬЧИШЕЙ. ОФИЦЕР что-то шепчет КОМЕНДАНТУ на ухо.

(*Солдатам.*) Отставить!..
ОФИЦЕР. Кибальчиш!.. Я уполномочен тебе сообщить радостную новость!.. Мы отпускаем тебя и твоих мальчишей на все четыре стороны.
КИБАЛЬЧИШ. За какие-такие заслуги?..
ОФИЦЕР. Смешные вы... Мы с детьми не воюем.
НАЧАЛЬНИК ТЮРЬМЫ. Их из тюрьмы выпускают... А они не радуются.
ОФИЦЕР. Только сначала, Кибальчиш, ты должен отгадать три загадки и ответить на один головоломный вопросик.
КИБАЛЬЧИШ. Знаем мы ваши загадки... Зря стараетесь... Мы родину не предавали и не предадим... (*Смотрит на ПЛОХИША.*) Верно, мальчиши?..
МАЛЬЧИШИ. Верно... Верно...

КИБАЛЬЧИШ ложится, прижав ухо к земле. И следом за ним ложатся все МАЛЬЧИШИ... А последним вдруг ложится ПЛОХИШ.

КОМЕНДАНТ. Тогда мы вас всех расстреляем — за неповиновение властям.
КИБАЛЬЧИШ (*перебивает КОМЕНДАНТА*). Тихо!.. Я слушаю, что́ мне родная земля скажет.

И вот уже раздается далекий стук копыт — это скачет красная конница. Или это только кажется МАЛЬЧИШАМ?.. Во всяком случае, они встают с просветленными лицами.

КОМЕНДАНТ (*КИБАЛЬЧИШУ*). Ну, и что она тебе сказала, твоя родная земля?..
КИБАЛЬЧИШ. Давайте ваши загадки... и ваш головоломный вопросик. (*Подмигивает МАЛЬЧИШАМ.*)
ОФИЦЕР (*быстро*). Отчего у нас в буржуинском государстве на каждом углу стоит жандарм, порядок охраняет?.. И войска все на ногах... А нет нам... (*Замолкает.*)
КИБАЛЬЧИШ (*подхватывает*). ...покоя ни в светлый день, ни в темную ночь?.. Оттого, что вы, буржуины, сами не работаете, а у других все отнимаете!..
МАЛЬЧИШИ. Точно!..
— Они живут за чужой счет!..
КОМЕНДАНТ. У-у-у, змееныши!..
ОФИЦЕР. Отчего, скажи, Кибальчиш, в нашем буржуинском государстве, и в соседнем южном королевстве, и в снежном царстве в один и тот же день каждую весну и в один и тот же день каждую осень выходят люди на улицу и...
КИБАЛЬЧИШ (*весело подхватывает*). ...поют одни и те же песни, хотя и на разных языках, и несут красные знамена, и говорят одни и те же речи?..
МАЛЬЧИШИ. Это Первое мая!..
— И Седьмое ноября!..
КИБАЛЬЧИШ. Оттого, что мы все заодно, хотя живем в разных странах. И против вас!..
НАЧАЛЬНИК ТЮРЬМЫ. Обнаглел!..
КОМЕНДАНТ. Смельчак... (*Шипит.*) Ну, погоди!
ОФИЦЕР. Отчего сорок королей и сорок царей бились-бились с Красной Армией... и... (*Замолкает.*)
КИБАЛЬЧИШ. ...сами и разбились?.. Оттого, что наше дело справедливое!..
ОФИЦЕР. А может быть, у вашей... у этой... у Армии... Красной есть еще какой-нибудь секрет?..
КИБАЛЬЧИШ. Секрет?.. (*Долго думает.*) Есть такой секрет...
КОМЕНДАНТ. Какой?
КИБАЛЬЧИШ. Да все очень просто. Все дело в трубе... Она у нас волшебная. Вот и весь наш секрет.
НАЧАЛЬНИК ТЮРЬМЫ. Все шутишь... Что же у вас, на всю Красную Армию одна труба и находится она у тебя?..
КИБАЛЬЧИШ. Почему одна... У нас таких труб много... В каждом полку... У каждого горниста... Он как затрубит... Так у всех наших красных конников силы удесятеряются... Вот и получается, что у нас сил больше, чем у вас, в десять раз!
МАЛЬЧИШИ. Ура-а-а!
— Все три загадки!..
— Наша победа!..
— Выпускайте нас из тюрьмы!..
— Открывайте двери!..

МАЛЬЧИШИ трясут тюремную решетку, лезут по ней вверх, ломают двери.

БУРЖУИНЫ (*вне себя от ярости и злобы*). Молчать! (*Отталкивают разбушевавшихся МАЛЬЧИШЕЙ от решетки, бьют по рукам.*) Огонь!.. Огонь!.. Пли-и-и!

СОЛДАТЫ стреляют, перекрывая победный крик МАЛЬЧИШЕЙ. Все исчезают в дыму выстрелов. Потом дым рассеивается — бледные и молчаливые стоят МАЛЬЧИШИ.

КОМЕНДАНТ (*со злорадством*). Что?.. Испугались?..
НАЧАЛЬНИК ТЮРЬМЫ. А впереди еще один головоломный вопросик... Не ответите — сидеть вам в тюрьме. А может случится что-нибудь и похуже!..

Тишина. Вновь приуныли МАЛЬЧИШИ.

КИБАЛЬЧИШ. Ладно, давайте ваш головоломный вопросик.
КОМЕНДАНТ (*быстро*). Скажи, как играет твоя труба?..

БУРЖУИНЫ в нетерпении подались вперед, прилипли к решетке — наконец-то они узнают желанную тайну.

КИБАЛЬЧИШ. Очень просто...
ПЛОХИШ (*непроизвольно*). Осторожнее... Кибальчиш!.. (*И замер в страхе.*)
БУРЖУИНЫ (*разом*). Кто сказал?
— Плохиш?..
— А-а-а!..

НАЧАЛЬНИК ТЮРЬМЫ и ОФИЦЕР врываются в тюремную дверь, хватают несчастного ПЛОХИША и волокут к выходу.

ПЛОХИШ (*вопит*). Я нечаянно... Больше не буду... Честное слово... Дяденьки!..
КИБАЛЬЧИШ. Стойте... Не трогайте Плохиша... Я... вам все покажу...
КОМЕНДАНТ. Отставить!

НАЧАЛЬНИК ТЮРЬМЫ выскакивает из камеры, быстро закрывает дверь, забыв об ОФИЦЕРЕ. Тот отталкивает его, выскакивая следом.

КИБАЛЬЧИШ. Дайте мне трубу... (*Протягивает руку сквозь решетку.*)
ОФИЦЕР. Рискованно.
НАЧАЛЬНИК ТЮРЬМЫ. Улетит.

КОМЕНДАНТ. А ты нам так расскажи... Без трубы.

КИБАЛЬЧИШ. Хорошо... Я вам скажу всю правду...

КОМЕНДАНТ (*шипит КИБАЛЬЧИШУ*). Научишь — никогда не забуду... Озолочу...

НАЧАЛЬНИК ТЮРЬМЫ. Парень... соображает.

ОФИЦЕР. Умница.

КИБАЛЬЧИШ. Только... вы отпустите сначала всех мальчишей!..

БУРЖУИНЫ онемели — слова КИБАЛЬЧИША для них подобны взрыву бомбы.

КОМЕНДАНТ (*взревел*). Чего захотел!.. Сгною!.. В порошок!..

ОФИЦЕР (*шепчет КОМЕНДАНТУ*). Он еще нам нужен.

КОМЕНДАНТ (*задыхается от злости*). Я... согласен... откры... выпус... (*НАЧАЛЬНИКУ ТЮРЬМЫ.*) Ну!..

НАЧАЛЬНИК ТЮРЬМЫ (*никак не может попасть в замочную скважину, чтобы распахнуть двери перед МАЛЬЧИШАМИ*). Из моей тюрьмы?.. Чтобы всех?.. На свободу?.. (*Воет.*) А?.. Что же это такое делается?!.

ОФИЦЕР вырывает у него ключ и открывает камеру. Мертвая тишина.

МАЛЬЧИШИ. Кибальчиш!

— Мы без тебя не уйдем!..

— Мы до конца вместе!..

— С тобой, Кибальчиш!

КИБАЛЬЧИШ (*голос прерывается от волнения*). Эй, мальчиши!.. Разве не я вас учил солдатской смекалке?.. Или вы уже забыли про нее?.. Или вам, мальчишам, непонятно, что вы должны делать... там... на свободе?..

И вдруг ЧАСОВОЙ ткнулся в грудь КИБАЛЬЧИША, заплакал — он догадался, что видит КИБАЛЬЧИША в последний раз. И все МАЛЬЧИШИ приутихли и склонили головы.

(*От неожиданности сам чуть не заплакал.*) Ну!.. Ну!.. Часовой! Не плачь!.. Лучше посмотри на меня...

ЧАСОВОЙ с трудом поднимает глаза на КИБАЛЬЧИША, ему стыдно своих слез. И все МАЛЬЧИШИ тоже смотрят на КИБАЛЬЧИША.

Теперь вы меня навсегда запомните!

МАЛЬЧИШИ. Запомним!

КИБАЛЬЧИШ (*треплет ласково ЧАСОВОГО по голове*). И я тебя никогда не забуду... А на войне всегда убивают... И это еще не самое страшное...

Несчастного Плохиша волокут к выходу.
— Стойте... Не трогайте Плохиша...— кричит им вслед Кибальчиш.

ЧАСОВОЙ. А самое страшное — измена?..
КИБАЛЬЧИШ (*смотрит на ПЛОХИША*). Она... проклятая!..

ПЛОХИШ отступает и закрывается рукой, как от удара.

Вот уж кому я не позавидую, так это им... ползучим гадам. *(Улыбается.)* Так что — счастливого пути!.. Мальчиши!..
МАЛЬЧИШИ (*уходят*). Кибальчиш!
— Эй, Кибальчиш!..
— Кибальчиш!.. Кибальчиш!..
— Мы все помним!..
— Никогда не забудем!..

МАЛЬЧИШИ в последний раз оглядываются на КИБАЛЬЧИША, пробегают мимо застывших, злобных, но неподвижных БУРЖУИНОВ. Тишина. Исчезают далекие голоса МАЛЬЧИШЕЙ.

КИБАЛЬЧИШ (*ПЛОХИШУ, не оглядываясь на него*). А ты почему же не уходишь?..
ПЛОХИШ. А что?.. Мне тоже можно?..
КИБАЛЬЧИШ (*резко оглядываясь на ПЛОХИША*). Нужно!..

ПЛОХИШ рванулся к выходу.

КОМЕНДАНТ. Нет!
КИБАЛЬЧИШ. Да!
ОФИЦЕР (*шепчет КОМЕНДАНТУ*). Мы у него в руках.
КОМЕНДАНТ (*ПЛОХИШУ*). Иди...

ПЛОХИШ проходит мимо буржуинов. КОМЕНДАНТ в бессильной злобе щелкает хлыстом. НАЧАЛЬНИК ТЮРЬМЫ трясет наручниками. ОФИЦЕР выхватывает пистолет... Но ПЛОХИШ уходит.

БУРЖУИНЫ (*толкаясь, бросаются к ПЛОХИШУ*).
— Мир завоюем!..
— Всех!
— Всех!..
КИБАЛЬЧИШ. А теперь... приходите завтра утром.
БУРЖУИНЫ. Что?!
КИБАЛЬЧИШ. Перед смертью мой отец меня многому научил... Говорил, ты, Кибальчиш, когда встретишься с врагами... с проклятыми буржуинами, помни, что они хитрые и продажные... Вы что же, меня за дурачка принимаете?.. Я вам все про трубу?.. А вы мальчишей — обратно в тюрьму?.. Так выходит? Не бывать этому, проклятые буржуины, никогда... Вот получу от них сигнал, что они в безопасности,— тогда...

Снова застыли в безумной злости буржуины, да что они могут сделать с КИБАЛЬЧИШОМ?

КОМЕНДАНТ. Смирно-о-о!!!

Все вытягиваются по его команде. НАЧАЛЬНИК ТЮРЬМЫ закрывает камеру КИБАЛЬЧИША. Все уходят. Наступает ночь... На небе высыпают звезды... Стоит КИБАЛЬЧИШ, прижавшись к решетке... О чем он думает?.. Об отце, о брате, о мальчишах?.. Появляется чья-то неясная тень... Это ПЛОХИШ. В руке у него труба. Следом за ним крадутся буржуины, но ПЛОХИШ их не замечает.

ПЛОХИШ. Кибальчиш!..
КИБАЛЬЧИШ. Ты?!. А где мальчиши?..
ПЛОХИШ. Далеко... Пробираются навстречу Красной Армии. Я тебе трубу принес!.. (*Протягивает трубу.*) Вот она!
КИБАЛЬЧИШ. А как ты ее достал?..
ПЛОХИШ. Я сам... Вернулся... Чтобы спасти тебя. Решил прикинуться предателем... Говорю им, я помогу вам с Кибальчишом. Без меня вам его не одолеть. Мы, говорю, с ним старые друзья... Ну, они на это клюнули... Они задрыхли... А я к тебе!.. Ты играй... Играй!.. У нас сейчас с тобой силы удесятерятся... Сломаем решетку и улетим вслед за мальчишами!..
КИБАЛЬЧИШ. А зачем тебе силы удесятерять? Чтобы легче было предавать?
ПЛОХИШ. Ты что?.. Ты про кого так говоришь?.. Про меня?.. Я тебе принес трубу... Из-под самого носа буржуинов. Жизнью рисковал. А ты?..
КИБАЛЬЧИШ. Продался ты за тысячу монет.
ПЛОХИШ. Кто тебе наговорил?.. Кто?! Буржуины!.. А ты им поверил?..
КИБАЛЬЧИШ. Я сам догадался... Это было нетрудно... Только страшно. Отец же меня предупреждал об измене, да я не поверил.
ПЛОХИШ. А почему же ты молчал до сих пор?!
КИБАЛЬЧИШ. Ждал, когда ты сам сознаешься... Да и мальчишей не хотел огорчать...
ПЛОХИШ. Я к ним пришел... Когда убили всех наших... Решил, конец...

БУРЖУИНЫ подкрадываются совсем близко к ПЛОХИШУ и КИБАЛЬЧИШУ, но те их по-прежнему не замечают.

Кибальчиш... Что же мне теперь делать?.. А?..
КИБАЛЬЧИШ. Уходи!..
ПЛОХИШ. Помоги мне, Кибальчиш!..

КИБАЛЬЧИШ не отвечает.

Но ты мне веришь, что я вернулся, чтобы спасти тебя?..
КИБАЛЬЧИШ. Уходи!..
ПЛОХИШ. Я тебя спасаю. Принес трубу. А ты?.. (*Зло.*) Отдай трубу!
КИБАЛЬЧИШ. Не отдам.
ПЛОХИШ. Ну и сиди с нею... Без меня тебе даже с трубой не выкрутиться.
КИБАЛЬЧИШ. А я не хочу с твоей помощью выкручиваться.
ПЛОХИШ. Зато я буду жить, а ты умрешь. (*Уходит.*)
КИБАЛЬЧИШ. А что у тебя будет за жизнь?..
ПЛОХИШ (*останавливается в нерешительности*). Кибальчиш! Ну, скажи, как мне доказать всем, что я просто ошибся... Что я струсил... Я у них и монеты не брал... Ну, что же мне теперь делать?

КИБАЛЬЧИШ ему не отвечает — он играет на трубе. На его лице появляется улыбка.

ПЛОХИШ. Ладно, Кибальчиш... Играй... Спасайся... Улетай... А я останусь здесь и погибну.
КИБАЛЬЧИШ. Никуда я не улечу. Труба у меня... никакая не волшебная... Самая обыкновенная... Для меня только волшебная... Как память об отце... Он подымал ею в атаку красных конников, когда они дрались за свободу... Он трубил на ней тревогу, когда на нас напали проклятые буржуины... А так она обыкновенная... (*С необычайной нежностью прикасается к трубе.*)
ПЛОХИШ (*потрясен*). Обыкновенная?..
КИБАЛЬЧИШ. Обыкновенная.
ПЛОХИШ. И силы не удесятеряет?
КИБАЛЬЧИШ. Нет.
ПЛОХИШ. И полетную силу не имеет?
КИБАЛЬЧИШ. Нет.

Перед камерой Кибальчиша появляется Плохиш. Следом за ним крадутся буржуины.

ПЛОХИШ. А на что же ты рассчитывал, когда сдавался?

КИБАЛЬЧИШ. Мне надо было спасти мальчишей... А больше я ни на что не рассчитывал.

ПЛОХИШ (*в ужасе*). Так они же тебя убьют!..

КИБАЛЬЧИШ не слушает ПЛОХИША — он трубит изо всех сил тревогу!

(*Умоляет.*) Не играй!.. Кибальчиш, не надо!.. Прошу тебя!.. А то ты разбудишь буржуинов... Кибальчиш!!!

КИБАЛЬЧИШ (*обрывает игру, строго*). Мне отец велел играть тревогу каждое утро и каждый вечер... Пока не придет Красная Армия... Это военный приказ. (*Снова играет.*)

ПЛОХИШ. Отдай трубу!.. Отдай!.. Я убегу и спрячу ее... И тогда они тебя не убьют... Ты ведь будешь им нужен!.. Они никогда не откажутся от трубы, думая, что она волшебная!.. А ты будешь жить... А в это время подоспеет Красная Армия... Осталось продержаться всего несколько часов.

КИБАЛЬЧИШ (*обрывая игру*). Хорошо бы продержаться... Только какой ценой?

ПЛОХИШ. А ты притворись, что ты за них... На время... Как я...

КИБАЛЬЧИШ. Ты думаешь, можно предавать на время?.. (*С большой печалью.*) Эх ты, Плохиш!.. (*Играет еще громче.*)

ПЛОХИШ (*протягивает руку сквозь решетку, тянется из последних сил к КИБАЛЬЧИШУ*). Кибальчиш... Отдай трубу!.. Отдай!.. Отдай! (*Сползает по решетке вниз.*)

БУРЖУИНЫ выбегают из засады. В руках у них тускло поблескивают пистолеты.

(*Оглядывается, в ужасе бросается к БУРЖУИНАМ.*) Не надо!.. Не стреляйте!.. Лучше меня!

БУРЖУИНЫ поднимают пистолеты и... стреляют. Сначала обрывается звук трубы... Потом падает КИБАЛЬЧИШ.

А-а-а!.. (*Бросается на БУРЖУИНОВ.*)

Те хватают его, затыкают ему рот, бьют и, воровато оглядываясь, убегают, уволакивая ПЛОХИША.

КАРТИНА ДЕСЯТАЯ

Кабинет ГЛАВНОГО БУРЖУИНА — перед ним КОМЕНДАНТ, НАЧАЛЬНИК ТЮРЬМЫ, ОФИЦЕР и ПЛОХИШ, которого они тащат, закованного в наручники.

ГЛАВНЫЙ БУРЖУИН. Что же это такая за

непонятная страна, в которой даже какие-то мальчиши сражаются до самого конца?..

БУРЖУИНЫ, перепуганные до смерти, молчат... Откуда-то издалека доносится, как нескончаемое эхо,— «ура-а-а!».

(*Хрипит, задыхается.*) Что это?..
ПЛОХИШ. Красная Армия.

БУРЖУИНЫ застывают... Взрыв — и они исчезают в его пламени... И ПЛОХИШ бесславно пропадает вместе с ними. Тишина. Входит одинокий КРАСНОАРМЕЕЦ. Улыбается... Хочет сказать что-то радостное, но замечает КИБАЛЬЧИША... Взламывает тюремную камеру... Стоит над КИБАЛЬЧИШОМ... Стаскивает с головы фуражку... Поднимает КИБАЛЬЧИША, выносит из камеры, опускает на землю... Кладет ему на грудь трубу... Тоненькое длинное тело КИБАЛЬЧИША вытянуто — голова склонилась к плечу, как будто он крепко уснул.

Вбегает орава МАЛЬЧИШЕЙ.

МАЛЬЧИШИ. Ура-а-а!.. Победа!
КРАСНОАРМЕЕЦ. Тихо, пацаны... Мальчонка тут один... уснул... Так что идите веселитесь в другом месте.
ЧАСОВОЙ (*бросается к КИБАЛЬЧИШУ*). Кибальчиш!.. Проснись!..
МАЛЬЧИШИ (*бросаются к КИБАЛЬЧИШУ, не слушая КРАСНОАРМЕЙЦА*). Кибальчиш!.. Кибальчиш!..

— Проснись!..
— Победа!..
— Наши пришли!..

Слова замирают у них на губах: они видят кровавое пятно на груди КИБАЛЬЧИША.

КРАСНОАРМЕЕЦ. А где его мать?
ЧАСОВОЙ. Ее убило еще на гражданской.
КРАСНОАРМЕЕЦ. А отец?
ЧАСОВОЙ. Погиб, сражаясь с проклятыми буржуинами.
КРАСНОАРМЕЕЦ. А брат или сестра?..
ЧАСОВОЙ. Был брат... Вместе с отцом ушел, домой не вернулся.
КРАСНОАРМЕЕЦ. А вы кто же ему будете?
ЧАСОВОЙ. Товарищи.
КРАСНОАРМЕЕЦ. Похороним его вон на том высоком холме... Чтобы все люди видели его могилу...

МАЛЬЧИШИ поднимают КИБАЛЬЧИША, спускаются со сцены и несут через зрительный зал... Звучит строгая песня. На сцене остается только один ЧАСОВОЙ. Он держит в руке трубу КИБАЛЬЧИША. А когда песня обрывается, ЧАСОВОЙ вспоминает свои разговоры с КИБАЛЬЧИШОМ.

ГОЛОС ЧАСОВОГО. Кибальчиш, а что самое страшное на войне?..
ГОЛОС КИБАЛЬЧИША. Измена. Страшнее ее ничего нет.
ГОЛОС ЧАСОВОГО. А что надо, чтобы солдату победить?..
ГОЛОС КИБАЛЬЧИША. Товарищей верных... Да патронов побольше.
ГОЛОС ЧАСОВОГО. А еще?
ГОЛОС КИБАЛЬЧИША. Солдатскую смекалку... Чтобы голова хорошо работала... Да чтобы сердце горячо любило родную землю.
ЧАСОВОЙ (*плачет*). Кибальчиш!.. Кибальчиш!.. (*Бросается вслед за всеми.*)

КОНЕЦ

Из книги Н. К. Крупской «Письма пионерам».

Ваши вожатые, верно, рассказывали вам о том, что быть пионером — это значит не только носить красный галстук. Быть пионером — значит принимать участие в улучшении окружающей жизни, думать над тем, как это сделать.

«Будьте общественниками!»

* * *

Стараетесь ли держать ваш класс, вашу школу, вашу библиотеку, ваш пришкольный участок в чистоте, в порядке, стараетесь ли сделать их красивее, удобнее для общей работы, занятий, игры?

«Мое» и «наше».

* * *

И вместе с тем надо уметь вырабатывать в себе характер, вырабатывать у себя волю. Надо уметь побороть в себе страх, нерешительность, усталость, раздражительность. Зачем? Ясно зачем. Человек без воли — игрушка в руках всякого проходимца. Какой из него может выйти борец за дело Ленина, за дело социализма?

«О сознательной дисциплине».

* * *

Нужна дружба между ребятами всех национальностей. Этого хотел Ленин...

«О дружбе ребят всех национальностей».

* * *

Надо также, чтобы была забота об общем имуществе. Видят ребята — забор завалился, надо поправить; видят — бумага грязная набросана, надо убрать; видят — огонь зря горит, надо потушить; видят — малыша кто-нибудь обижает, надо заступиться; видят — неграмотный, надо обучить грамоте. Надо помогать старшим, надо учиться, надо вглядываться и вдумываться в жизнь...

«Письмо колхозным ребятам».

Урок труда. 1930 г.

А. ЖАРОВ

Марш юных пионеров

Взвейтесь кострами,
Синие ночи!
Мы пионеры —
Дети рабочих.
Близится эра
Светлых годов.
Клич пионера:
«Всегда будь готов!»

Юны и смелы,
Дружной гурьбою
Будем готовы
К труду и бою.
Будем примером
Борьбы и трудов.
Клич пионера:
«Всегда будь готов!»

Радостным шагом
С песней веселой
Мы выступаем
За комсомолом.
Близится эра
Светлых годов.
Клич пионера:
«Всегда будь готов!»

Грянем мы дружно
Песнь удалую
За пионеров
Семью мировую,
Будем примером
Борьбы и трудов.
Клич пионера:
«Всегда будь готов!»

Мы поднимаем
Алое знамя.
Дети рабочих,
Смело за нами!
Близится эра
Светлых годов.
Клич пионера:
«Всегда будь готов!»

1922

Сцена из пионерского парада. 1927 г.

Юные авиамоделисты. 1933 г.

Народный художник РСФСР Н. М. ЧЕРНЫШЕВ.

Поздравляем! Happy Birthday!

С днем рождения Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина всех советских детей поздравляют их верные друзья. Они собрались на юбилейное заседание нашего клуба.

Ромеш ЧАНДРА,
Президент Всемирного Совета Мира,
лауреат Международной Ленинской премии
«За укрепление мира между народами».

Я принадлежу к поколению ровесников Великого Октября. Помню, с какой надеждой мы, молодые индийцы, смотрели на первое в мире государство рабочих и крестьян, строящее новую жизнь. Мы видели трудности, которые переживала в тот период ваша страна, и поражались тому вниманию, какое проявила Советская власть к юным гражданам республики.

Советский Союз давно занял главное место в движении миролюбивых сил, а юные пионеры встали в первые ряды советских сторонников мира. В день рождения Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина я желаю всем пионерам-ленинцам счастья, радости и успехов во всех ваших начинаниях. Активно боритесь за мир! Крепите дружбу детей на планете!

Фрида БРАУН,
Президент Международной демократической федерации женщин,
лауреат Международной Ленинской премии
«За укрепление мира между народами».

Недавно я стала бабушкой. Как и миллионы бабушек и матерей земли, я хочу, чтобы мы воспитывали наших детей и внуков в мире.

Советским детям не знакомо чувство страха перед будущим. У нас, в Австралии, даже самые маленькие понимают, что обществу они безразличны. Дети с малых лет приучаются избегать врачей и больниц, потому что лечение стоит дорого. Для наших родителей время летних каникул — пора настоящих мучений. Детей нечем занять. Они вынуждены днями напролет торчать на улице. А в Советском Союзе я видела веселые вереницы автобусов, уносящих ребят в пионерские лагеря, станции юных техников и Дворцы пионеров, стадионы и клубы для детей. Это большое счастье для вас, ребята, общаться друг с другом, интересно жить, дружить и чувствовать, что ты — частичка самой увлекательной страны Пионерии. Новых вам успехов, новых замечательных дел!

Хельга ЛАБС,
председатель Центрального Совета
пионерской организации имени Э. Тельмана.

Дорогие пионеры-ленинцы!

Шлю вам братский привет от имени пионеров-тельмановцев Германской Демократической Республики.

Недавно юные пионеры ГДР отправились в экспедицию «Всегда готов!», на маршрутах которой им предстоит лучше узнать свою родину. Идут они и по маршруту дружбы, знакомясь с историей дружеских связей наших народов и детей обеих стран. Так что весной вы получите много-много поздравлений из Германской Демократической Республики. Мы желаем вам больших успехов, интересных дел!

Мухаммед ЮСУФ,
председатель Центрального Совета
пионерской организации Афганистана.

В день рождения пионерской организации СССР пионеры Афганистана шлют сердечные поздравления славной красногалстучной гвардии страны Октября!

Wir gratulieren Euch!

Афганские мальчики и девочки, как и советские ребята, активно трудятся на полях и стройках республики, овладевают глубокими знаниями, помогают младшим. Немало интересных дел уже вошло в летопись пионерии Афганистана, но еще больше предстоит сделать.

Мы благодарны советским пионерам за искреннюю поддержку нашей молодой республики. Их голос ясно слышен среди голосов всех честных людей, протестующих против попыток империалистических кругов задушить свободолюбивый Афганистан. Пусть же крепнет дружба между пионерами наших стран, между детьми всей планеты! Новых вам свершений, дорогие ленинцы!

Педро БАГУИСА,
президент Ассоциации содействия прогрессу молодежи Филиппин, председатель детского комитета.

Дорогие ребята!

У нас, на Филиппинах, знают и любят советских пионеров и с большой радостью узнают об их новых делах и замыслах.

Пять лет назад в нашей стране появилась детская организация «Новая весна». Почему она так называется? Дело в том, что филиппинцы всегда с волнением ждут весну, связывая с ней надежды на добрый урожай, а значит, и благополучие в семье. Так вот, «Новая весна» стремится улучшить жизнь филиппинских детей, воспитать их патриотами своей Родины. В этой работе нам помогает опыт советских пионеров.

Тур ХЕЙЕРДАЛ,
норвежский ученый, путешественник, этнограф.

У меня была давняя мечта: посадить на корабль людей разных национальностей и отправиться в плавание. Отчасти она исполнилась. Но что удивительно — я оказался не оригинален. Советские пионеры уже давно опередили меня. Каждый год они собирают в «Артеке» детей из разных стран и отправляются в увлекательное путешествие по стране Детства. Дружен их экипаж, слаженно они работают.

С большим интересом встречался я с советскими пионерами во время недавней поездки в вашу страну. Сколько задора, радости было в их глазах! Как уверенно смотрят они в будущее! Великое счастье быть членом организации, которая ведет тебя вперед, делает твою жизнь увлекательной. В день юбилея Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина хочется пожелать вам, ребята, новых путешествий, открытий и много-много верных друзей!

Бенджамен СПОК,
детский врач, педагог, общественный деятель США.

С пионерами Страны Советов я познакомился пять лет назад в «Артеке» на Международном детском фестивале «Пусть всегда будет солнце!». Помню яркий, солнечный день, голубое море, праздничный базар солидарности, на котором дети разных стран продавали свои поделки. Вырученные деньги они внесли в Фонд мира.

Я иногда с грустью думаю о детях сегодняшней Америки. Наших отцов заботит прежде всего то, как воспитать своего ребенка сильным и ловким бойцом за кусок хлеба, за место под солнцем. Они не хотят, да и не могут помочь своему ребенку вырасти честным, достойным и гуманным членом общества. Человеком, которому боль и страдания другого близки и понятны,как свои. Побывав в «Артеке», я понял, какую благородную задачу выполняет Ленинская пионерская организация. Ребята проходят в ней настоящую школу гражданственности, приучаются думать не только о себе, но и о своих ровесниках, о людях во всем мире. Вместе со взрослыми они борются за мир на земле, за право детей жить счастливо.

В славный юбилей Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина хочу пожелать вам, дорогие ребята, юного задора, оптимизма и неистощимой выдумки. Будьте достойны Страны Советов, гражданами которой вам посчастливилось стать!

Рудознатцы XX века

Оглянись вокруг... Почти все, что сделано руками человека, изготовлено на основе горных пород и руд, выращено с помощью минеральных удобрений. Нет сейчас ни одной отрасли народного хозяйства, которая могла бы обходиться без минерального сырья!

Поэтому все более важной становится работа геологов — тех, чьими трудами найдены и разведаны многие тысячи месторождений полезных ископаемых.

Может быть, и ты через некоторое время станешь геологом, отправишься в далекие маршруты на поиски нефти, руд, строительного камня! В таком случае ты, возможно, станешь членом одной из экспедиций Министерства геологии СССР.

Какие специалисты нужны там сегодня? Что за работа ждет современных рудознатцев в Сибири, Средней Азии, на Дальнем Востоке? Каким должен быть геолог в наши дни?

Об этом шел разговор на встрече ребят из школы юных геологов при геологическом факультете Московского университета с первым заместителем министра геологии СССР **Борисом Матвеевичем ЗУБАРЕВЫМ.**

Б. М. Зубарев. Я очень рад этой встрече, рад, что вы интересуетесь нашей специальностью, работой геологов.

Что же такое геология сегодня?

Сейчас значительно возросла роль нашей отрасли. Полезные ископаемые в современных странах становятся важной частью их экономического потенциала. Политика многих государств зависит от того, хватает ли им собственного минерального сырья, особенно топлива.

Наша Родина имеет у себя дома все виды полезных ископаемых и обеспечивает ими свою промышленность. Этого нет больше ни в одной стране мира...

Почти все работы по поискам и разведке

полезных ископаемых ведет Министерство геологии.

Сотни тысяч человек работают в экспедициях и институтах министерства. В их распоряжении — десятки тысяч автомобилей и тракторов, самолетов и вертолетов, огромное количество различных механизмов, агрегатов и приборов, специальные корабли, исследующие морское дно. Каждый год в земных недрах пробуривается несколько десятков миллионов метров скважин!

Только специалисты высокой квалификации, вооруженные этой мощной техникой, способны решать все более сложные задачи, которые ставит перед нами государство.

Тот, кто решил стать геологом, должен знать, насколько усложнилась сейчас наша работа. Ушли в прошлое путешествия по горам и лесам в надежде случайно наткнуться на месторождение. Каждому открытию предшествует кропотливая работа ученых, составление прогнозных карт, тщательное исследование образцов пород и руд в лаборатории.

Геолог работает сейчас так же, как физик или биолог, постепенно, шаг за шагом приближаясь к цели исследований. Только предмет исследования у него особый — вся Земля...

Борис Смыслов. Значит, геологам уже не нужно ходить в маршруты, пробираться в труднодоступные места, чтобы там находить новые месторождения?

Б. М. Зубарев. То, что геолог может увидеть своими глазами, не сообщат ему никакие приборы и установки. Приборы лишь помогают, собирают нужные сведения. А вот оценить эти сведения и узнать, богаты ли в данном месте недра, может только хороший геолог. И, несмотря на мощное техническое оснащение, геологи по-прежнему будут ходить в маршруты. Но не так, как раньше, в поисках случайных открытий...

Феликс Сталь. Борис Матвеевич, недавно возникло новое направление — космическая геология. Какие месторождения удалось открыть с ее помощью?

Б. М. Зубарев. Должен разочаровать вас — из космоса находить месторождения пока невозможно и вряд ли это скоро будет удаваться.

Земная поверхность давно фотографируется с искусственных спутников, изучается различными приборами. И когда геологи впервые рассмотрели эти изображения, они увидели то, что раньше невозможно было увидеть.

Представьте, что вы очень близко подошли к многоэтажному дому и видите всего лишь одно окно. Если отойти подальше, то в поле зрения попадает соседнее окно, еще дальше — перед вами предстанет целый этаж, затем другой и, наконец, весь дом.

Так вот, когда геологи ходили в маршруты, то осматривали маленькие участки земной поверхности. А на космических снимках — многие миллионы квадратных километров! И геологи смогли обозревать эти площади целиком, одним взглядом окидывать громадные территории. Это позволило им лучше понять геологическое строение больших участков земной коры.

Космические исследования помогли направить разведчиков недр в наиболее интересные районы Западного и Центрального Казахстана, Якутии, Охотско-Чукотского края, вдоль трассы Байкало-Амурской магистрали.

Корреспондент журнала «Пионер». Всем известно значение для нашей страны нефтяных и газовых месторождений Западной Сибири. Возможны ли еще такие крупные открытия, скажем, в двенадцатой пятилетке?

Б. М. Зубарев. Месторождения Западной Сибири и в будущем останутся главным поставщиком жидкого и газообразного топлива. В нынешней и в следующей пятилетках геологам предстоит разведать новые запасы тюменской нефти и газа.

Но открытия, подобные Тюмени, чрезвычайно редки. Трудно предполагать, что где-то еще удастся встретить такой же регион. Однако на территории нашей страны могут быть обнаружены новые районы, богатые нефтью и газом, например, в пределах Сибирской платформы. Правда, ее геологическое строение отличается чрезвычайной сложностью и напоминает «битую тарелку». Здесь геологам и геофизикам приходится особенно трудно при поисках и разведке месторождений.

Очень крупное месторождение газа — Астраханское — открыто и разведывается в Прикаспийской впадине. Оно залегает на глубине четырех тысяч метров и содержит много сероводорода — весьма агрессивного химического соединения. Мгновенно, буквально за несколько часов, сероводород приводит в негодность высокопрочные трубы, с помощью которых бурят разведочные скважины. А буровикам предстоит «идти» еще глубже, достичь скважинами глубины в семь тысяч метров. Там предполагаются нефтяные залежи.

На территории Казахстана найдены месторождения нефти и газа. Они уже эксплуатируются, например, на полуостровах Мангышлак и Бузачи.

Сейчас геологи внимательно изучают наши прибрежные районы и дно морей, омывающих территорию Советского Союза. По предположениям ученых, там должны быть «резервуары» жидкого и газообразного топлива.

Юрий Гансвинд. Борис Матвеевич, более четверти века изучается ледяной континент Антарктида. Какие полезные ископаемые там найдены и будут ли они добываться?

Б. М. Зубарев. Антарктида давно интересует геологов. Здесь обнаружены древнейшие на

Земле породы — как бы первые страницы каменной летописи планеты.

Но нет более сурового места на Земле, чем ледяной материк. Его площадь четырнадцать миллионов квадратных километров, и все это пространство покрыто ледяным панцирем толщиной от двух до четырех километров. Добраться до горных пород здесь очень трудно, а часто и просто невозможно. Только на самых вершинах узких хребтов нет льда и там удается найти открытые скалы и собрать образцы. Геологам приходится использовать такие методы, которые помогают им «заглянуть» под толщу льда.

Казалось бы, ледяной материк надежно укрыл свои богатства от людей. Однако советские экспедиции обнаружили в восточной части Антарктиды большие залежи железных руд, такие же, как в Кривом Роге. Там же выявлены мощные пласты каменного угля. Почти во всех горных цепях найдены в небольших количествах руды цветных металлов, фосфоритов, горного хрусталя и многих других полезных ископаемых. Эти находки говорят о том, что недра Антарктиды не пусты. В прибрежной части морей ученые обещают месторождения нефти и газа.

Освоение минеральных богатств Антарктиды — дело будущего. Она далеко расположена от обжитых мест, и доставка туда людей и оборудования будет сложной и дорогой. Там никогда не бывает температуры выше нуля.

А главное, природа Антарктиды очень уязвима. Любые работы могут нанести непоправимый ущерб этому уникальному материку. Поэтому страны, исследующие его в настоящее время, договорились проводить там только научные исследования.

Максим Курников. Мы были на Урале и видели одно медно-колчеданное месторождение. Вокруг него исчезла растительность, трава выжжена. Что делается, чтобы не наносить такого вреда природе при горных разработках?

Б. М. Зубарев. То, что вы видели, произошло в результате выброса наружу серы, которая освобождается при добыче меди. Потом сера оседает на землю вместе с дождем и губит растительность.

Охрана природы при горных разработках — очень серьезный вопрос. Создана специальная комиссия, которая строго следит за соблюдением всех мероприятий, ограждающих природу от ущерба. Для каждого горнодобывающего предприятия разработан пятилетний план по охране природы. Все вредные химические соединения должны улавливаться.

Геологи не добывают полезные ископаемые, они только находят и разведывают месторождения.

Но мы небезразличны к судьбе открытых нами месторождений. Мы хотим, чтобы руда, нефть, газ использовались комплексно, чтобы из поднятой на поверхность руды извлекались все полезные компоненты.

Около рудников и карьеров скапливаются гигантские отвалы пустой породы, из которой уже взято все ценное. Но и эту породу можно использовать, скажем, как строительный материал при прокладке дорог и т. д.

Сегодня необходимо думать и об охране верхних горизонтов земной коры, где человек провел так много подземных тоннелей, горных выработок, построил шахты и рудники. В ряде районов поднялись грунтовые воды, в других они, наоборот, ушли на глубину.

Женя Порховой. Расскажите, пожалуйста, о себе, Борис Матвеевич. Где вы начинали работать как геолог?

Б. М. Зубарев. В семнадцать лет я ушел добровольцем в Красную Армию, участвовал в боях на Халхин-Голе. С начала и до победного конца был на фронтах Великой Отечественной войны. После войны окончил горно-металлургический институт. Работал в Восточных Саянах, где проводил поиски и съемку, разведывал месторождения бокситов, известняков, молибденовых руд, редких и благородных металлов.

Больше всего увлекали меня геологическая съемка и поиски. Глубокое удовлетворение получаешь, когда правильно оцениваешь ту площадь, которая тебе доверена, особенно если открыто месторождение полезных ископаемых.

Работал я и в других районах страны, и за границей — в Африке и Китае.

Сергей Козлов. Борис Матвеевич, как стать геологом?

Б. М. Зубарев. Для начала советую участвовать в школьных геологических походах. Сегодня они проводятся в каждой республике, во многих краях и областях. В них принимают участие сотни тысяч ребят. Школьники, работавшие в юношеских геологических отрядах и экспедициях в Казахстане, в Магаданской области, на Урале, открыли новые рудопроявления, месторождения строительных материалов, поделочных и облицовочных камней. Сейчас идет подготовка к проведению в будущем году очередного Всесоюзного слета юных геологов.

Геологические походы интересно проводить повсюду. Даже в Подмосковье можно совершать увлекательные геологические маршруты по берегам рек, оврагам, посещать карьеры, собирать минералы, горные породы, ископаемую фауну и флору для сбора коллекций.

После окончания восьмого класса можно пойти учиться в профессионально-техническое училище. В Министерстве геологии их девятнадцать — они есть в Российской Федерации, Молдавии, Средней Азии... В каждом училище вам помогут получить профессию буровика, горнопроходчика, механика, дизелиста, одним словом, любую рабочую профессию и стать разведчиком недр.

Тринадцать геологоразведочных техникумов готовят техников-геологов. Во многих университетах, политехнических и горных институтах есть геологические факультеты, в ряде городов открыты геологоразведочные институты.

Каждый, кто решил стать геологом, должен помнить, что ему надо обладать крепким здоровьем, быть ловким, выносливым, заниматься спортом. Где бы ни пришлось работать инженеру, технику, рабочему, очень важна хорошая физическая подготовка, умение переносить полевые неудобства, а главное — верность и любовь к своему делу.

Литературная запись В. ДРУЯНОВА.

От редакции. *Все, кто хочет принять участие в разговоре с* ***первым заместителем министра геологии СССР Б. М. Зубаревым,*** *могут написать письмо в редакцию.*

Самые интересные письма с вопросами, размышлениями о будущей профессии, о том, где бы вы хотели учиться и работать, мы передадим Б. М. Зубареву.

Разговор будет продолжен.

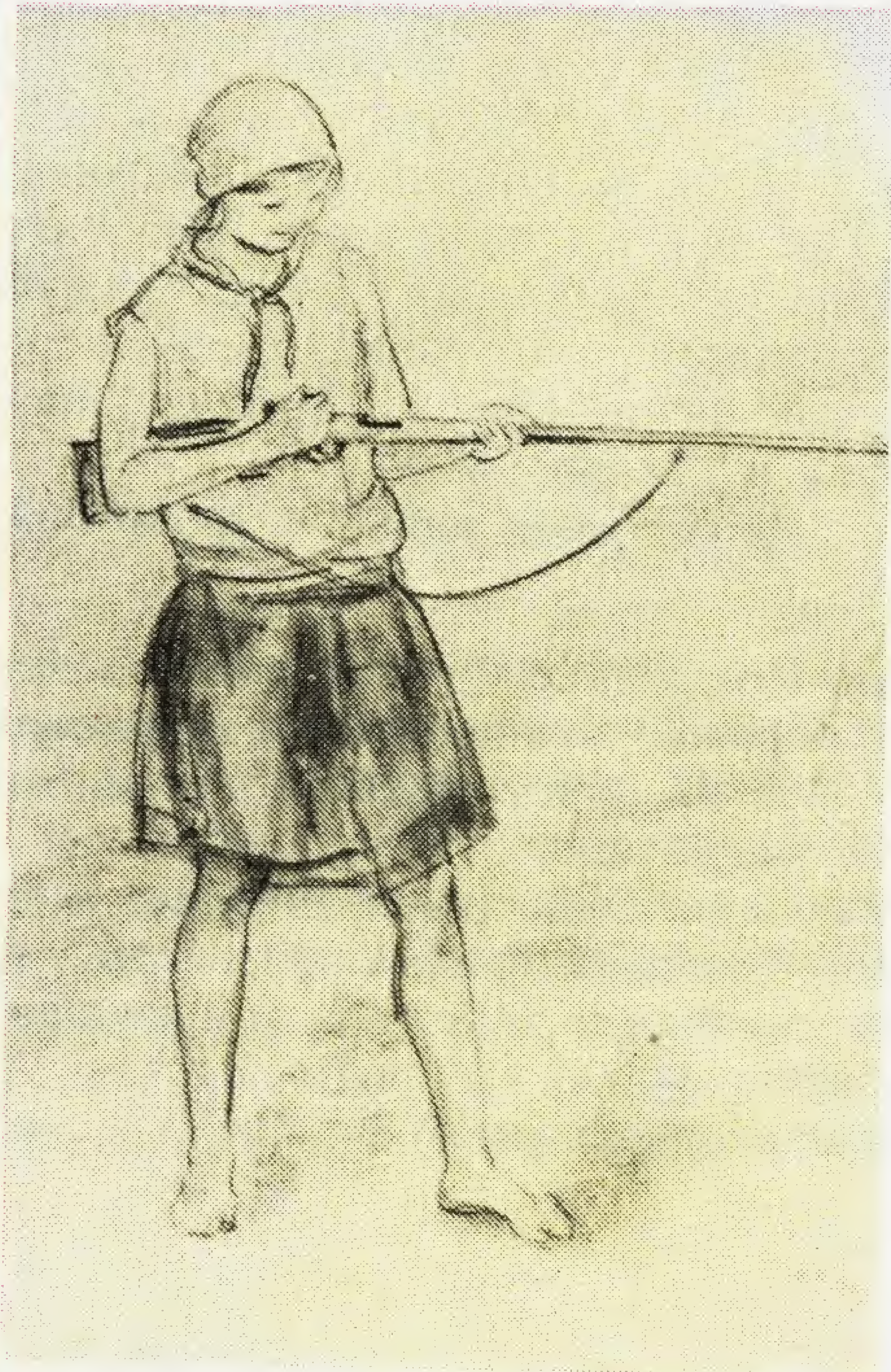
Владимир МАЯКОВСКИЙ

Возьмем винтовки новые

Возьмем винтовки новые,
на штык флажки!
И с песнею
в стрелковые
пойдем кружки.
Раз,
два!
Все
в ряд!
Впе-
ред,
от-
ряд.
Когда
война-метелица
придет опять —
должны уметь мы целиться,
уметь стрелять.
Ша-
гай
кру-
че!
Цель-
ся
луч-
ше!
И если двинет армии
страна моя —
мы будем
санитарами
во всех боях.
Ра-
нят
в ле-
су,
к сво-
им
сне-
су.

Бесшумною разведкою —
тиха нога —
за камнем
и за веткою
найдем врага.
Пол-
зу
день,
ночь
мо-
им
по-
мочь.
Блестят винтовки новые,
на них
флажки.
Мы с песнею
в стрелковые
идем кружки.
Раз,
два!
Под-
ряд!
Ша-
гай,
от-
ряд!

1927.

Пионерка-стрелок (Саблина Тоня). 1929 г.

Пионерки 20-х годов.
Народный художник РСФСР Н. М. ЧЕРНЫШЕВ.

Николай ВОЛЫНСКИЙ

МУЖЧИНЫ НЕ ПЛАЧУТ

Рисунки М. ЛИСОГОРСКОГО.

Патефон стащил с себя сапоги и прямо в ватнике и штанах влез в спальный мешок. Помолчав с минуту, мрачно посмотрел на Гошку и «завелся». Гошка не удивился. За два месяца жизни в одной палатке он к этому привык. Кличку Патефон он получил за то, что каждый вечер после работы принимался ныть, ворчать, стонать. Как патефон со старой, заезженной пластинкой.

«Опять...» — с тоской подумал Гошка.

— Я знаю твоего отца лет десять, еще с гражданской,— сказал Патефон.— И в экспедициях с ним не в первый раз.

— Ну и что? — спросил Гошка.

— А то,— затянулся цигаркой Патефон,— что я не ожидал от него такого...

— Чего? — прошептал Гошка, уже поняв, что́ последует дальше. Патефон давно намекал на неких молокососов, которым нужно сидеть дома и играть в паровозики. Так нет же! Вот и приходится тут работать за них, будто своих забот мало. Может, им еще соску с теплым молоком по утрам в спальный мешок подавать? При этом Патефон демонстративно смотрел сквозь Гошку.

Гошка тоже давно хотел сказать, что за него здесь никто не работает. Он сам умеет и палатку разбить, и коня оседлать, и костер разжечь на таком ветру, когда кажется, камни вот-вот сорвутся с места и побегут, словно испуганные зайцы.

— И зачем он взял тебя в горы? — распалялся Патефон.— Что, ты дома ему еще не надоел? Или без няньки жить не можешь?

Гошка почувствовал, как предательски задрожали губы. К горлу подступил комок. А Патефон только и ждет, чтобы Гошка заплакал. Нет уж, не дождется!

Сдерживая слезы, Гошка крикнул:

— Ты когда-нибудь замолчишь, Патефон?

Рот у того со стуком закрылся, как крышка почтового ящика. В первый раз Патефон услышал свое прозвище. Но мальчик уже выскочил из палатки, присел за камнем у журчащего ручья — прозрачного, словно его и не было на самом деле. Самое ужасное, что Патефон в чем-то прав. Был случай.

Как-то вечером Гошка спустился вниз к ручью напиться. Вышла луна. Напившись холодной воды, Гошка поднял голову и окаменел. На том берегу стояло чудовище — черно-синяя мохнатая тень с пылающими, как у собаки Баскервилей, глазами. Зверь страшно захрапел и, выбивая ногами фонтанчики искр из камней, двинулся к мальчику.

Гошка пулей влетел в палатку.

— Там!.. Там!.. — он только указывал пальцем в сторону ручья.

Отец схватил винтовку, выскочил... Через минуту вернулся.

— Эх ты, храбрец! — дал он Гошке подзатыльник.— Это же Гнедой!

— А глаза? — спросил Гошка, трясясь от страха.

— У лошадей глаза тоже в темноте светятся. Как и у кошек.

С тех пор Патефон Гошке проходу не давал. Все дразнил.

И сейчас, не чувствуя текущих по щекам слез, мальчик обдумывал, как доказать Патефону, что тот просто болтун и лодырь. Вот если бы однажды ночью из лагеря ушли все лошади! Патефон, конечно, стал бы ныть, ворчать. И отказался бы вообще вылезать из спального мешка. А Гошка отыскал бы лошадей — по следам. Или если бы отец отпустил Гошку в маршрут одного! Гошка определенно нашел бы месторождение золота, а лучше — алмазов! Правда, отца больше интересует оловянная руда. Но и алмазы — не так уж плохо. Посмотреть бы тогда, как Патефон будет таращиться от изумления! Но Гошка не станет злорадствовать. И подарит он обалдевшему Патефону самый большой, сверкающий как лед алмаз. Хотя нет! Слишком жирно для Патефона. Самый большой Гошка снесет в школьный музей. А Патефон... О, он будет долго сопеть, сморкаться, потом заплачет, завоет, размазывая слезы по усам и бороде, и наконец попросит прощения — за все. Патефон не знал, что у Гошки недавно умерла мать, и только поэтому отец взял его с собой в горы. А испугаться лошади может каждый.

Внезапно горы и небо потемнели. Это солнце скрылось за соседним хребтом, брызнув по леднику последними холодными лучами. И почти в то же время из глубины прозрачного вечера раздалось тонкое ржание. По тропе поднимались двое всадников. Копыта лошадей скользили по мокрой глине.

Гошка узнал отца. Рядом с ним — Токтогул, студент-практикант. Они ездили в соседний отряд, расположившийся в ущелье, на другом берегу реки. Отец отвозил туда геологические карты, над которыми работал три недели. Карты были важными, и он хотел поскорее отправить их в город.

— Эге-гей! — крикнул Токтогул.

Из палатки выкатился Патефон. Продрал глаза, зевнул, так при этом хрюкнув, что отцовский конь шарахнулся в сторону.

— Как съездили? — пробасил Патефон.— Привезли чего-нибудь?

— Ничего. Переправы нет. Вода в реке поднялась,— устало ответил отец.

— Та-ак,— протянул Патефон.— У меня, между прочим, табак весь вышел.

— Не помрешь! — засмеялся Токтогул, сверкнув белыми зубами.— Береги здоровье! Покушать, конечно, уже приготовил? Есть хотим — ой-ой-ой!

— Почему все я да я? — заворчал Патефон, разжигая костер и ставя на него чайник.— Что я — один здесь? У нас еще есть полноправный член экспедиции!

Но Гошка, положив у костра седло, остро пахнущее лошадью, даже не посмотрел в сторону Патефона.

В горах ночь наступает сразу. После ужина Гошка лежал у костра, лениво чувствуя, как сытное тепло охватывает тело, как сон тяжелит веки. Во тьме казалось, что над синими углями испуганно пляшут огненные человечки. Рядом сидел отец, вытащив свои карты и о чем-то вполголоса переговариваясь с Токтогулом. Патефон, растянувшись на кошме, свирепо храпел.

Послышалось ржание. Сейчас же отозвалась одна из четырех лошадей, пасшихся около палатки,— тонконогая игривая Сюзанна. Во тьме фосфорически светились три пары лошадиных глаз, и у костра остановились всадники.

— Салям алейкум, начальник! — весело крикнул один из них.

— Алейкум салям,— вежливо ответил отец, поднимаясь и пряча карты в планшет.— Прошу к нам. Садитесь, будем пить чай.

Гости стреножили лошадей, ослабили седельные подпруги и присели. Одеты были они в стеганые ватные халаты. Двое держали в руках короткие кавалерийские карабины, у третьего за спиной болталась скорострельная винтовка. Устроившись вокруг костра, гости положили оружие на колени.

Гошка схватил черный от копоти чайник и помчался к ручью. «Охотники! — лихорадочно думал он, приплясывая от нетерпения, пока чайник наполнялся водой.— Ох, шикарная будет охота! Хоть одну шкуру-то они оставят».

Здесь, в горах, выше облаков, буквально в нескольких километрах от границы, бродили огромные стада непуганых горных козлов и архаров. Геологи не охотились. Но у Гошки была давняя мечта — иметь шкуру настоящего горного козла. Что может быть лучше такого трофея! Да смотреть на нее сбегутся мальчишки со всего двора.

Чайник деловито сопел на костре. Отец беседовал с охотниками. Собственно, разговаривали с ним двое — высокий, чернобородый, и коренастый крепыш. Третий, похоже, порусски не понимал.

— Да, начальник,— покачал головой чернобородый.— Охота плохая нынче.

— Плохая? — удивился отец.— Места здесь богатые. Правда, теперешний зверь запах пороха издалека чует.

— Вот-вот — чует! — подтвердил другой гость, по лицу которого бегали красные отблески огня, отчего оно казалось вылитым из ржавой меди.— Может, завтра вместе сходим, а, начальник?

— Попробовать можно бы,— поразмыслил отец.— Вот и сын давно просится,— потрепал он Гошку по плечу.— Только не знаю, как с переправой. Вы переходили реку?

— Как же — переходили! — заверил чернобородый.— Вода хорошо стоит, ног не замочили даже.

— Не замочили? — отец в упор посмотрел на гостей. И увидел, что прямо в лоб ему наставлено дуло карабина.— Что за шутки?

— Шутки кончились, начальник,— негромко и раздельно произнес чернобородый.— А переправа хорошая,— и он щелкнул затвором карабина.— Только не в ту сторону, что ты думаешь. Дай-ка сюда твой планшет!

Фигуры у костра внезапно расплылись и отодвинулись куда-то — как бы за стекло, залитое дождем. Гошка услышал тонкий звон в ушах, будто его ударили по голове. Но его никто не бил. Расширенными от ужаса глазами Гошка увидел, как ударили отца, когда он попытался вырвать карабин из рук высокого человека. Ударил меднолицый — револьвером, выхваченным из кармана. Кровь мгновенно залила отцу глаза, и он рухнул лицом оземь. Мальчик успел заметить, как Патефон стал отползать потихоньку в темноту. Но его настиг чернобородый и связал ремнем. Прямо перед Гошкой разъяренный Токтогул, страшно оскалив белые зубы, пытался сбросить с себя двух повисших на нем бандитов. Так Гошка ошарашенно смотрел до тех пор, пока чернобородый, покончив с Патефоном, не взял мальчика за шиворот, быстро опутал его руки и ноги тонкой веревкой и бросил, словно сверток, к Токтогулу. Тот, тоже связанный, лежал на земле и скрипел зубами.

Тяжело дыша, чернобородый взял чайник, вылил из него кипяток, принес из ручья холодной воды и плеснул отцу в лицо. Отец застонал и открыл глаза.

— Ну что, начальник? — спросил бандит.— Как насчет переправы? Карты ведь надо прочесть, расшифровать, объяснить. Так что придется тебе пойти с нами. Вон туда,— указал он в сторону границы.

Отец молчал.

— А если не пойдешь,— вздохнул чернобородый,— то этих двух,— он указал на Токтогула и Патефона,— мы шлепнем тут же. А щенка...— он кивнул в сторону Гошки.— Это твой щенок, верно? Привяжем его к твоей лошади и подожжем ей хвост.

— Мерзавцы...— с трудом произнес отец.

— Ладно,— усмехнулся чернобородый.— На

сегодня разговор окончен. Надо бы сейчас всех вас прикончить. Но... дам тебе шанс. Может, одумаешься к утру.

В одну палатку они втащили отца и Патефона, в другую — Токтогула и Гошку.

Мелко вздрагивая, Гошка поерзал, попытался перевернуться на живот. Перевернулся. Подполз к входу.

Пламя костра снаружи стало ярче. Потом в палатку проник запах жареного мяса.

— Наши припасы растаскивают, подлецы,— прошептал Токтогул.— Сейчас до спирта доберутся.

Так, очевидно, и вышло. Разговор у костра становился все громче и наконец превратился в спор. Токтогул шепотом переводил, о чем говорят бандиты. Двое упрекали третьего, вероятно, чернобородого, за то, что он решил ночевать здесь. Застава рядом, неровен час — наедут пограничники. Оставаться опасно, говорили они. Но еще опаснее отправляться в путь в темноте, возражал главарь. Местность незнакомая, а по картам Гошкиного отца они не смогут сориентироваться.

— Тогда оставайся сам! Мы уйдем вдвоем,— таков был конец разговора.

— Значит, они убьют нас сейчас,— прошептал Гошка и заплакал.

Ему не было страшно. Было грустно и пронзительно больно — как перед долгой разлукой с отцом, когда он уезжал в командировку. И еще раз такую же боль Гошка испытал, когда умерла мать.

«Теперь у меня никого не будет,— подумал Гошка.— И отец умрет. А вдруг и меня тоже убьют...»

Токтогул молчал.

Снова заговорил чернобородый — тихо и убедительно. Теперь никто ему не возражал. Сообщники поворчали, вскоре все затихло.

Полог палатки откинулся. В нее забрался меднолицый бандит. Он зажег свечу, поставил ее у входа, проверил веревки на Токтогуле и Гошке. Потом влез в спальный мешок Патефона и захрапел.

Гошка почувствовал, что дрожит сильнее и сильнее. Ему казалось, что он погрузился в бездонный сон, тяжелый и удушливый. Так бывает во время болезни. И снится Гошке только огромная свеча у входа в палатку. А вокруг свечи, словно около костра, расположились бандиты — все в полосатых халатах, в чалмах на головах. На огромном вертеле жарится лошадиная туша. Первый кусок отрезает себе высокий бандит. Только борода у него не черная, а огненно-красная, выкрашенная... «В каком сне я их видел? — спросил себя Гошка.— В какой книжке читал? Да ведь это же басмачи, настоящие басмачи!»

Мальчик не знал, сколько прошло времени, когда неожиданно он услышал у себя над ухом шепот Токтогула.

— Гошка, а Гошка... Ну-ка протяни сюда

— Шутки кончились, начальник,— негромко и раздельно произнес чернобородый. И он щелкнул затвором карабина.

По внезапной легкости движения Гошка понял, что лошадь поплыла. И мальчик до боли в пальцах вцепился в жесткую гриву.

руки... Буду грызть твои веревки. С моими ремнями тебе не справиться. Тихо...

Гошка повернулся на бок, прикрывая Токтогула от спящего бандита. Мальчик почувствовал, как от слюны Токтогула намокают веревки на кистях. И вскоре руки ощутили облегчение.

— Теперь развяжи себе ноги,— приказал Токтогул.

Гошка нащупал узлы. Они были затянуты несильно. Теперь он свободен.

— Ну вот, дружочек,— едва слышно сказал Токтогул.— Не теряй времени. Не справиться нам с ними. Погаси свечу и возьми моего Вороного. Он привязан за уздечку. Спустишься в ущелье. Вороной дорогу во второй отряд знает. Вот только как ты переправишься через реку?.. Скажешь Тарасову, пусть он сообщит на заставу, чтобы пограничники сейчас взяли их... Задуй свечу!

Гошка набрал воздуху в легкие, как вдруг раздался ужасный мучительный стон. Бандит, до этого спокойно спавший, резко приподнялся, заскрежетал зубами и обвел палатку сумасшедшим взглядом. Потом рухнул на место и снова захрапел.

— Не бойся! — шепнул Токтогул.— Снится ему что-то. Гаси!

Гошка дунул. Свеча погасла.

Он осторожно выбрался из палатки на мокрую землю и пополз к лошадям. Одолев метров сто, мальчик поднял голову и неожиданно увидел на фоне звездного неба черную тень лошади. Это был Вороной. Он спокойно щипал траву.

Гошка встал. Конь метнулся в сторону. Гошка протянул к нему руку, но Вороной всхрапнул и глухо ударил по камням задними копытами.

— Воронок, Вороночек, миленький,— взмолился Гошка, протягивая к коню руку.— Ты же умный, хороший... Ты же все понимаешь... Нам нужно к Александру Владимировичу,— Гошка осторожно взялся за уздечку,— понимаешь, миленький? Да?..

Конь стоял неподвижно, подняв торчком уши и прислушиваясь. Гошка отвязал уздечку от колышка, вбитого в землю, и потянул к себе. И, словно вняв Гошкиным мольбам, Вороной неслышно двинулся за ним.

Тропу они нашли быстро. Она начиналась недалеко от догоравшего костра.

Вокруг было тихо. Только ручей журчал и журчал.

Тропа была еще мокрой. Они скользили оба — лошадь и мальчик. Гошка несколько раз падал, снова поднимался. Конь съезжал вниз, приседая на задние копыта. Но все явственнее слышали они усиливающийся рокот реки в долине.

И вот река, словно белый зверь, зарычав, выпрыгнула из-за поворота и помчалась дальше, сверкая под луной.

Гошка забрался на коня. Вороной постоял немного, втянул ноздрями воздух и повернул вправо. «Вороной дорогу знает»,— вспомнил Гошка слова Токтогула.

Конь несся быстрее и быстрее. Река, казалось, притихла, а справа медленно поворачивались, словно повисшие в черном воздухе, залитые лунным светом ледники.

Гошка летел вперед, как ему это часто снилось: только стоит немного поднатужиться — и взмываешь вверх, а в груди нарастает страх упасть и разбиться, и от этого просыпаешься весь в поту...

Конь сбавил шаг. Потом остановился. Он вытянул морду в сторону противоположного берега. Там горели два костра и белели палатки.

«Лагерь»,— подумал Гошка.

— Лагерь,— сказал он громко.— Это лагерь, Воронок, слышишь?

Он пятками слегка коснулся боков коня. Вороной потоптался немного на берегу и вошел в воду.

Сначала он шел, осторожно выбирая место, куда поставить ногу. Потом по внезапной легкости движения Гошка понял, что лошадь поплыла.

И мальчик до боли в пальцах вцепился в жесткую гриву.

В этом месте река уже не рычала, а ревела. Посередине возвышался огромный черный камень.

Вода со страшным грохотом обрушивалась на него, расходилась двумя грозными потоками и снова смыкалась за ним. Гошка неотрывно глядел туда, чувствуя, что мощный поток сносит коня прямо на скалу. «Все! — подумал Гошка.— Разобьемся!»

Но Вороной тоже не спускал глаз со скалы. Вдруг он резко повернул вправо, проплыл снизу от камня и стал ногами на твердый грунт.

Берег! Но только конь сделал несколько шагов в сторону палаток, как издалека раздалось призывное ржание двух или трех лошадей.

Вороной звонко ответил, вскинул задом, сбросил Гошку и, щелкнув копытами, умчался в темноту.

Оглушенный, ничего не видя перед собой, кроме огней костров, Гошка поднялся. Спотыкаясь и падая, он добрался до первой палатки и, открыв ее полог, увидел изумленное лицо главного геолога Александра Владимировича Тарасова.

Гошка уже не помнил, о чем расспрашивал его Тарасов. Вокруг него суетились, кто-то совал в руки кружку горячего чаю, а Гошка давился слезами и еще и еще раз пересказывал, что произошло у костра там, в горах, выше облаков.

— Это басмачи, они утром убьют всех! — выкрикнул Гошка.— Что же мы здесь сидим?!

Почтовый голубь полетел к начальнику заставы с письмом следующего содержания:

«У нас ЧП. Нападение на отряд Балуева. Бандитов трое, все вооружены. Захватили карты, намерены двигаться к границе.

Квадрат В-12, высота три тысячи метров. Ориентир — озерцо к юго-востоку от лагеря... Охотничьи тропы на наших картах не значатся».

— Георгий,— сказал Тарасов строгим тоном.— За смелые и решительные действия объявляем тебе благодарность!

Гошка поднял руку в салюте. Тарасов крепко взял мальчика за плечо.

— Ты молодчина, Гошка. Теперь наберись мужества дождаться. Пограничники сделают все. Это знаешь, какие парни! Уже через полчаса они наверняка перекроют все тропы к границе.

— Темно,— коротко возразил Гошка, утирая слезы кулаками.

— У них кони быстрые. А с рассветом окружат лагерь и возьмут бандитов тепленькими. Ты говоришь, они пили спирт?

— Пили.

— Значит, у пограничников дополнительные преимущества. А ты, я думаю, должен хоть немного поспать. Хотя бы до рассвета. Я дам тебе таблетку.

— Не надо,— твердо ответил Гошка и на несгибающихся ногах медленно вышел из палатки.

Он сидел на камне на берегу ревущего, фиолетового от мути потока. На востоке постепенно расплывалось розовое пятно. Светало. Только много позже Гошка поймет, что в тот момент испытал чувство взросления. А сейчас он не ощущал ничего — ни усталости, ни тревоги.

Солнце показалось из-за соседней горы. И вдруг мальчик вскочил на ноги, сбросив оцепенение.

На том берегу показались четверо всадников. Гошка узнал отца и Токтогула. Третьим был незнакомый пограничник с винтовкой, четвертым — Патефон.

— Папа! Папа! Я здесь!..— крикнул мальчик. Но его слова заглушал поток.

Всадники посовещались и пустили лошадей в воду, в том же месте, где переправлялся Гошка. «Сейчас их снесет на скалу!» — со страхом подумал он.

Он вскочил на камень, закричал, замахал руками, показывая, куда плыть. Они его поняли.

Вскоре все четверо были на берегу.

Голова у отца была забинтована. Он смотрел на Гошку и молчал.

Токтогул улыбался, а Патефон, у которого под глазом красовался огромный синяк, радостно ухмылялся.

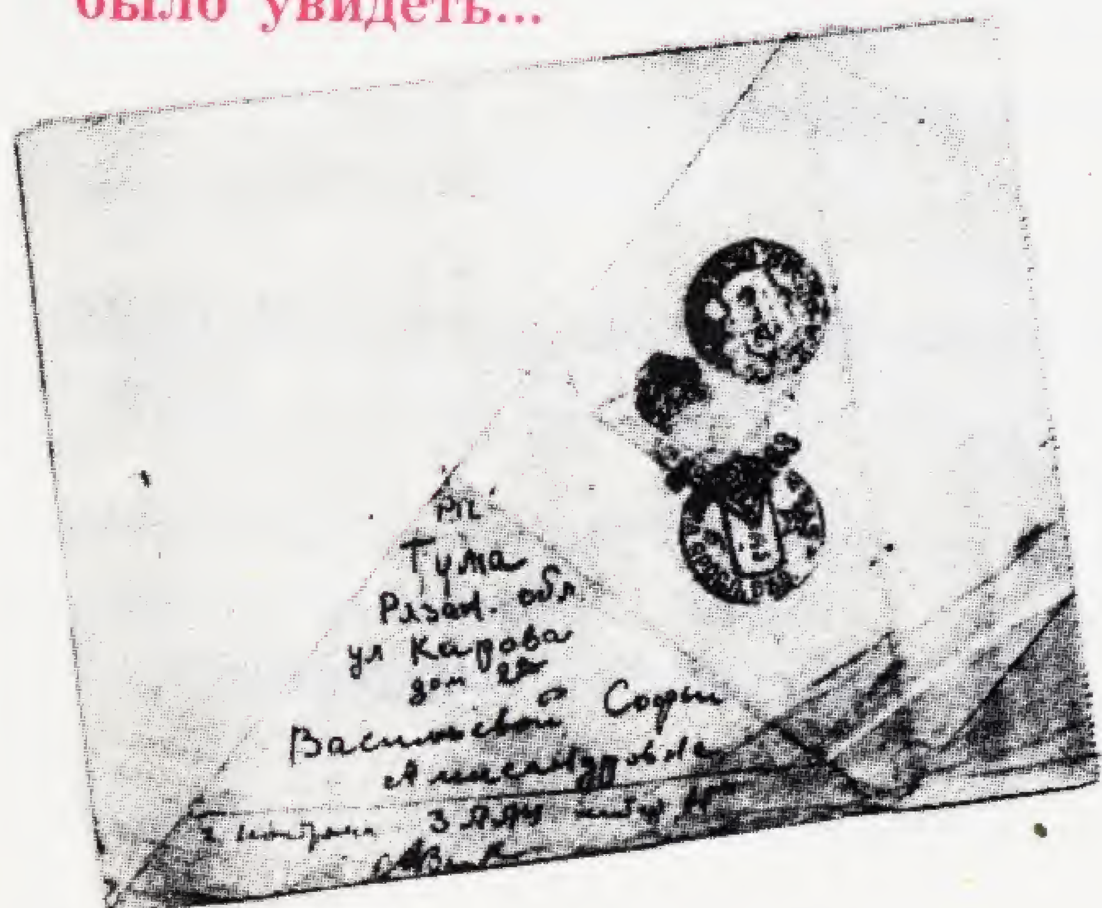
Гошка бросился к отцу.

— Плакать нечего, сынок.— Отец погладил его по голове.— Мы же с тобой мужчины... А мужчины не плачут.

Фронтовые письма... Торопливые строки, написанные в теплушке или в окопе, в полевом госпитале или на привале, накануне наступления или в перерыве между атаками. Самые сокровенные мысли и чувства солдат Великой Отечественной вобрали в себя истертые временем листки бумаги. В них радость побед и боль утраты фронтовых товарищей, беспокойство за судьбу родных, надежды и мечты о мирной жизни... А главное — в них неистребимая вера в грядущую победу, ответственность за судьбу Родины.

А еще эти строки дышат верой в счастливое будущее нашей Родины. В будущее, которое многим из них не суждено было увидеть...

«Дорогая мамочка! Пишу тебе коротко, так как времени совершенно нет. Сегодня ходили в атаку, бой был очень большой. В мою машину попало более 20 снарядов... наскочили на мину и взорвались. Я же пока жив, здоров... Только что вышли из боя. Очень устал. Все время хотелось пить, ведь жара в машине жуткая... Сейчас восстанавливаем спешно свою машину и опять в бой».

03.08.43

«Хочется побыстрее разбить ненавистных врагов... Совсем недавно мы в яростных оборонительных боях сдержали и уничтожили наступление немцев. Теперь же сами идем вперед и гораздо успешнее, чем это делал враг».

10.08.43

Из писем бывшего танкиста Александра Аркадьевича Головина. Ныне он живет и работает в Новосибирске.

«Дорогой отец!

...сообщаю, что я в настоящий момент жив-здоров, хотя третий раз встречаюсь с немецкими захватчиками. Ты просил, чтобы я тебе написал фронтовое письмо, но вот оно и есть. Пишу, а над головой пролетают снаряды, которые кидает немчура с противоположной высоты. А я думаю: кидай, кидай, прокидаешься. Далеко бежал, но и здесь тебе долго продержаться не придется.

Пулеметы ведут разговор. Минометы постукивают. И все это сливается в один гул, треск...»

09.09.44

Из письма Леонида Ивановича Крылова. Родился в 1924 году. Умер от ранения в феврале 1945 года.

«...Долгое время меня не было в части, так как был более 1,5 месяца в командировке и в результате ваших писем давно не получал... Через несколько дней буду в части и вступлю в бой. В этом бою я, как и везде, буду честно служить Родине и если придется умереть, то... я готов на это...

Не будет того, что затеял Гитлер, не сбыться никогда его коварным планам... В этой борьбе, сколько бы она ни продолжалась, победит тот народ, который борется за правое дело...»

15.04.42

«...Призываю вас в эти тяжелые для Родины дни делать все,.. обеспечивая Красную Армию необходимым...»

06.07.42

«...На днях я получил партийный билет. Это огромная радость, и я теперь, как полноправный коммунист, буду драться с врагами».

06.08.42

Из писем Павла Семеновича Гука. Погиб 11 февраля 1944 года при освобождении Украины.

«...Настал час расплаты с фашистами. Долго я этого ждал. У меня нет никакого страха в душе, а только одно стремление — отомстить...»

Из письма Олега Ксенофонтовича Одинцова от 13.01.42. Погиб 7 февраля 1942 года. 1 февраля ему исполнилось 20 лет...

«...Я знаю, что мой путь на родину лежит через Берлин. Это хотя и длинная, но верная дорога. И я иду по этой дороге, какой бы она трудной ни была...»

Из письма Владимира Михайловича Попова от 08.01.45. Родился в 1924 году. 10 февраля 1945 года умер от ранения.

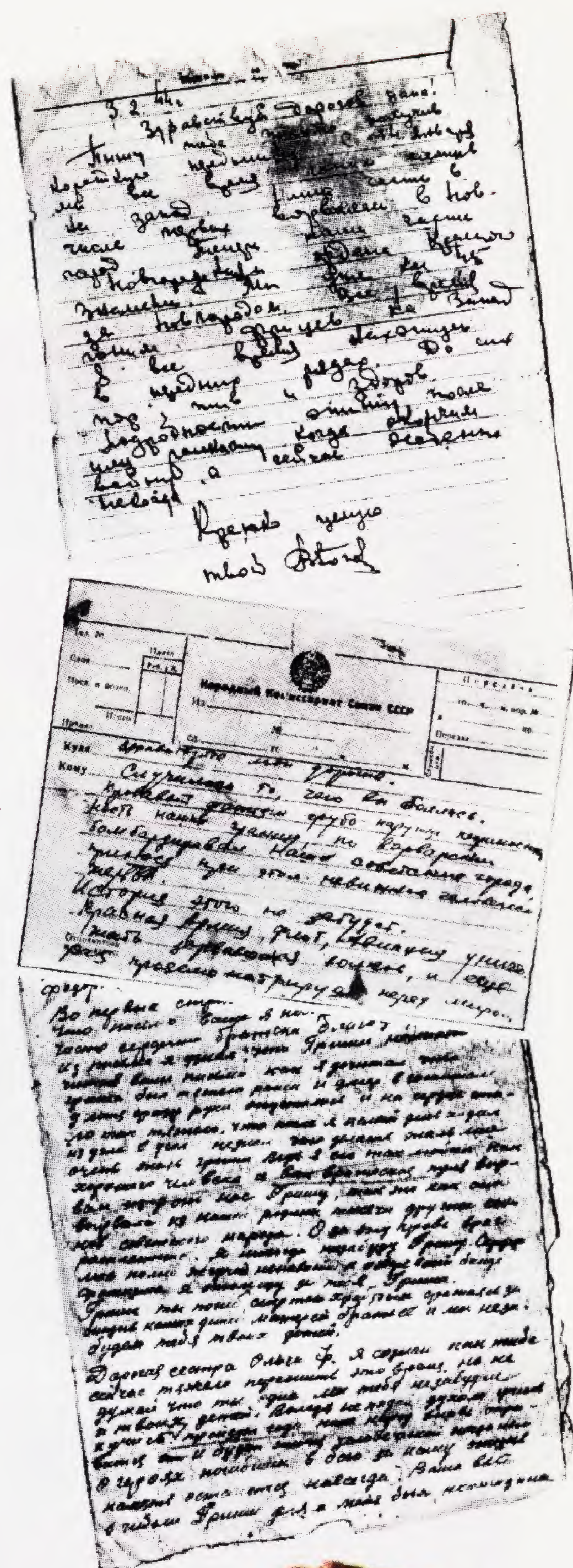
«...Наконец-то ненавистный враг скоро получит и от нас частичку мощных ударов. Да, враг сильный, коварный и смертельный. Враг,

которому нет пощады. И хоть много придется хлебнуть мне трудностей и лишений, но я доволен. Доволен тем, что мне выпала доля продолжать борьбу отцов за счастливую жизнь будущего, за счастье вновь растущего поколения...

Жаль, что некогда писать, а то бы я много написал о пути, о любви народа,.. его готовности отдать жизнь для победы. Так я думаю и о вас».

18.09.41

Из письма бывшего учителя Леонида Ивановича Головина к своим ученикам. Судьба учителя неизвестна.

«Вчера попал под дождь осколков от зениток. Спасла толстая сосна... Утешением за такую обиду явилось то, что «мессер» все-таки «испекся», а фриц сам пришел к нашим разведчикам...»

22.08.42

«Жизнь на фронте идет по-прежнему: мы стреляем в немцев, а немцы в нас. Им удалось ухватиться за небольшую речку, и нам приходится выбивать их оттуда. Живу я в лесу, в землянке. Соорудили сами печь...»

18.09.42

«Линия фронта» — понятие неопределенное. Никогда нельзя сказать точно, где она проходит. Например, такой случай: вечером деревня «N» была у немцев, ночью на нее пошли разведчики за «языком», а немцы, приняв это за наступление, поспешно смотались в соседний лесок».

26.10.42

«...Сейчас «король воздуха» (У-2) угощает немцев «отбивными». Он противотанковые гранаты прямо в окна блиндажа забрасывает...»

26.10.42

«...Немцы отступают в юго-западном направлении. Не желают на север отступать — там, говорят, холодно. Между прочим, Гитлер в этом году зиму отменил и не выдал фрицам теплого обмундирования...»

19.12.42

«...В боях мы прошли славный путь. Многое пришлось перенести за наступление. Многое увидеть — хорошего и плохого. В одной деревне немцы согнали все население в один дом и сожгли заживо... В другой... тоже согнали, но сжечь не успели, наши разведчики обошли деревню и ворвались с тыла...»

30.03.43

Из писем Игоря Константиновича Губарева. Родился в 1925 году. Погиб в октябре 1943 года в Витебской области.

Рисунки В. ДОНСКОВА.

«...Я счастлив, что с оружием в руках буду защищать честь, свободу, независимость нашей Родины».

Из письма Абрама Александровича Макаровского от 13.07.41. Судьба его неизвестна.

«...Пройдут годы. Наш народ вновь оправится и будет жить человеческой жизнью. О героях, погибших в бою за нашу жизнь, память останется навсегда...»

Из письма Ивана Федоровича Автунича. Погиб 2 августа 1944 года.

Дорогие ребята!

Вся пионерия страны создает сейчас «Летопись Великой Отечественной войны», собирает свидетельства ее участников.

Хранятся ли в вашем доме фронтовые письма? Знаете ли вы о них? Собираете ли письма фронтовиков для школьных музеев? Напишите нам.

Экспедиция «Летопись Великой Отечественной войны» продолжается.

Контр-адмирал Т. ГАЙДАР

ПОД СЛАВНЫМИ ЗНАМЕНАМИ

Армия, флот, Вооруженные Силы СССР — великая школа мужества, мастерства, товарищества, духовной и физической закалки для советского юноши.

Ежегодно, по весне и осенью, во всех ротах, батареях, эскадрильях, на кораблях наших Вооруженных Сил зачитывается приказ министра обороны об увольнении в запас солдат, матросов, сержантов, старшин, отслуживших срочную службу. Мне не раз доводилось присутствовать на таких построениях. Они по-особенному торжественны и значительны. Чувствуется волнение — впереди свидание с домом, с родными, близкими, чувствуется гордость за то, что гражданский долг выполнен достойно, и грусть от расставания с боевыми товарищами...

И в том же приказе обязательно говорится о призыве на военную службу тех, у кого подошел срок и возраст встать под славные знамена Советской Армии и Военно-Морского Флота.

Шумно становится в коридорах военкоматов: сдача документов, строгие врачи и, наконец, вопрос председателя призывной комиссии: «Где хотели бы служить? Сухопутные войска? Авиация? Флот?»

Помню, как несколько лет назад весной в Серпухове хмурился горвоенком, когда призывник отвечал вроде бы хорошо и правильно: «Там, где прикажут».

— Приказать-то прикажем,— говорил военком.— Прикажем обязательно. Но ты-то сам неужели ничего по душе так себе и не выбрал?

И как радовался военком, когда ребята заявляли твердо и решительно: «Хочу в авиацию!». «В пограничники!». «На флот!».

— На флоте, между прочим, придется служить не два, а три года,— говорил он, улыбаясь, как бы проверяя основательность выбора.

— Ну и что же? Зато простор! Океаны.

— А плавать-то хоть умеешь?

— Второй спортивный разряд. И свидетельство радиста.

Для тебя, мой юный товарищ, читатель «Пионера», время такого разговора с военкомом наступит еще не скоро. Впереди, как горные вершины, прикрывая будущее, поднимаются рубежи: восьмой, девятый, десятый классы... Но горы эти не за горами. Готовить себя к военной службе, которая в Конституции СССР названа «почетной обязанностью гражданина СССР», начинать нужно заранее.

И чтобы облегчить тебе выбор, мы постараемся рассказать кратко об основных видах Вооруженных Сил СССР. Их у нас пять: **Ракетные войска стратегического назначения, Сухопутные войска, Войска ПВО, Военно-Воздушные Силы, Военно-Морской Флот.**

И начнем, пожалуй, с самого древнего — с тех полков, что шестьсот лет назад, 8 сентября 1380 года, вышли на Куликово поле между реками Непрядвой и Доном, чтобы дать отпор иноземным захватчикам. Самолеты, подводные лодки, стратегические ракеты — все это появилось позднее. А необходимость защищать Родину была всегда.

СУХОПУТНЫЕ ВОЙСКА

Сухопутные... Сухой путь... Да так ли уж он сух?

Вспоминая весну 1944 года, когда наши войска освобождали от фашистов Правобережную Украину, Маршал Советского Союза К. С. Москаленко пишет:

«Весна наступила рано. Бурно таяли снега. Проселочные дороги превратились в сплошное месиво. Автомашины передвигались по ним с большим трудом. Гужевому транспорту было полегче, но и он отставал, то и дело дожидаясь, пока саперы восстановят подорванные гитлеровцами мосты на многочисленных реках...

Стрелковые войска продвигались исключительно пешим порядком, неся на себе пулеметы, минометы и боеприпасы к ним, а нередко и артиллерийские снаряды. В океане грязи, где часто останавливались автомашина и даже танк, можно было сравнительно легко продвигаться лишь верхом на лошади, но это не решало проблемы наступления в целом. Изнурительные марши, непрерывные бои, форсирование вздувшихся рек...

И все это преодолел советский воин. Войска 38-й армии, преследуя противника и ломая сопротивление его арьергардных частей, продвигались вперед темпом до двадцати пяти километров в день».

Атака! Мотострелков поддерживают танки и боевые вертолеты.

«Слушай приказ!»

Думаю, что тебе даже представить себе нелегко эти километры огня и грязи... Насквозь промокшие сапоги, а то и солдатские ботинки с обмотками, винтовка, патроны, снаряд на плече, а обозы отстали, и в вещмешке лишь размокший сухарь... Но так шел твой дед, или его товарищ, или кто-то из тех пожилых мужчин, которых ты видишь в сквере, возвращаясь из школы. Так шли они, добывая нашу Победу.

Мне нравится, как написал мой друг, военный журналист капитан Виктор Верстаков:

«Самое древнее воинство — пехота. Появлялись конница, артиллерия, танки, авиация, ракеты... А пехота, меняя вооружение, тактику, сохраняла суть: человек шел навстречу врагу — открытый стрелам или огню, беззащитный и грозный.

Артиллерия может подавить противника, авиация — сокрушить и рассеять; но победа обута в сапоги пехотинца, вступившего на отвоеванную землю».

За десятилетия, прошедшие после окончания Великой Отечественной войны, наши сухопутные войска неузнаваемо преобразились. Бывшая пехота, «царица полей», села на колеса и гусеницы, стала мобильной, оделась в

броню. Несколько лет назад в нашей печати приводились такие цифры: нынешняя советская мотострелковая дивизия превосходит нашу дивизию 1941 года по автоматическому оружию в 13 раз, по танкам — в 16 раз, по количеству бронетранспортеров — в 37 раз.

Изменился и сам характер ратного труда: он стал трудом более сложным, квалифицированным, требующим серьезной технической и общеобразовательной подготовки. Когда наблюдаешь за работой огневого расчета ракетчиков или за тем, как оператор противотанкового управляемого реактивного снаряда ведет его над складками местности, направляя в цель, понимаешь, что труд многих военных специалистов сегодня — творческий.

Особенно массовой стала сейчас в сухопутных войсках профессия воина-мотострелка.

...Вот он движется на бронетранспортере или в боевой машине,— она для него и дом, и корабль, и крепость. В руке — оружие, на поясе подсумок с гранатами, запасные магазины к автомату, саперная лопатка, на голове каска, за спиной защитный комплект. Прикрытый броней, ощущая плечо товарища, воин преодолевает пространство. Именно ему — при всем небывалом развитии военной техники, при всей грозной мощи ракетно-ядерного оружия — положено овладеть территорией, закрепить победу.

Атака! Яростнее взревели моторы, дулами пулеметов и автоматов ощетинились бойницы боевой машины. С первым ближним разрывом отделение спешивается, пригнувшись, продвигается под прикрытием брони... Разворачивается в цепь... Бежит... Падает на землю... Снова бежит...

Та-та-та! «По-па-ди!» — поет с вышки стрельбища горн, и навстречу отделению поднимаются, всего на мгновение, серые, едва различимые мишени, которые нужно сразить первой очередью.

Здесь, на стрельбище — на изрытых гусеницами полигонах, видя, как падает пораженная его автоматной очередью мишень, как в окопе, без недолета и перелета, взорвалась брошенная им граната,— обретает мотострелок веру в свое оружие, в самого себя, в то, что на поле боя он самый главный и для врага — самый страшный.

Мотострелковое подразделение перед началом учения.

Мотострелок грозен для врага и потому, что нынешние Сухопутные войска — сложнейшее сочетание самых разных родов войск. В состав Сухопутных войск Советских Вооруженных Сил входят мотострелковые войска, танковые, ракетные войска и артиллерия, войска противовоздушной обороны. Кроме того, Сухопутные войска включают в себя инженерные подразделения, связи, радиотехнические, топогеодезические, химические и некоторые другие.

Однажды ночью во время учений «Запад-81», крепко проплутав на своем военном «уазике», мы случайно наткнулись на колонну техники инженерных войск. Они двигались к реке, чтобы обеспечить форсирование водной преграды. Едва брезжил рассвет. Между стволов деревьев плавали клочья тумана. А по проселку шли гигантские КРАЗы со звеньями понтонных мостов, шли землеройные машины, скреперы на высоких ребристых колесах, грозно поблескивающие стальными ножами...

Где нет дорог, они проложат дороги, где нет мостов — наведут переправы, где противник устроил завалы — откроют нашим войскам путь.

Сухопутные войска... Сухой путь... Но ныне вовсе не только посуху движутся они на врага. Ныне броневая техника позволяет вплавь преодолевать реки и озера, форсировать их по дну, под водой. А боевые вертолеты! Вот они появились над дымным, пыльным полем сражения, возникли внезапно, из-за леса, идут невысоко, парами, тройками, наклонив нос, словно обнюхивают землю, поджарые, пятнистые, похожие на стайку зубастых щурят. Нащупали, увидели цель. Под короткими крылышками-плавниками вспыхнуло красное пламя. Ракеты пошли в цель, а вертолеты круто, бочком опять за лесок. Только их и видели!

Да, нынешние Сухопутные войска — это и броня, и огонь, и крылья, и электроника. Это множество разных военных специальностей, среди которых каждый может найти себе ратную работу по душе.

Пройдет время. Останется за плечами школа. В просторной комнате военкомата, где заседает призывная комиссия, многие из вас услышат: «Вы направляетесь служить в Сухопутные войска!» Что ж, счастливый путь! Это высокая честь и большая ответственность, это почетное мужское дело — встать под боевые знамена одного из наших прославленных полков, чтобы вместе со всеми Вооруженными Силами СССР оберегать безопасность Родины, охранять мир на земле.

Фотографии Л. ЯКУТИНА.

70 ЛЕТ НАЗАД
ВЫШЕЛ ПЕРВЫЙ НОМЕР
ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»,
ОСНОВАННОЙ В. И. ЛЕНИНЫМ

ПРАВДИСТ

Здесь, на улице Правды, печатается газета «Правда». Здесь же, в этом новом здании, находится редакция газеты, сюда идут сообщения со всех концов света.

Он услышал щелчок — солдат взвел затвор автомата.

«Сейчас выстрелит»,— подумал журналист, но заставил себя не оборачиваться. Он продолжал спускаться по лестнице медленно, впрочем, быстрее не мог — в руках кофр с фотоаппаратурой, чемодан да и связка старых газет, которые ему удалось достать здесь, в Боливии.

Главный редактор «Правды», конечно же, советовал ни в коем случае не рисковать и даже не пытаться попасть в Боливию — там реакция действовала разнузданно. Пытки, расстрелы, убийства — совсем недавно на этой лестнице застрелили прогрессивного журналиста. Его тоже вели в контрразведку...

Через несколько секунд он все же обернулся. Лицо солдата ничего не выражало, хотя, нет, казалось, что теперь он смотрит чуть добродушнее — смелых людей всегда уважают. Видно, автоматчик поиграл затвором, чтобы проверить, крепки ли нервы у советского журналиста.

Документы у Олега Игнатьева — специального корреспондента «Правды» в Латинской Америке — были в порядке. Боливийскую транзитную визу ему все-таки выдали, и это была удача. Ему необходимо было побывать в тех местах, где погиб Че Гевара, поговорить с людьми, собрать материал... Но в аэропорту двое в штатском — из контрразведки — задержали его: повод, конечно, смехотворный — они утверждали, что у Игнатьева фальшивый паспорт.

Допрос в контрразведке шел всю ночь. Обыскивали, раздели... Конечно же, никаких «подрывных» материалов не было, однако одежду куда-то унесли. В комнате было холодно, сначала он стоял, а потом разрешили сесть на стул. Олег невольно представил, как такая сцена выглядит со стороны, и к нему вернулось чувство юмора. Да и, честно говоря, нравилось злить лейтенанта, перед которым лежал длинный список вопросов — большинство из них были нелепыми.

— Умеете ли вы водить самолет?

— Не пробовал.

— Стрелять умеете?

— Во время войны приходилось, но с тех пор прошло уже много времени... У меня оружие другое — идеологическое...

— Кто была ваша бабушка?

— Очаровательная женщина, но ее давно уже нет.

— Что вы знаете о больших американских ракетах?

— Предпочитаю интересоваться животными. К слонам отношусь с уважением...

И подобные вопросы до утра. Лейтенант исписал страниц семьдесят.

Наконец, контрразведчик сказал:

— Сейчас мы отправим вас в отель, до самолета вы не имеете права выходить из номера, звонить по телефону, встречаться с кем-либо. У дверей будет дежурить автоматчик...

Через несколько дней Олег Игнатьев вылетел в Чили. Шел 1972 год.

— Это была самая трудная ваша командировка? — спрашиваю я.

Мы сидим в крохотном ресторанчике в центре Лиссабона, пьем кофе. Хоть и двадцать лет знакомы, работали вместе в «Комсомолке», а сейчас в «Правде», только теперь я понимаю, насколько мы, журналисты, мало знаем друг о друге. Бывает, не видимся месяцами, потом встречаемся в коридоре: «Старина, что-то давно тебя не видел?» И лаконичный ответ: «Был в командировке». А потом новая встреча через месяцы, и только по страницам газеты, где встречаешь знакомую фамилию, узнаешь, в какой именно команди-

ровке был твой товарищ. А разговаривать о пережитом не принято среди журналистов — опубликованный материал сам должен за себя говорить...

Но сейчас ситуация была иная: я прилетел в Лиссабон специально к Олегу Константиновичу Игнатьеву. Создавался фильм, посвященный семидесятилетию газеты, и в нем мне надо было рассказать о работе собственного корреспондента «Правды» в Португалии. Что мне было известно об Олеге? Он много ездил, часто выступал по телевидению в «Клубе кинопутешествий», выпустил много книг.

Но это итоги его работы, а надо было знать, какой ценой доставались строки в газете, страницы книг и фильмы, созданные Игнатьевым...

— Самая трудная командировка? — Олег улыбается.— Нет, конечно... Более тридцати лет я работаю в журналистике, из них двадцать два года в «Правде». Меня всегда особенно волновала национально-освободительная борьба. И этим объясняется «география» моих командировок — Вьетнам, Ангола, Гвинея-Бисау, Латинская Америка. Чаще всего это вооруженная борьба народов... Трудно ли было? Это не те сложности, о которых имеет смысл говорить. Конечно же, идти, к примеру, с партизанами по джунглям много часов подряд физически тяжело. Но разве можно сравнить это с горем, с которым сталкиваешься?

— Вы имеете в виду убийство Амилкара Кабрала?

— Он был лидером освободительного движения. Я хорошо его знал. Кстати, недавно дочь его Ива гостила у нас в Лиссабоне... Это был человек, который знал, что такое мужская дружба... Сначала мы встретились с ним в Москве. Кабрал сказал: «Ты был на всех наших фронтах, куда теперь хотел бы пойти? На какой участок?» К тому времени я уже несколько раз бывал у партизан Гвинеи-Бисау... Я ответил, что хотел бы пешком пройти с севера на юг от границы с Сенегалом до Конакри... и вот мы с товарищами поздно вечером перешли границу — ночью просто легче идти, чем в жару,— и 21 января 1973 года дошли до базы. И тут я услышал новость, которая потрясла меня: в Конакри убит Кабрал, убит тайком, из-за угла. Было очень тяжело, очень... Может быть, выйдем, погуляем? — предложил Олег.

К вечеру на набережной многолюдно. Жители столицы приходят сюда с детьми, играют в футбол, толпятся у игральных автоматов, любуются яхтами, которые возвращаются из океана.

— А где еще побыть простому человеку? — замечает Игнатьев.— На эти дворцы, корабли, яхты можно смотреть бесплатно... Очень много сейчас безработных в Португалии... А народ удивительный! Добрый, гостеприимный... И песни какие! — Он замолчал. Мы медленно шли по набережной.

— Где бы ни был,— нарушил молчание Олег,— меня даже поначалу удивляло, что так много добрых людей. Но иначе и быть не может. Надо только идти к ним с открытым сердцем, и они поймут, поверят тебе... Жаль, когда на этих людей обрушивается беда...

Он вновь замолчал. Мне показалось, что он думает о судьбе людей, которые шли навстречу. Но я ошибся.

— Во Вьетнаме я однажды поехал к учительнице,— сказал он.— Хотел с ней встретиться, написать очерк. До деревни не добрались — были сильные бомбежки. Решили переночевать в одной пагоде. На рассвете налетели американцы, в том числе и на ту деревню. Одной из бомб убило учительницу, к которой я ехал, и двенадцать детей... Так мы и не поговорили... Осколок той бомбы я привез в Москву, он и сейчас лежит на моем письменном столе. Много было грустных моментов, но я не хочу, чтобы складывалось впечатление, что их больше, чем радостных.— Олег улыбнулся.— Работа журналиста приносит много счастья, не правда ли?

— Особенно если ты был первым...

— Точнее, когда «Правда» первой сообщила важную новость,— тактично поправил меня Олег.

— Об освобождении Анголы, например? — напомнил я.

— Да, в 75-м году я был в Анголе. Тяжело в городе. Фронт рядом. Но это было время, когда рождалась независимость Анголы! Мы тогда вдвоем с корреспондентом ТАСС Уваровым первыми послали в Москву информацию о провозглашении республики... А в Гвинее-Бисау пришлось всю ночь гнать «газик», чтобы из Конакри передать информацию о провозглашении независимости этой республики. Огромное чувство морального удовлетворения испытываешь, когда сообщаешь важную информацию первым... Мне на такие события везло: к примеру, в Никарагуа мы тоже прилетели буквально через несколько часов после падения режима Сомосы.

— Ну, а почему сейчас Португалия?

— Так уж получилось, что национально-освободительная борьба в португальских колониях закончилась, а здесь, в Лиссабоне, произошла апрельская революция. Я прилетел тогда в Лиссабон. Страна мне очень понравилась: прекрасный народ, замечательная партия. Когда разговариваешь с португальскими коммунистами, слезы на глаза наворачиваются — столько пережито людьми...

У нас была запланирована встреча с Генеральным секретарем Португальской коммунистической партии. К 70-летию газеты товарищ Алваро Куньял дал нам интервью.

— Для нас, португальцев,— сказал он,— «Правда» имеет особое значение, ибо в качестве органа Центрального Комитета КПСС и рупора советских трудящихся она уделяет внимание проблемам нашей страны, нашего народа, наших трудящихся. Строго придер-

живаясь принципа правдивости, она отводит достаточно места на своих страницах освещению португальской действительности, борьбы нашего народа и борьбы нашей партии. Это делается, я подчеркиваю, всегда с уважением к истине и точности фактов, что представляет для нас особую ценность, поскольку в Португалии в течение сорока восьми лет фашизма, а затем в течение семи лет контрреволюционного процесса, начавшегося вскоре после 25 апреля, мы привыкли сталкиваться с ложью, дезинформацией, отравлением сознания общественности. Говоря о «Правде», следует сказать также о том, что она всегда была зеркалом солидарности Коммунистической партии Советского Союза, руководствующейся принципами пролетарского интернационализма, солидарности советского народа с рабочим классом, трудящимися Португалии, с нашим народом, с апрельской революцией. Вот почему мы очень уважаем и очень высоко ценим газету «Правда». Вот почему мы не можем не считать «Правду», всех вас, правдистов, друзьями нашего народа, нашей партии, нашей страны,— закончил Алваро Куньял.

...Каждый день в 10 утра Москва вызывает Лиссабон. На проводе собственный корреспондент «Правды» Олег Игнатьев. Он передает в редакцию интервью с Алваро Куньялом, или репортаж о «марше мира», или информацию о премьере «Дяди Вани». Ни дня без строчки! Так работает Олег Игнатьев, так работают все сорок восемь зарубежных корреспондентов «Правды».

Владимир ГУБАРЕВ,
лауреат премии Ленинского комсомола.

Лиссабон — Москва.

Фотографии В. КРУПСКОГО.

Зоя ВОСКРЕСЕНСКАЯ,
лауреат Государственной премии СССР и премии Ленинского комсомола

УЛЬЯНОВСКИЙ САД

Как много может поведать небольшой фруктовый сад!

Вот в этой беседке собиралась летним вечером семья Ульяновых за чаепитием. Старшие мальчики несли самовар, младшие дети — кто чашки, кто пирог, кто варенье. Яблочная начинка пирога и клубничное варенье из выращенных своими руками плодов и ягод... Вкусно! И в большой дружной семье весело, интересно... Рядом с беседкой развесистый вяз. На его толстом суку под шатром листьев любил уединяться с книгой Володя, а над ним в скворечнике весело посвистывал скворец... В кустах желтой акации дети сооружали шалаш и играли, в зарослях сирени устраивали госпиталь для подобранных на улице подбитых птиц. Был пациентом госпиталя слепой щенок, вызволенный из ямы с водой. Щенок подрос, стал видеть. Его назвали Гарсон (Мальчик).

На этой скамейке любила отдыхать с вязаньем Мария Александровна... В вишневом лесочке пышно разрослась папина вишня, усыпанная крупными ягодами. Но ни одной ягодки до 20 июля — дня именин Ильи Николаевича — дети не трогали... Перед беседкой мамин любимый куст чайных роз... Дорожки обсажены цветами: здесь и разноцветный душистый горошек, и лукавые анютины глазки, огненные настурции. У забора приютились где мальва, где подсолнечник, а где и ноготки (календула) — неприхотливый цветок, но в траве его золотые головки мелькают как созвездия...

По вечерам, после захода солнца, начиналась веселая работа — поливка цветов и грядок, и тогда из сада в окна дома тянуло запахом резеды, душистого табака, ночной фиалки...

А весной... Наверное, Владимир Ильич вспоминал семейный сад в Симбирске, когда в апреле 1912 года писал матери из Парижа в Саратов: «Как-то у вас весна на Волге?.. Здесь все плодовые деревья стоят в белом цвету, «как молоком облитые», аромат чудный, прелесть, что за весна!»...

В Симбирске, бывало, что во время цветения ударял мороз, и тогда ночью всей семьей выходили в сад, разжигали костры, грели и спасали деревья. Бывало, что весеннее солнце было слишком щедрое, и тогда белили стволы яблонь и вишен...

Летом обирали с кустов и плодовых веток гусениц, девочки обмывали мамин розовый куст мыльной водой, чтобы уничтожить зеленую тлю...

Зато осенью несли большие корзины яблок в погреб: белый налив, анис, апорт, а на соломе укладывали впрок на зиму прозрачную желтую антоновку.

На «большой аллее», разделявшей сад на две части, как испокон веков девочки играли в «классики», а мальчики в лошадки и все вместе в «черную палочку». «Черная палочка» пришла, никого не нашла, кого первого найдет, того с палочкой пошлет».

В августе 1883 года, перед отъездом Саши в Петербургский университет, они долго ходили с Володей по «большой аллее», обсуждали высокое предназначение человека. Володя внимательно слушал старшего брата, на которого он так хотел во всем походить. Иногда прерывал его вопросом и излагал собственную точку зрения. Разговор был по-юношески страстный, по-мужски серьезный!

В завьюженный сад в лютый январский день 1886 года вышла Мария Александровна, закутанная в шаль, чтобы остудить встревоженное сердце: тяжело заболел Илья Николаевич. На следующий день он умер...

А еще через год с небольшим, в пору цветения вишен, приехала Мария Александровна из Петербурга. Приехала... после казни Саши. Ветер взметал над садом облака вишневых лепестков, а матери показалось, что вишни цветут черным цветом...

В том же году семья Ульяновых покидала Симбирск, уезжала в Казань. Дом был продан, а сад остался нетронутым, наливались соком яблоки, поспевали вишни, из-за забора покачивал головой золотой подсолнечник...

Этот сад в Ульяновске при Доме-музее В. И. Ленина сохраняется до сих пор таким, каким был сто лет назад, когда семья Ульяновых в 1878 году поселилась в этом доме, вокруг которого был пустырь. На пустыре они разбили сад. И он живет до сих пор. Живет и плодоносит. Плоды его передаются в детские сады города Ульяновска.

А началось все с далекого от Ульяновска городка Гайсина Винницкой области, в котором есть школа-интернат. При школе работает музей В. И. Ленина. Ему присвоено почетное звание «Народный музей В. И. Ленина». Кажется, в нем собрано все, что можно было собрать для музея. В папках хранятся подлинные письма соратников В. И. Ленина. Старшеклассники-экскурсоводы познакомят с биографиями кавалеров ордена Ленина Гайсинского района. А что же дальше?.. И вот совет музея, комсомольская и пионерская организации школы решили на просторном пришкольном участке создать точную копию сада Ульяновых. Три года работали школьники, выращивали саженцы, вскапывали и удобряли землю, сделали ограду. И в прошлом году при большом стечении горожан и колхозников окрестных сел торжественно открыли Ульяновский сад. Их примеру последовал музей В. И. Ленина при школе № 3 города Алексина Тульской области.

Директор музея В. И. Ленина г. Ульяновска Антонина Ивановна Томуль пишет: «Идея создания сада Ульяновых нашла у ребят большую поддержку. Во многих письмах они просят нас выслать им план. Мы сделали большое количество копий плана и рассылаем по запросам. План составлен в начале 30-х годов под руководством Анны Ильиничны Ульяновой-Елизаровой и Дмитрия Ильича Ульянова».

Ульяновский сад — великолепное дополнение к школьному музею В. И. Ленина. Живой памятник. Не везде, конечно, есть возможность разбить такой сад, и надо помнить о большой ответственности, взявшись за это дело. Посадить — легко, вырастить — трудно. Поэтому, прежде чем принимать решение, следует обсудить все «за» и «против». Надо посоветоваться с руководством комсомольской организации села или города, с другими общественными организациями, с родительским комитетом школы. И, конечно, подумать о средствах. Изгородь, саженцы, удобрение, инвентарь потребуют больших затрат. Их, по моему мнению, надо заработать самим школьникам. Вот тогда, при хорошей организации, он доставит большую радость и ребятам, и взрослым.

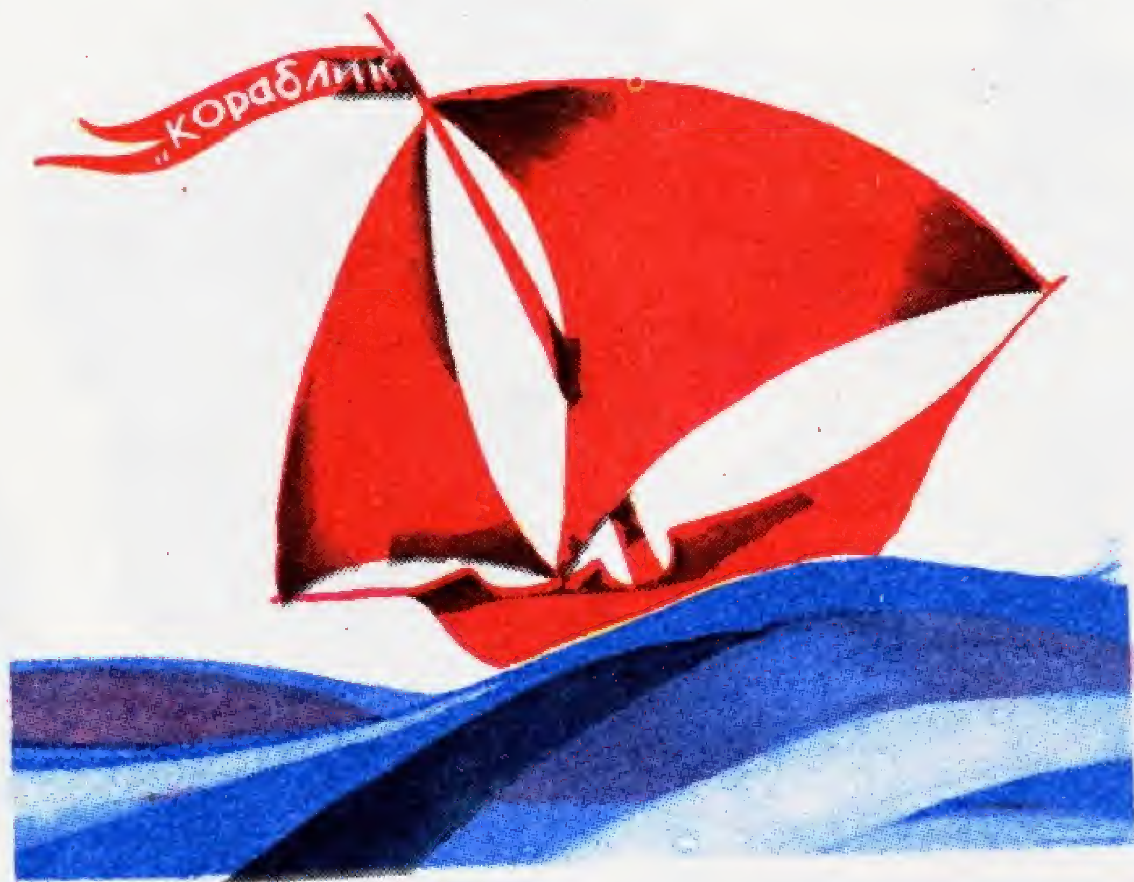
* * *

Редколлегия журнала «Пионер» всячески приветствует эту прекрасную инициативу и приняла решение объявить конкурс на лучший Ульяновский сад при школьном музее В. И. Ленина. Результаты первого тура конкурса будут подведены в 1985 году — в год 150-летия со дня рождения Марии Александровны Ульяновой. Мария Александровна, где бы она ни жила, везде высаживала кустарник, цветы, оставляя на земле цветущий след.

По всем вопросам, связанным с созданием сада Ульяновых, в том числе и за консультацией по садоводству и цветоводству, просим обращаться в журнал «Пионер», делая на письмах пометку: «Ульяновский сад».

Рисунок П. ПРОРОКОВА.

Вишнёвый
лесок
огород

Вова ТОРЧИНСКИЙ живет в Ленинграде, учится в 7-м классе.

Первомай

С площади парадной
Над толпой нарядной
Майский ветер флаги рвет,
Чтоб отправить их в полет.

В светлом небосводе
Пляшут в хороводе
Ветерку послушные
Шарики воздушные:
Празднично нарядные
Гроздья виноградные.

По земной орбите
Шарики, летите!
С вами МАЙ, и ТРУД, и МИР
Посылаем мы в эфир!

Утро весны

Солнце встало! Солнце встало!
Сбросив ночи покрывало
Покатилось над землей
Ярко-рыжей головой.
Гриву в росах искупало,
Колкой елкой расчесало,
Ленты в косы заплело —
Все вокруг светлым-светло!
День проснулся! День проснулся!
Алой зорькой улыбнулся!

*

Стихотворение Светланы РУДАКОВОЙ, восьмиклассницы из города Хабаровска.

Обелиск

Склонилась ива грустно
над рекой.
В зеркальной глади —
отблеск обелиска...
Солдаты,
не пришедшие домой,
Пред вашим мужеством
я преклоняюсь низко.
Высокий столбик
с красною звездой
И низкая
железная ограда.
Солдаты,
не пришедшие домой,
Так далеко
и все же с нами рядом.
Сержант, и генерал, и рядовой —

Вас к Родине любовь
объединяла.
Солдаты,
не пришедшие домой,
Каких сынов
Отчизна потеряла!

Новгородская пионерка. 1928 г.
Народный художник РСФСР Н. М. ЧЕРНЫШЕВ.

* «Кораблик» * Журнал в журнале * Печатает только тебя *

«Это стихотворение я сочинила, когда к нам на праздник 9 Мая пришли ветераны Великой Отечественной войны. Мне запомнился этот день». Таня ТЮРИНА. 12 лет, город Фергана-Киргули.

Ветераны

По узкой улочке,
Под тополями,
Шагают старые,
Седые ветераны.

Звеня медалями
И орденами,
Идут, беседуя,
На встречу с нами.

Они расскажут нам,
Как воевали,
Как отступали
И как наступали.

Они расскажут нам,
Как дрались смело
За наше правое
Большое дело.

*

«Я люблю читать и сочинять стихи. Один стишок посылаю вам. С уважением, ученица 4-го класса школы № 95 города Еревана Марьям МЕДЖИДОВА».

Липа

Я взяла лопату,
Липу и ведро,
И пошла я в садик
Липу посадить.

Посадила липу
В садике моем.
Кажется, что краше
Липы этой нет!

Я гляжу на липу,
Радуюсь, смеюсь.
Пчелы тоже рады,
Собирают мед.

Первый детский колхоз «Гигант». 1930 г.
Народный художник РСФСР Н. М. ЧЕРНЫШЕВ.

*

Оля АЛИМОВА — москвичка, ученица 4-го класса школы № 844, написала рассказ о своей маме.

Моя мама — пионерка

Красная площадь в Москве — самая главная, самая красивая. Жаль, что лишь немногим довелось быть в этом историческом месте в самые первые минуты своей пионерской жизни. Одна из немногих — моя мама.

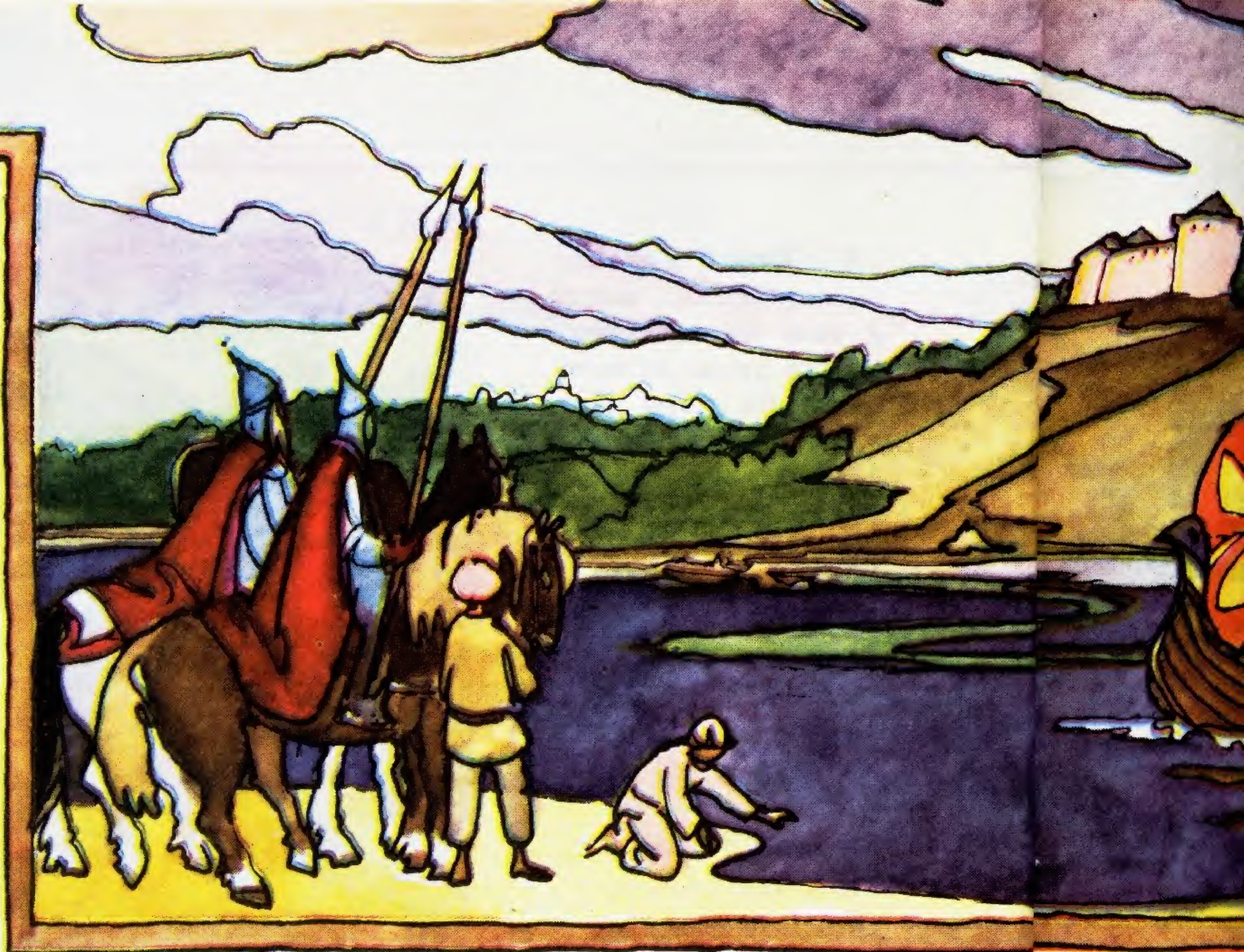
Солнечным весенним утром 1960 года октябрят 4 класса «А» повезли на Красную площадь. Выстроились перед Мавзолеем Владимира Ильича Ленина. Одному за другим октябрятам повязывали алый пионерский галстук.

Так началась мамина пионерская жизнь. Скоро мама стала вожатой у первоклассников — готовила своих подшефных к вступлению в октябрята: проводила с ними викторины, придумывала для них игры.

На следующий год со своими октябрятами, уже второклассниками, моя мама отправилась в лыжный поход. Дело было зимой. Октябрята замерзли. Оставалось совсем немного дойти до станции, а руки у одного из малышей совсем побелели. Моя мама не растерялась: сняла свои шерстяные варежки, растерла малышу руки. Она успокоила и развеселила октябрят, и все они благополучно дошли до конечного пункта. Октябрята были очень довольны и походом, и своей вожатой. А ведь маме было всего одиннадцать лет!

Мама еще много рассказывала мне о своих пионерских годах. С гордостью показывала грамоту «Лучшей отрядной вожатой». Ей довелось принимать своих октябрят в пионеры — снова это было на Красной площади.

В 1982 ГОДУ ИСПОЛНЯЕТСЯ 1500 ЛЕТ
СО ВРЕМЕНИ ОСНОВАНИЯ ГОРОДА КИЕВА

СЛОВО О К

Павло ЗАГРЕБЕЛЬНЫЙ,
лауреат Государственной премии СССР

Когда звучит слово «Киев», я прежде всего вижу Днепр. Я склоняю голову пред необъятным простором, который открывается моему взору с Владимирской горки, где памятник Владимиру. Когда-то наш пращур, должно быть, вот так же остановился на этой горе и облюбовал это место.

Есть города, у которых прошлое более значительно, чем настоящее. Молодые города имеют только день нынешний. Киев гармонично сочетает все три измерения времени — прошлое, настоящее и будущее.

Киев не самый древний город на земле, но у него своя славная история, которая дает право называть этот город великим. Великие исторические города велики не потому, что навсегда остались неизменными, а потому, что менялись, обновлялись, приходили в упадок и снова воскресали.

Киеву суждена была доля одновременно и трагическая и величаво-прекрасная. Вряд ли можно назвать еще одну столицу на земле, которая, подобно Киеву, на протяжении полутора тысяч лет испытала столько нашествий, разрушений, пережила бы столько эпох расцвета и упадка, чтобы снова расцветать, жить не только воспоминаниями о былом величии, но и верою в еще более великое будущее. Таков Киев — столица Украины, древний стольный град Киевской Руси. Он вошел в историю, когда славяне, как объединение племен, в V веке нашей эры активно выходят на историческую арену. С тем временем связано и начало города, раскинувшегося на высоком живописном берегу Днепра на торговом пути «из варяг в греки».

Киев стоит посреди величавой равнины, на краю безбрежных степей, здесь нет скал и камней, которые могли бы защитить, только мягкая земля и леса. Мягкая земля, к сожалению, еще не гарантирует мягкой истории. Деревянные строения Киева легко загорались. Много их было, нашествий, разорений, битв за тысячелетнюю историю.

С принятием христианства Киевская Русь широко открыла двери для достижений мировой культуры.

Слава о Киеве гремит по всей Европе. В Киеве расцветают ремесла, появляются художественные школы. В монастырях и Киево-Печерской лавре основались первые переводчики и переписчики церковных книг, заведено было летописание, открыты школы, основана первая библиотека.

О высоком уровне культуры древнего Киева говорит нам построенный Ярославом Софийский собор, с его великолепными мозаиками и фресками. К счастью, собор сохранился почти целиком, уцелели руины Золотых ворот, которые недавно реставрированы.

Город пережил бесчисленные нашествия, набеги, бесконечные междоусобицы удельных князей и все-таки не лишился своего величия.

Он оставался великим городом. В нем жил неумирающий дух народа. Писались летописи, создавались книги, которые расходились отсюда по всей русской земле. Здесь было создано «Слово о полку Игореве» — этот страстный призыв к единению.

Когда в начале 1238 года Менгу-хан, один из

Из сборника «Слово о Киеве», который выходит в издательстве «Детская литература».

вое
на
лож
Пес
те
С
лян
сят
разр
Го
оста
буде
А д
снов
Гд
Кие
сти
лето
осно
Мог
шего
гени
лант
Кие
цент
об э
«Кие
Ки
снов
его
наро
полт
нико
раня
Пр
этого
врем
бодит
торы

Киеве

военачальников Батыя, «пришел посмотреть на град Киев», он остановился на противоположном берегу Днепра, недалеко от города Песочного, увидел город и удивился его красоте и величию.

С беззаветным мужеством отражали киевляне Батыево нашествие. Они держались десять недель и четыре дня. Город был сожжен и разрушен, почти стерт с лица земли.

Город может быть разрушен так, что не останется ни одного целого дома, но все равно будет существовать, если сохранится его дух. А дух города — в его людях. И он оживает снова, воскресает и возрождается.

Где и в чем сохранилась неумирающая душа Киева? В неприступности валов, в отчаянности защитников, в величии соборов, в мысли летописца, в свете знаний, которые несла основанная в начале XVII столетия Киево-Могилянская Академия, в оригинальности нашего перворазума философа Сковороды, в гениальной поэзии Шевченко, огромном таланте певца нового времени Павла Тычины? Киев за всю свою историю был прежде всего центром духовной жизни. Прекрасно сказал об этом современник Богдана Хмельницкого: «Киев — наше небо».

Киев горел, почти что умирал, но снова и снова оживал. В этом бесконечном упрямом его возрождении отражается дух и характер народа, который сотворил этот великий град полторы тысячи лет назад, народа, который никогда не отрекается от своих святынь, сохраняет их посреди всех испытаний.

Прослеживая непрерывность и крепость этого духа на всех этапах истории Киева во времена князей и в эпоху крестьянских освободительных войн Богдана Хмельницкого, которые увенчались великим актом Воссоединения Украины с Россией, видим силу этого духа в изрешеченной пулями стене киевского завода «Арсенал», рабочие которого в 1918 году поднялись на защиту Советской власти; он поднимается из темноты ноябрьской ночи 1943 года, когда в районе Киева бойцы Советской Армии форсировали Днепр, чтобы освободить древний стольный град от фашистов и гнать их с нашей земли.

И как прекрасно, что накануне славного юбилея города на приднепровской круче встал величественный мемориал славы — Украинский исторический музей Великой Отечественной войны 1941—1945 годов, мемориал бессмертия народа.

...Я хотел бы живописать Киев, каким он является сейчас, Киев, в котором более двух миллионов жителей и одиннадцать миллионов деревьев, Киев, в котором не счесть заводов, но немало и институтов, среди которых прославленные на весь мир Институт электросварки имени Патона и Институт кибернетики. Я хотел бы написать улицы, дома, людей, киевскую антику и киевское барокко, приглушенное золото соборов и могучие волны бетона в новостройках. Но он уже написан, этот портрет города. Он запечатлен в слове — в стихах и прозе наших писателей, в высказываниях о родном городе видных деятелей науки и культуры...

Эхо девичьих шагов на тысячелетних плитах Софии, птичий щебет в уютных скверах, детский смех над площадями и улицами, шум вековых боров и солнечная тишина над языческою зеленью холмов и подолов, голубые разливы Днепра, белые облака в ласковом небе над Киевом, пурпурные волны света предзакатного солнца, которые бьют уже не в очи тебе, а в самое сердце; заря вечерняя заливает и небо и землю вишневостью улыбки, искрится всеми красками в этом городе, где человек и страна соединяются подобно тому, как свобода и власть, как прошлое и настоящее, как величие и достоинство.

Таким рисуется наш Киев.

Юрий ТОМИН

Происшествия в путешествии

НЕВЕРОЯТНАЯ ПОВЕСТЬ О ВЕРОЯТНЫХ СОБЫТИЯХ

Продолжение. Начало в № 4.

Рисунки Л. ХАЧАТРЯНА.

Не спасай, кого не надо

В новых кедах Алексей Палыч ощущал некоторую упругость в ногах. Исчезла одышка, свободнее стали движения. Неожиданно возникли воспоминания о давно забытой волейбольной молодости, студенческих кроссах и зачетах по физкультуре.

«Еще не поздно,— подумал Алексей Палыч.— Вернусь, куплю костюм, буду бегать. Теперь многие бегают... Основа жизни — движение».

Тут Алексей Палыч обо что-то споткнулся и грохнулся грудью о землю, физкультурные планы разом вылетели из него: для того, чтобы бегать кроссы, нужно было еще вернуться домой.

Теперь Борис и Алексей Палыч шли рядом.

— Как ты думаешь, Боря?..— спросил Алексей Палыч.— Куда мы все-таки идем?

— По компасу шпарит,— отозвался Борис.— Вы разве не видели: у нее на шее компас подвешен?

Алексей Палыч вспомнил: на груди Лжедмитриевны болталась плексигласовая пластинка с встроенным в нее компасом.

— А ребята, как они тебе?

— Нормально. Мартышку сразу видно — противная. Значит, настоящая.

— Надо выработать какую-то линию поведения,— сказал Алексей Палыч и снова грохнулся на землю. Свою мысль он закончил уже лежа.— Иначе мы ничего не сможем сделать. Я знаю о твоей нелюбви к девочкам. Придет время, ты изменишь свою позицию...

— Вот еще! — возмутился Борис, глядя на своего учителя сверху вниз.

— Не будем спорить. Во-первых, нельзя ссориться с ребятами. Во-вторых,— продолжал Алексей Палыч, поднимаясь на четвереньки,— нужно делить с ними трудности — взять на себя часть груза и так далее...

Последние слова учителя находились в таком противоречии с положением его тела, что Борис впервые за весь день улыбнулся.

— Ничего смешного нет! — рассердился Алексей Палыч.— Я впервые за двадцать лет надел кеды.

Смех распирал Бориса. Он отвернулся и взглядом поймал группу. Последний рюкзак едва заметно маячил между стволами.

— Уходят!

Ученик и учитель побежали. Борис бежал сзади, равняясь по слабейшему. Через десяток метров Алексей Палыч, к своему изумлению, опять спикировал и приложился к земле.

— Шнурок завяжите! — крикнул Борис, перепрыгивая через своего учителя, как футбольный нападающий через вратаря.

Группа неслась во всю свою молодую мощь, не обращая внимания на перегрузки. Теперь Лжедмитриевна шла позади.

Решив, что три печенины не спасут группу, Алексей Палыч достал их из кармана и сунул Борису.

— Это лишние,— сказал Алексей Палыч.

Борис прекрасно знал, что это благородная ложь, и полторы штуки вернул обратно.

— А может, они и правда роботы? — проворчал Борис.— Несутся, как угорелые.

Размышление это осталось без ответа: у Алексея Палыча сил на разговоры уже не было; тут, дай бог, не упустить из виду Лжедмитриевну, то и дело норовившую скрыться за стволами деревьев.

Внезапно группа исчезла, словно сквозь землю провалилась. Подбежав ближе, заговорщики увидели, что так оно примерно и было: лес обрывался к реке крутым песчаным склоном.

Алексей Палыч и Борис уселись на песок рядом с ребятами. Взъерошенные и неприкаянные, они напоминали пару скворцов под дождем.

Ребята раздевались: они собирались снача-

ла искупаться, а потом наладить переправу. Две девочки и Лжедмитриевна побежали в кусты — переодеваться в купальники.

«Откуда у нее купальник? — подумал Алексей Палыч.— Неужели тоже ОТТУДА?»

Трое мальчиков уже влезли в воду. Теперь они уже не выглядели такими солидными и целеустремленными: они брызгались водой, подныривали друг под друга, хохотали — все это мало походило на игры молодых роботов.

Паренек в темных очках остался на берегу.

— А что ты не купаешься? — спросил его Алексей Палыч.

— А вы?

— Мне уже не жарко. Поберегу силы на переправу. Моста, как я понимаю, искать вы не будете...

— Вот еще!

— Так ты иди, купайся, мы покараулим.

Паренек снял очки. Взгляд его казался серьезным и умным. Он кивнул в сторону рюкзаков.

— Проверки внимательности не будет?

— Нет. Даю слово! — сказал Алексей Палыч.

Паренек быстро стал раздеваться.

— Тебя как зовут?

— Гена.

— Скажи, пожалуйста, Гена, почему вы не обошли болото?

— Вы разве не знаете? Вы тоже не обошли.

— Я как-то это... забыл...— промямлил Алексей Палыч. Гена продырявил Алексея Палыча своим умным взглядом.

— Мы ведь не просто группа, мы идем на разряд. Девиз похода: «Север». Идем строго на север, никуда не сворачивая.

Из кустов в купальниках вышли две девочки и Лжедмитриевна. «Мадам» выглядела вполне по-человечески: руки и ноги росли у нее как положено; слегка загорелая кожа тоже была сделана не из пластика; фигурка стройная, как и положено молодому кандидату в мастера спорта. Конечно, Алексей Палыч не надеялся, что джинсовый костюм скрывает какие-то панели или рычаги управления, но хотя бы ничтожный намек... Намека не было.

Девочки и мальчики веселились в воде. Если судить по количеству дружеских затрещин и подводных пинков, в группе царила полная демократия: девочки за слабый пол не считались. Это, впрочем, можно было понять и раньше: рюкзаки были у всех одинаковые. Только два бездельника шли пока налегке.

Лжедмитриевна не присоединилась к ребятам, а отошла чуть в сторону. Она зашла в воду по колено. Поплескала водой на лицо и шею. Затем она зашла по грудь. Белые ромашки на ее купальнике стали коричневыми. Она разгребала руками воду, но не поплыла, а осталась на месте.

А затем случилось непонятное.

Она качнулась вперед, ладони ее сжались и разжались, словно пытались ухватиться за воду. Она по-прежнему стояла на дне, но теперь лицо ее было видно наполовину: рот под водой, глаза наверху. И по этим глазам Алексей Палыч понял, что Лжедмитриевна тонет.

Где-то на дне был небольшой уступ. Она соскользнула с него, но подняться назад не могла: течение, хоть и слабое, все же мешало, ноги на такой глубине не имели опоры.

Лжедмитриевна, железобетонная инопланетчица, кандидат в мастера спорта, молча и тихо тонула в двух метрах от берега.

Это был прекрасный, необыкновенно счастливый случай, чтобы избавиться от нее и всего, что еще предстояло. Но об этом Алексей Палыч подумал позже, гораздо позже. Первой его реакцией, как и у большинства нормальных людей, было броситься на помощь. Впрочем, тут и бросаться-то особенно нечего. Он подбежал к берегу и протянул руку.

Лжедмитриевна вылезла на берег.

— Спасибо,— сказала она таким тоном, будто ей не жизнь спасли, а уступили место в автобусе.

— Вы не умеете плавать? — спросил Алексей Палыч.

— Кажется, так.

— Зачем тогда лезть в воду?

— Я об этом не знала.— «Мадам» даже пожала плечами, словно и объяснять тут нечего.

Алексей Палыч понемногу возвращался в прежнее состояние.

— Хотел бы я знать, о чем вы еще не знаете? — спросил он.— То вы ведете группу в болото, то выясняется, что руководитель не умеет плавать. Что будет дальше? А если бы вы утонули?

— Это — другое дело.

— Ну, тогда тоните,— предложил Алексей Палыч.— Больше я вас не буду спасать.

Лжедмитриевна впервые взглянула на Алексея Палыча с интересом.

— Ну,— замялся Алексей Палыч,— возможно, и буду. Даже скорее всего буду. Но не от большого желания. Это что-то вроде инстинкта: мало кто может равнодушно смотреть, когда гибнет...— тут Алексей Палыч запнулся, ибо точно не знал, кто стоял перед ним,—...что-то живое,— закончил он не слишком определенно.

— Вы хотите сказать, что разум заставляет вас желать моей гибели, а что-то другое заставляет меня спасать? Но что может быть сильнее разума? Мне это непонятно.

— Подозреваю, что вам многое непонятно,— сказал Алексей Палыч, понемногу возвращаясь в агрессивное состояние.

— Конечно,— согласилась Лжедмитриевна,— иначе я была бы не здесь, а дома.

— Вот и возвращайтесь домой! А мы выведем группу обратно.

— Попробуйте им об этом сказать.

Алексей Палыч мысленно сплюнул и вернулся к Борису. О том, чтобы говорить с группой сейчас, не могло быть и речи.

После купания ребята начали организовывать переправу. Все оказалось очень просто. Стасик, зажав в зубах конец веревки, переплыл на ту сторону и обвязал веревку вокруг ствола. Другой конец закрепили повыше, на этом берегу. Рюкзаки, подвешенные на карабинах, переехали через реку. Ребята, Алексей Палыч и Борис переплыли сами.

Алексей Палыч ожидал посрамления лжекандидата в мастера спорта. Оно не состоялось. Скорее наоборот. Под предлогом проверки «мадам» села в петлю, прикрепленную карабином к веревке, и лихо скользнула на ту сторону.

Обманутый Алексей Палыч, натягивая брюки прямо на мокрые трусы, уже сожалел о своем благородном поступке.

Изобретение огня

После купания идти стало легче, но ненадолго. Затаившаяся на время усталость быстро вернулась. Алексей Палыч чувствовал некоторую слабость в ногах; пустой желудок взвыл с новой силой.

Группа форсировала небольшой овражек, поросший ольхой и тощим березняком. По дну овражка струился ручей, впереди начинался чистый сосновый бор.

Стасик, шедший впереди, остановился.

— Привал! — скомандовал он.

Теперь видно было, что ребята тоже устали. Но никто не настаивал на ночлеге. Однако, когда Гена предложил «сделать» еще несколько километров, ему дружески посоветовали «закрыть пасть». Гена охотно первым скинул рюкзак на землю.

Алексей Палыч считал, что в таких случаях решать должен руководитель похода. Но лжекандидат в мастера только наблюдала, хотя и внимательно. Отсюда следовало, что она была урожденной демократкой и не хотела приказывать по мелочам или... или просто не знала, что нужно делать.

Ребятишки работали четко. На них было просто приятно посмотреть. По-деловому и без суеты они расшнуровали рюкзаки, достали спальные мешки, колышки-уголки для растяжек. Появились палатки-душегубки — низкие, двухместные; в них можно было только лежать, но зато они занимали мало места.

— Очевидно, потребуются дрова? — сказал Алексей Палыч.

— Очевидно,— отозвался Стасик.

— Сейчас, сейчас,— обрадовался Алексей Палыч.— Боря, идем.

Алексей Палыч и Борис направились к лесу.

Блеснув на солнце остро заточенным лезвием, топорик ударился о землю совсем рядом.

— А если бы чуть левее? — сказал Алексей Палыч.

— Я же говорю — придурки,— отозвался Борис.

— Ну, это ты зря... Ребята хорошие.

— У вас все хорошие. Что в ней хорошего?

Алексей Палыч без труда понял, что речь идет все о той же Мартышке.

— Боря,— сказал Алексей Палыч,— в своей неприязни к девочкам ты становишься однообразным. Это неоригинально. Конечно, многие проходят эту стадию... Но пора из нее выходить. Все-таки женщины — половина человечества. Даже говорят — лучшая половина.

Одно из достоинств Бориса заключалось в том, что он был человеком практическим. Он сразу увидел, что учителя понесло, что тот замедлил шаг и даже собирался остановиться.

— А дрова? — спросил Борис.

— Что дрова? Ах, дрова... Действительно, нас же ждут.

Возле палаток, выстроившихся по одной линии, уже окопали кострище; две рогульки с перекладиной поддерживали котелок и бидон вместо чайника.

Паренек, бывший караульным у станции, на горсть белого мха положил тонкие веточки, на них — потолще, из принесенных дров.

— У кого спички?

— Елена Дмитна, должны быть у вас.

«Мадам» заглянула в рюкзак, порылась в нем, затем обшарила наружные карманы.

— У меня нет.

— Вы разве не покупали?

— Кажется, я поручала кому-то.

— Кому? — спросил Стасик, грозно оглядывая ребят.

Никто не откликнулся, но все принялись обыскивать свои рюкзаки и карманы.

— Вы не курите?

— К сожалению...— вздохнул Алексей Палыч.

— А ты?

— Еще не научился,— ответил Борис.

— Ну и зря,— нахмурился Стасик.— Что же делать, Елена Дмитна?

— Решайте сами,— сказала Лжедмитриевна, уставившись на ребят немигающим взглядом экзаменатора.

Наступило молчание, прерываемое лишь шлепками по лицу и рукам: комары еще не отправились на ночлег и торопились получить свою каплю молодой крови.

— Когда-то огонь добывали трением...— вспомнила вторая девочка.

— Это бессмысленно,— вмешался Алексей Палыч.— Ничего не выйдет. Такие опыты ставились. Получается раз из сотни.

— А что смысленно? — спросил Стасик.

Алексей Палыч взглянул на солнце, которое уже собиралось зацепиться за верхушки деревьев.

— Завтра мы могли бы что-нибудь придумать,— Алексей Палыч умышленно сказал «мы», а не «я».— Солнце уже слишком низко. Можно сложить стеклышки от часов, заполнить их водой и обмазать по краям — получится лупа.

— Как в «Таинственном острове»! — обра-

Трое мальчиков уже влезли в воду. Они брызгались водой, хохотали — все это мало походило на игры молодых роботов.

довалась вторая девочка.— Я как раз недавно читала.

— «Таинственного острова» я уже не помню,— сказал Алексей Палыч,— но ведь я все-таки физик...

— Вы физик?! — обрадовался Стасик.— Тогда в чем же дело? Расщепите какой-нибудь атом, и порядок. Нам ведь не нужен большой взрыв, нам хотя бы искру.

Ребята повеселели. Кое-кто засмеялся. Не так уж их пугал ужин всухомятку. Просто ночевать в лесу без костра неинтересно.

— Стоп! — вдохновился Алексей Палыч.— Ты сказал «искра»... А это идея. Искру мы можем добыть. Я думаю, что можем. Нужен напильник, желательно плоский...

Напильник нашелся, но трехгранный.

— Ничего,— сказал Алексей Палыч,— теперь нужен кремень. Я думаю, в ручье можно найти подходящий камень. Боря, ты знаешь, как выглядит кварц, сходи, покажи ребятам.

Двое мальчиков и Борис побежали в ложбину. Лжедмитриевна между тем сидела на том же месте и наблюдала за всем своим немигающим рыбьим взглядом.

Ребята вернулись с камнями. Алексей Палыч выбрал один — с заостренными краями и желтовато-бурыми вкраплениями кварца.

— Теперь дело за малым,— сказал Алексей Палыч.— Нужен трут — кусочек ваты или мягкой веревки. Но он должен быть обожженным...

Вата нашлась в аптечке. Но она была бела, как снега Антарктиды.

— Хоть бы небольшой уголек...— сказал Алексей Палыч. — Вату можно натереть.

— Чижик! — заорал вдруг Стасик.— Ты же весной на сборе горел! Давай свой спальник!

Слова эти были обращены к парнишке небольшого роста, от которого за весь день Алексей Палыч не слышал ни одного слова.

Чижик вышел из круга и степенно, вразвалочку, этаким самостоятельным мужичком двинулся за спальником.

— Ты побыстрей не можешь?

Ответа не последовало.

— Чижик у нас — король переходов,— сообщил Стасик Алексею Палычу.— Утром не поднимешь, вечером не остановишь. Вынослив и неприхотлив. Питается осиновой корой и молодыми побегами.

Доверительные слова Стасика можно было понять и так, что Алексея Палыча принимают в компанию. Уж теперь-то огонь надо было добыть хоть лопни.

На чехле спального мешка вырисовывалась довольно большая заплата.

— Снимай чехол.

Под чехлом на материи тоже оказалась латка.

Стасик вынул из кармана складной нож и

уже собирался вспороть латку в центре. Чижик молча взял нож из его рук и стал аккуратно подпарывать латку с края. Он запустил внутрь два пальца и вытащил темно-коричневый комочек подпаленной ваты.

После нескольких ударов напильника о кремень вата затлела. К ней добавили еще ваты, затем в ход пошел сухой белый мох, тончайшие веточки. Спустя несколько минут костер горел как положено.

Ребята, сплясав от радости, подошли к Лжедмитриевне.

— Ай да мы! Правда, мы молодцы?

— Вы быстро справились.

— Теперь будем хранить огонь? — спросила Мартышка.— Понесем угольки? Ой, как интересно! Кто будет хранителем?

— Не нужно,— сказал Алексей Палыч.— Мы сделаем настоящий трут. Надо только следить, чтобы не отсырел.

Безымянная пока для Алексея Палыча девочка помешивала в котелке. Гречневая каша из концентрата уже не булькала, а солидно пыхтела. После того, как в нее вывалили банку тушенки, в воздухе поплыли волны невыносимо вкусного запаха. Обманутые комары пикировали в котелок и оставались в нем навеки. Но это никого не пугало.

Первая миска досталась Алексею Палычу.

— Если бы не вы, мы вообще бы на хлебе и воде сидели,— сказал Стасик.— Это уж точно. Я вам на двоих положил. Я могу прямо из котелка.

— Чтобы больше досталось,— заметил бывший караульщик.

— Шурик,— сказал Стасик,— я человек благородный. Мои чувства измеряются не жратвой, а совсем другими вещами.

— Тогда тебе и котелок мыть.

— Посуду я вымою,— сказал Борис. Это было его первое обращение к ребятам.

— И завтра — тоже,— уточнил Шурик.— У нас дежурство по суткам.

Борис кивнул. Пора длинных речей для него еще не настала.

Лжедмитриевна сидела рядом со всеми и молча поглощала кашу. Она вообще была удивительно немногословна для руководителя. Умение не торопиться, не контролировать каждую мелочь — хорошее качество. Но должна быть и разница между руководителем и наблюдателем. «Мадам» вела себя скорее как наблюдатель. Алексей Палыч удивлялся, что ребята пока этого не замечают.

После чаепития Борис сложил посуду в котелок и понес ее к ручью. Только сейчас он почувствовал, как сильно устал. Хотелось свалиться на землю и лежать хоть неделю, хоть две. А ведь ребята еще несли рюкзаки... Но и Борис не шел налегке: он знал то, чего не знали ребята. Он тоже нес свой груз, и еще неизвестно, чья ноша была тяжелее. За время «работы» с Феликсом Борис устал не физически. Это была та самая усталость, которая одинаково поражает и детей и родителей, но родители почему-то считают, что в их океане волны выше и круче.

Когда Борис возвратился после мытья посуды, ребята вслух размышляли над тем, как устроить на ночлег приблудную парочку.

— А вы как думаете, Елена Дмитна?

«Мадам» произнесла свое традиционное «решайте сами».

Предложение «разбросать» гостей по палаткам было отвергнуто: палатки не банки, люди не кильки.

— А чем плохо на воздухе? — спросил Алексей Палыч.

— А комары?

— Есть мазь,— влез в разговор Шурик.

— Где аптечка?

Мази в аптечке не оказалось.

— Валентина,— строго сказал Стасик,— сейчас мы будем тебя немножко вешать.

— Я все положила! — возмутилась вторая девочка.— Там список. Я по списку проверяла. И тюбики помню. Зелененькие такие, там еще елки нарисованы. Пять штук тюбиков.

— Куда они делись?

— Откуда я знаю?! Я коробку при всех доставала.

— Да не такая уж важность — комары,— вмешался Алексей Палыч.— Мы с Борей накроемся моим пиджаком. Не съедят.

— Дайте им чехлы от спальников,— посоветовала Мартышка.— Все равно жарко. Я лично в мешок не полезу, только подстелю. Боря, возьмешь мой чехол.

Сказано было по-дружески. Даже слишком. Девочка чувствовала волну сопротивления, исходившую от Бориса. Это ее и притягивало. Препятствие нужно преодолеть для себя лично, для своего самолюбия.

Но противник у Мартышки оказался не из легких. Отношения Бориса с девочками отличались удивительной простотой: никаких отношений не было. Такие ребята, когда придет время, влюбляются без разбора, в первую встречную.

— Ничего мне не надо,— мрачно сказал Борис.

Мартышка не настаивала. Даже улыбнулась: она не забыла, что на плечах Бориса лежит ее свитер.

Чехлы все-таки сняли — Стасик и Чижик.

Борис принял благодеяние наполовину. Он не полез в чехол, а лег на него и тут же уснул.

Алексей Палыч уснуть не мог. Человек немолодой и нетренированный, он находился в той степени переутомления, когда невозможно заснуть именно от усталости. В палатках копошились ребята, воюя за квадратные сантиметры. Борис спал. Комары спокойно паслись на его лице.

Алексей Палыч уже засыпал, когда услышал — или ему показалось — под боком чье-то дыхание. Он разлепил веки и увидел — или ему почудилось — нечто мохнатое и живое.

— Спи, собака, спи...— пробормотал Алексей Палыч и повернулся на другой бок.

Девиз «Север»

— Подъем! Подъем! Подъем!

Вот тут, когда не нужно, Лжедмитриевна старалась вовсю. Она расхаживала между палаток и постукивала по ним прутиком. Ее палатка была уже свернута, рюкзак упакован.

Ребята задним ходом выползали из палаток, протирали глаза кулаками, потягивались и по-стариковски кряхтели; вчерашней живости в них не замечалось. Вылезая из чехла, Алексей Палыч почувствовал, что кости в нем расположились отдельно от мяса. Болело все, кроме ушей.

Вспомнив, что он дежурный, Борис подошел к Стасику.

— Варить будем?

— Спроси у Елены Дмитны.

— Спроси лучше ты.

— Елена Дмитна, варить будем? — крикнул Стасик.

— А ты как думаешь?

— Нужно съесть колбасу, а то испортится.

— Тогда зачем спрашивать?

— Кого же мне еще спрашивать?

— Больше самостоятельности,— посоветовала Лжедмитриевна.

— Это мы могём,— сказал Стасик.— Тогда будем пить чай. Алексей Палыч, ваша пушка работает?

— Должна,— сказал Алексей Палыч.

Еще с вечера он скрутил из ваты фитиль, обжег его и засунул в корпус своей шариковой ручки, вынув стержень. Сегодня все пошло быстрей, чем вчера: фитиль — вата — бумага — костер.

Пока Борис ходил за водой, ребята свернули палатки. Чай разлили по кружкам; Алексей Палыч и Борис прихлебывали из мисок.

Целая палка колбасы была разделена на девять частей. С утра есть не очень хотелось. Жевали лениво, понимая, что нужно, иначе днем быстро выдохнешься.

— Ой! — вскрикнула вдруг Валентина и поперхнулась.— Со...

Чижик деловито врезал ей кулаком по спине. Она выплюнула кусок колбасы в ладонь.

— Не жадничай,— посоветовал Шурик.

— ... бака... — закончила Валентина, указывая рукой.

Неподалеку от них, вытянув передние лапы, лежала на брюхе собака. Нос ее страстно втягивал в себя колбасные запахи; глаза, все понимающие, смотрели на ребят пристально и выжидательно. «Позови,— говорили эти глаза,— и я сразу приду. Я приду к тебе на всю жизнь, если ты согласишься».

— Собачка, как тебя зовут? — спросила, почти пропела Валентина.

Собака почувствовала интонацию и встала. Хвост ее закрутился со скоростью вертолетного ротора.

Это был вполне современный поселковый пес. Не большого и не малого роста. Типичная помесь забалованных дачных терьеров и деревенских дворняжек. Современность его складывалась из небольшой бороды и шерсти голубовато-серого цвета.

Валентина бросила кусок недожеванной колбасы. Возможно, поселковый пес впервые в жизни видел такой замысловатый продукт, но уговаривать его не пришлось.

— Ну, иди к нам,— позвала Валентина.

Пес, конечно, знал эти слова. Он сорвался с места и на радостях сделал круг около костра, взбрыкивая задними ногами. Затем отбежал в сторону, полаял на север и на восток, как бы сообщая, что кругом затаились враги, но он здесь и никому не позволит обижать своих новых друзей. Потом подпрыгнул на месте и только после этого подошел к ребятам и уселся, склонив голову набок. Весь вид его говорил: «Я преданный и неизбалованный».

Этот маленький спектакль зрители оценили. В артиста полетели кусочки колбасы и хлеба. Никто даже и не заикнулся о том, что пес пойдет вместе с группой. Об этом все уже знали и так. Оставалось выяснить его имя.

— Шарик...— Наклоном головы пес выразил свое согласие.

— Жулик...— Против этого тоже не было возражений.

— Джульбарс...

— Акбар...

Пес внимательно слушал. Уши, обросшие длинной шерстью, шевелились. Шерсть с живота и хвоста свисала щеточкой.

— Он похож на веник,— сказала Валентина.— Веник, ко мне.

Пес подбежал к ней, уперся лапами в колени и лизнул в нос.

Так он и остался Веником.

Когда стали укладываться, Борис подошел к Стасику.

— Давай я тоже понесу что-нибудь.

— Сейчас придумаем,— сказал Стасик.— Только вот что. Я вчера весь день хотел спросить: как вы к нам попали? Раньше нам Елена ничего не говорила.

— Так получилось. Не знаю, как объяснить...

— А ты попробуй, я умный.

Борис указал на Лжедмитриевну.

— Вы давно ее знаете?

— Вообще-то давно. Она ведь в нашей школе училась. А идем с ней в первый раз. В прошлом году она с другой группой ходила. А ты давно ее знаешь?

— Сутки,— сказал Борис.

— Тогда почему тебя взяли?

— Понимаешь... трудно все объяснить. Я не хочу тебе врать. Только ты никому не говори.

— Договорились.

— Понимаешь... она... Она вроде преступницы, а мы с Алексей Палычем за ней следим.

— Та-ак...— протянул Стасик,— умней ты ничего не придумал?

— Вот видишь,— сказал Борис,— а я еще не всю правду, а только кусочек...

— Ладно. Понесешь палатки, все нам будет полегче.

— А ты никому не скажешь?

— Ты хочешь, чтобы еще и меня за идиота считали?

Из этих слов можно было понять, что один идиот уже есть. Но то, что Лжедмитриевна «преступница», это еще, как говорят, семечки. Вот им бы настоящую правду сказать! Нет, видно, ТАМ рассчитали неплохо, наверное, ТАМ знали — люди верят в чудеса только тогда, когда в них нуждаются.

Борис принялся скатывать палатки в тючок. Обвязал тючок растяжками.

Алексей Палыч тоже потребовал свою долю.

— Не нужно,— сказал Стасик.— Вы будете подавать научные идеи. Вперед, орлы и вороны!

Борис шел позади всех. Тючок нести было неудобно: приходилось перекладывать его с одного плеча на другое. Во время одной из остановок Борис услышал шорохи за спиной — Веник догонял группу. В зубах он нес что-то светлое, не то кость, не то палку. Борис протянул руку. Веник доверчиво положил на его ладонь светло-зеленый тюбик. Борис отвернул колпачок. Горлышко тюбика было запечатано металлической пленкой. Это означало, что мазью не пользовались и, следовательно, доставать ее из коробки было незачем.

Впереди Алексей Палыч остановился, поджидая соучастника.

Борис протянул ему тюбик.

— Веник нашел на стоянке.

— Это еще ни о чем не говорит,— сказал Алексей Палыч.— Могли случайно выронить.

— Все пять?

— Могли случайно не положить.

— Один положили, а четыре нет? — спросил Борис.— Это она... зуб даю, это она.

Группа уходила. Алексей Палыч молча потянул к себе сверток с палатками. После короткой борьбы он остался у Бориса, и оба бросились в погоню.

Огорчало Алексея Палыча то, что на завтра назначен экзамен по физике в десятом классе. Конечно, его заменят... Но выдумка с министром уже не казалась удачной. Директор школы в нее не поверит. Да и никто не поверит, пожалуй! Двадцать лет жил министр без Алексея Палыча и еще пятьдесят перебьется. Разве что оглушит слегка телеграмма и пройдет какое-то время, пока очухаются.

Но главное — Борис.

Почта нужна была позарез.

Между тем со вчерашнего дня никто пока им не встретился. Туристы на то и туристы, чтобы избегать людных мест. Но все же и не пустыня раскинулась вокруг... Лес был не такой уж глухоманью, да и места эти не так далеко от города. Начало июня — время подходящее для первых грибов. Странно, что не было грибников.

Ребята шли не быстрей, чем вчера. Но и не медленней. Борис все чаще перекладывал тючок с одного плеча на другое. Наконец Алексей Палыч догадался: он сломал небольшую ольшину, очистил ее от веток — получился шест. Тючок подвесили на шест и понесли вдвоем.

Веник впереди залаял. Подойдя поближе, заговорщики увидели, что ребята собрались в кружок. В центре кружка, довольный всеобщим вниманием, сидел Веник. Возле него лежал серый игольчатый клубок. Пес потянулся к нему носом, клубок подпрыгнул и зафукал. Веник припал на передние лапы и заворчал.

Пока Веник, к удовольствию ребят, разыгрывал сцену смертельного поединка, Алексей Палыч отозвал Лжедмитриевну в сторону.

— Я хотел бы точно знать наш маршрут,— сказал Алексей Палыч.

— Я сама его точно не знаю.

— То есть как? Должна быть карта или схема...

— Карты нет.

— Куда же вы ведете группу?

— На север.

— Мне непонятно. Почему на север, а не на восток или на запад?

— Так было намечено.

— Кем? Вами или вместе с ребятами?

— Еленой Дмитриевной.

— Той Еленой, которая в отпуске?

— Да. Ребята об этом знают.

— Что она в отпуске?

— Что девиз похода — «север».

— А если встретится непроходимое болото или лесной пожар?

— Это интересно,— сказала Лжедмитриевна.— Критическая ситуация.

— Слушайте, передайте ТУДА,— заявил Алексей Палыч и ткнул пальцем в небо,— что это — безобразие! Губить ребят я не позволю!

— Они и так слышат.

— Если слышат, пускай хотя бы пошлют телеграмму родителям Бориса.

— Они не могут этого сделать. Вступать в контакт им нельзя.

— А вам можно?
— До известных пределов.
— Почему же вам такое доверие?
— Я выполняю задание.
— Существуют наемные убийцы! — запальчиво сказал Алексей Палыч.— Они обычно тоже выполняют задание.

Произнеся эту тираду, Алексей Палыч почувствовал, что перегнул. Оскорблять Лжедмитриевну не следовало хотя бы потому, что это никак не могло помочь делу. Но, наверное, «мадам» все же была скроена из особого материала. Она не обиделась.

— Напрасно вы сердитесь, Алексей Палыч. Бориса искать не будут.
— Если я пошлю телеграмму?
— Я не против. Но я не уверена, что нам встретится какой-нибудь поселок.

Ненавистная Лжедмитриевна была трижды права: в лес уходят не для того, чтобы искать почту. Ребята не поймут и не согласятся.

Представление на поляне закончилось. Кольцо разомкнулось. Веника отозвали, и еж побрел по своим делам.

От ребят не укрылся тайный разговор Алексея Палыча и Елены. На их глазах такое происходило уже в третий раз.

— Боря,— спросила Мартышка,— почему твой отец все время шепчется с Еленой?

Еще утром выяснилось, что Мартышку зовут Мариной, но для Бориса она по-прежнему оставалась Мартышкой.

— Он мне не отец.
— А кто?
— Никто.
— Боря, почему ты все время грубишь? Я тебе не нравлюсь? — спросила Мартышка, и голос ее был чист и невинен, как чириканье лесной птахи.
— Отстань ты от меня,— сказал Борис.

Мартышка засмеялась, мотнула головой. Светлые волосы хлестнули ее по щекам, улеглись на спину. Серые глаза весело смотрели на Бориса. Нет, против такой девочки невозможно было устоять.

Невозможно?
Возможно, что невозможно...
Но не для Бориса.
— По тебе клещ ползет,— сказал Борис.

И сразу потухли Мартышкины глаза, исчезла улыбка, она зашагала прочь от Бориса.

Борис стоял в недоумении. Но не в полном. Наполовину атака Мартышки была отбита, но удовольствия сейчас это не доставляло. А что он такого сказал? Ничего. Клещей тут полно — на всех садятся, не на одну Мартышку. Правду сказал человек, на что обижаться? Говорят, что у девчонок загадочные натуры... Вот пусть их разгадывают любители кроссвордов. А нам и так хорошо, верно, Борис? Нам их кроссворды — до лампочки.

Брать надо умеючи

Близился к концу второй день похода.

Ребята казались туристами настоящими. Север севером, но Алексей Палыч не понимал, как они могут идти без карты. А если что случится? Кто-то заболеет, поранится... Надо же знать, куда выйти за помощью. Или Лжедмитриевна что-то скрывает?

Алексей Палыч и Борис шли в прежней связке.

Ребятам, хоть и нагруженным тяжело, идти было легче — они шли по одному. Заговорщикам, скрепленным шестом, приходилось действовать согласованно. Ветви кустарника, пропустив Бориса, распрямлялись за его спиной, цеплялись за тючок: распрямившись во второй раз, они норовили хлестнуть Алексея Палыча по лицу, и это им удавалось.

В общем, группа, несшаяся к своей погибели, чувствовала себя неплохо, а вот спасателям приходилось туго.

Да и от чего нужно спасать, было совершен-

Алексей Палыч уснуть не мог.

но неясно. У постороннего наблюдателя мог бы даже возникнуть вопрос: кого нужно спасать, не самих ли спасателей?

— Боря,— сказал Алексей Палыч,— кажется, я вел себя совершенно неправильно.

— А как правильно, если тут все неправильно? А что?

— Я пытался доказать правду, а нужно было придумать какую-то ложь, но реальную.

— Я говорил Стасику, что она вроде преступницы, а мы за ней следим.

— Да?! — оживился Алексей Палыч.— Ну и что?

— Ноль,— сказал Борис.— Идиотом обозвал. Она у них в школе училась.

— Но ведь не она, а другая!

— А вы им докажите.

— Да,— согласился Алексей Палыч,— я не вижу никакой возможности объяснить ребятам. С ней, по-моему, разговаривать бесполезно: она на задании.

— А почему вы думаете, что их нужно спасать? Прут как лошади. Они и сами куда-нибудь выйдут.

— Я не то чтобы...— Алексей Палыч пожал плечом. На правом лежал конец шеста.— Просто надеюсь, что при мне она не осмелится... сам не знаю, на что. Ведь у нас есть кое-какие заслуги перед НИМИ.

— Плевали они на нас!

— Боря,— сказал Алексей Палыч,— ты не забывай, что нас слышат...— При этом Алексей Палыч забыл, что недавно сам критиковал братьев по разуму.

— Пускай слышат,— отозвался Борис.— Я и сам бы на них плюнул, да не знаю, в какую сторону.

Небеса молчали.

— Боря,— начал снова Алексей Палыч.— Вот ты говоришь, что ребята в помощи не нуждаются... Пока да. Но я подумал: что-то много набирается странного. Мы, конечно, кое к чему с тобой привыкли, но все-таки... Почему мы с тобой вернуться не могли? Что это значит?

— Врет.

— Зачем? Почему нужно выдумывать такую невероятную и сложную ложь?

— Почем я знаю, что у нее в голове.

— А я полагаю, что она сказала правду. И все это имеет прямое отношение к нам.

— А верно! — Борис даже приостановился. Шест проехался по плечу Алексея Палыча и вырвал небольшой клин из пиджака.— Остальные пассажиры ей до лампочки.

Алексей Палыч склонил голову набок, оглядел дыру и вздохнул. Мысленно он простился с костюмом еще вчера.

— Затем она сказала, что тебя не будут искать. Как это понять?

— Успокаивает, чтобы ей нервы не трепали.

— То есть опять лжет?

— Вроде этого...

— А у меня ощущение, что она говорит правду. Хотя я ей и не верю. Я чувствую, что-то происходит... что-то необычное... непонятное нам.

— Вы же сами говорили: другой метод.

— Вот я и боюсь этого метода. Не думаю, чтобы нам хотели причинить вред. Просто могут чего-нибудь не учесть. Да и надоело мне: не агенты же мы с тобой какие-то.

Борис засмеялся.

— Алексей Палыч, они все слышат.

— Пускай слышат. Я бы тоже на них плюнул, если бы не ребята. Ребят мне жалко.

— Это нас надо жалеть. С ними все в порядке.

— Не совсем. Если собрать все вместе, то кое-что уже сейчас мне не нравится. Тебе не кажется странным, что руководитель похода забыл спички? Ведь спички здесь не просто спички — это горячая еда и сухая одежда.

— Так вообще не делают,— сказал Борис.— Спички всегда распределяют: у одного подмокнут, у другого сухие.

— Вот видишь. И репеллент потерялся.

— Кто? — спросил Борис.

— Виноват,— сказал Алексей Палыч.— Мазь от комаров. Или жидкость. Все это репелленты. От латинского слова «репеллентис» — «отгоняющий». Я когда-то метеорологию изучал, там много латыни. Ты извини...

— Ничего, я понимаю,— сказал Борис.— Мазь от комаров, кому она нужна? А вот репелленты можно и свистнуть. А Веник нашел. Там, наверное, все пять лежали. Нужно нам было вернуться. Точно, это она.

— Я не уверен,— сказал Алексей Палыч,— но все вместе... И карты у нее нет, я спрашивал. Ты этих мест тоже не знаешь?

— Откуда? И еще я заметил: она совсем не командует.

— Ага, ты заметил! На руководителя она не похожа. В чем тут дело: не может, не умеет, не знает, не хочет?

— Темная! — сказал Борис.

— Не считай противника глупей себя.

— Если бы кто-нибудь из них заболел...— сказал Борис.— Или ногу сломал... Должны же они его вынести. Назад, например, на станцию.

— А это идея! — оживился Алексей Палыч.— Только зачем из них? Можно из нас. Специально мы, конечно, ломать ничего не будем. Но можно притвориться.

— Кто будет притворяться? — по-деловому спросил Борис.

— Могу я... Попробую...

— Не пойдет,— сказал Борис.— Вы обманывать не умеете.

— Еще как умею,— заявил Алексей Палыч с некоторой даже гордостью,— последнее время только этим и занимаюсь.

— Не умеете. Я бы вас сразу разоблачил. Тут не просто обманывать, а нахально врать надо. Нахальства у вас совсем нет, Алексей Палыч.

— Да есть же, уверяю тебя! Я в детстве даже на скрипке играл.

В центре кружка, довольный всеобщим вниманием, сидел Веник. Возле него лежал серый игольчатый клубок.

Борис не согласился, и Алексей Палыч сдался.

Обмануть семь человек — это вам не градусник нащелкать. Приходилось шевелить извилинами. Переломы сразу отпали. Почему — ясно, а кому неясно, пускай попробует сам. Сильные ушибы и вывихи проявляют себя опухолями и синяками, если они настоящие. А ненастоящих вывихов не бывает.

— Аппендицит! — обрадовался Алексей Палыч.

— А где он? — спросил Борис.

— В животе. Воспаление аппендикса. Срочная операция...

— А что говорить?

— Говори, что сильные боли в животе. Пульсирующие. Впрочем, они не поймут, хотя наверняка слышали.

Симулянты сбросили шест. Алексей Палыч устремился догонять ребят. Борис улегся на спину. Делать это ему было противно. Но он жалел Алексея Палыча. Уж очень ему не хотелось, чтобы тот извивался и гримасничал, изображая страдания.

Первым примчался Веник. Изнемогая от дружелюбия, он с ходу облизал Борису лицо, поелозил бородой по шее и тявкнул: «Вставай!»

Затем подошли ребята и Лжедмитриевна без рюкзаков, наверное, Алексей Палыч кое-что объяснил им в дороге. Стасик сразу спросил:

— Сильно болит?

— Прилично.

Борис ответил спокойно, не кривляясь.

— Зачем же ты пошел, больной?

— Он не знал,— вмешался Алексей Палыч.— Такие приступы всегда начинаются внезапно.

Валентина присела возле Бориса на корточки. Она была хранительницей аптечки и, значит, находилась ближе всех к медицине. Платком она вытерла с лица «больного» слюни Веника. Борис покраснел.

— У него жар,— отметила Валентина.

— Валентина, дай ему какого-нибудь лекарства от живота,— посоветовал Гена.

— Или кусок колбасы,— сказал Шурик.— Самое лучшее лекарство. Я, когда долго не ем, у меня всегда болит живот.

— От аппендицита лекарства нет. Единственное средство — срочная операция,— заявил Алексей Палыч довольно уверенно, ибо на сей раз в его словах не было неправды.

— Что будем делать, Елена Дмитна? — спросил Стасик.

— Что делать, что делать!..— вмешалась Мартышка.— Как маленькие! В больницу его!

Впервые на лице Лжедмитриевны появилась озабоченность. Она с беспокойством взглянула на Алексея Палыча. Но тот помогать ей не собирался.

— Хоть в ближайший населенный пункт,— твердо заявил Алексей Палыч.

— А где ближайший?

— Елена Дмитна, карта у вас?

— Карты нет.

— Я сам клал ее в карман вашего рюкзака,— сказал Гена.

Наступило молчание. Ребята переваривали новость, пока еще не связывая ее со спичками и комариной мазью.

В этот момент Борис шевельнулся.

— Очень больно? — спросила Мартышка.

— Терпимо,— ответил Борис.

— Сам идти можешь?

— Подумаю.

Алексей Палыч с тревогой взглянул на Бориса. Уговора думать не было. По сценарию Борису полагалось быть совершенно беспомощным.

И тут в разговор вступил Чижик, не произнесший за два дня почти ни одного слова. Едва он заговорил, Алексей Палыч понял, что́ заставляло его молчать: с такими ребятами он встречался. Как правило, это были надежные ребята — говорили они мало, но дело делали.

— У м-меня б-был а-а-ппендицит.

Все головы повернулись в сторону Чижика. Видно, ребята тоже знали, что понапрасну рта раскрывать он не станет.

— Н-нужно н-нести.

— Куда?

— Я п-помню к-к-а-арту. Впереди ж-ж-же-елезка.

— Будем делать носилки,— решил Стасик.

— Боря, тебе на самом деле так больно? — спросила Лжедмитриевна.— Придется прервать поход, а ребята готовились к нему целую зиму.

«Придется, придется,— не без ехидства подумал Алексей Палыч.— Хоть вы там и развитые, но и мы кое-что соображаем. Молодец, Боря, давай добивай ее».

— Мне уже лучше,— сказал Борис.

Тон его голоса находился в полном противоречии со словами, поведение тоже. Он морщился, пальцы рук его, вытянутые вдоль тела, сжимались и разжимались. Алексею Палычу казалось, что Борис только вошел в роль и играет страдание совершенно естественно. Но как это совместить со словами?

Но все объяснялось просто. Борис не актерствовал, он на самом деле страдал.

Из ста пятидесяти миллионов квадратных километров, составляющих сушу нашей планеты, начинающий симулянт умудрился выбрать именно тот клочок, по которому проходила тропа муравьев. Прикрытая вереском, невидимая сверху дорога пролегала примерно под поясницей Бориса.

Рыжие шустрые солдатики быстро отыскали ходы под рубашку, под пояс, в штанины и рукава. И ползание их уже само по себе было невыносимо. Но, возможно, они собирались проникнуть и внутрь Бориса, ибо местами пробовали кожу на зуб.

Некоторое время Борис продержался на самолюбии. Начав играть роль обезноженного страдальца, он не мог вскочить сразу. Нужно было хоть немного потянуть, чтобы «боль» в животе успокоилась. Конечно, можно попросить, и его передвинут, и снимут одежду, и вытрясут ее. Борис представил себе эту картину, покосился на Мартышку и понял, что это исключено.

Муравьи продолжали вгрызаться в кожу. Уже не хотелось спасать ни группу, ни себя, ни даже планету. Единственным желанием было убежать в лес, раздеться догола и вытрясти одежду.

— Прошло,— сдавленным голосом произнес Борис и медленно поднялся на ноги.

Сначала, чувствуя на своей спине взгляды ребят, он шел не спеша, но потом не выдержал и побежал.

Алексей Палыч стоял в растерянности и изумлении. Из всех он один не понимал, что случилось.

— Значит, не аппендицит? — спросил Славик, обращаясь к Чижику.

Чижик молча кивнул, развернулся и направился в глубь леса, туда, где были оставлены рюкзаки.

— Жрать надо меньше,— заметил Шурик.

— Дурак! — сказала Мартышка.

— А что, пошутить нельзя?

— Заткнись,— посоветовал Славик.— Валька, у тебя есть что-нибудь от живота?

— От живота, от живота...— пропела повеселевшая Валентина, раскрывая аптечку.— Ты думаешь, я наизусть помню? Тут у меня список. Вот. От живота — фталазол.

Валентина протянула Алексею Палычу две таблетки.

— Большое спасибо,— растерянно сказал Алексей Палыч.

Лжедмитриевна решительно приказала:

— Идемте, ребята.

Вернулся Борис, злой и насупленный.

— Почему ты убежал? Ведь главное уже было сделано.

— Посмотрите.

Борис раздвинул кустики вереска. Рыжая дорожка струилась у его ног.

— Рыжие — самые кусачие,— мрачно заметил Борис.

— Разве нельзя было передвинуться? — спросил Алексей Палыч, стараясь придать своему голосу максимум деликатности.

— Они в штаны набились. От своих штанов не убежишь.

Алексей Палыч вздохнул.

— Да-а... Не везет.

— Пока только нам не везет,— уточнил Борис.— И вообще, нужна мне эта планета!.. Одних спасай, других спасай... Мы что, на спасательной станции работаем?

И Борис погрозил кулаком в небо.

ПРОДОЛЖЕНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

Александр ВИНОГРАДОВ,
директор издательства «Детская литература», член Союза писателей СССР

1922-1982

Живет такой мальчишка...

И белый снег ложится на виски, и паспортные данные узаконили в солидном возрасте... И все же, все же... Как хочется озорно крутнуть головой, стряхнуть с себя заботы взрослого человека и откатиться назад, в невозвратную, волшебную страну моего детства. Откуда яркими всплесками шлют мне улыбки чуть запорошенные временем и чуть подзабытые памятью мои мальчишеские годы. Годы пионерские, время красного галстука и чистого пения утреннего горна, годы неповторимые, как неповторима и сама жизнь...

Что ж, каждому поколению жизнь уготовила свой сценарий. Нашему — красный галстук повязало суровое, военное время, сразу заставив нас повзрослеть, забыть шалости, не дав разыграть все игры, которые причитаются мальчишескому возрасту. Наше мужание опережало ритмы учебных четвертей и запланированных пионерских сборов.

Гремела на тысячи километров невиданная, изнурительная война, в кровавых боях умирали наши отцы и старшие братья, вся страна единым военным лагерем отражала коричневое нашествие фашизма.

В десяти километрах от нашей деревушки забуксовала страшная гитлеровская машина, бронированным острием нацеленная на Москву, увязла в кровопролитных боях, затопталась на месте, схваченная смертельными тисками ударных советских дивизий. Гигантская эта мясорубка скрежетала день и ночь, фашисты еще надеялись пробить стальной заслон наших войск на пути к столице.

Мальчишеское нетерпение источило нас — надо помогать своим, надо спешить на передовую, а не отсиживаться в тыловой деревушке. Уж теперь и не помню, чья это была идея, но только ухитрились мы с другом схорониться в кузове машины, подвозившей к фронту боеприпасы, и проморгали нас все патрули. Когда узкое лезвие фонарика ощупывало промерзлый кузов, мы распластались за снарядными ящиками и незваными «зайцами» все-таки проскользнули на передовую. Из кузова нас извлек усатый старшина и, не успев пожурить за преступное своеволие, с размаху кинул в колючий снег — фашисты начали засыпать заледеневшую опушку десятками мин.

Он только с виду был таким суровым, этот плечистый старшина в белом полушубке. Потом мы стояли в жарко натопленной землянке, шмыгали в смущении покрасневшими носами, и нам, новоявленным десятилетним воякам, старшина объяснял азы сознательной дисциплины, пионерской в первую очередь. Разморенные теплым чаем, обласканные красноармейцами, мы все выкладывали начистоту. Что хватились, наверное, нас ребята и не избежать нам взбучки от вожатой Лидии Петровны, что сейчас как раз и проходит пионерский сбор — задание, с которого мы удрали.

С обратным рейсом нас отправили домой, и поспели мы в самый раз — все наши друзья сидели вокруг керосиновой лампы и старательно срезали с картофельных клубней аккуратные глазки.

Наш маленький пионерский отряд помогал колхозу: готовил посевной материал для весенних работ — таким было наше пионерское дело.

Сколько лет прошло, а как сейчас вижу лукавую улыбку Лидии Петровны и ее иронический голос:

— В какой полк вас записали?

Конечно, потом и более сложные проблемы ставила жизнь, но тот первый урок коллективизма, чувства локтя товарищей по звену, отряду, группе запал в сознание навсегда, стал нужным указателем для правильных поступков в разных жизненных коллизиях.

Что ж, каждому поколению жизнь уготовила свой сценарий. Нас обделила она праздничностью пионерской символики, но наградила другим: дала в полной мере испытать свои силы, как бы авансом утвердила нам все слова торжественного обещания, данного перед пионерским строем. И что самое удивительное — не отняла детских радостей. Мы радовались, что отряд сдал сверх плана десять пар теплых носков, что пионерские сердца обогревали каждый дом, куда постучалась печальная весть о гибели мужа, брата, отца, сына...

И, наверное, самую большую награду преподнесли мне пионерские годы — они остались во мне, они стали тем стимулом, который не дает ни унывать, ни закисать.

Теперь, когда смысл своей работы я вижу в одном — приносить нашими книгами радость мальчишкам и девчонкам, незаменимым помощником для меня оказывается все тот же пионер с красным галстуком. И когда я, поддавшись солидной взрослости, перестаю видеть юных читателей, слышать их чистый голос, шепчет мне тот неугомонный мальчишка самые нужные и верные слова. Он молодец, мой страж и помощник, он, чуть что, сразу глядит на меня, взрослого, моим пионерским взглядом, не давая ошибиться, не позволяя забывать неповторимую страничку собственной жизни.

Задумывали, готовили мы сейчас книги к пионерскому юбилею. Хотелось их сделать интересными и праздничными. И в наши взрослые разговоры вплетался все тот же голос, который годы оставили таким же искренним и чистым...

Почему люди

Н. КРЫМОВА

Однажды молодой Белинский, рассуждая о судьбах русской литературы, ее настоящем и будущем (статья так и называлась — «Литературные мечтания»), вдруг прервал ход своих размышлений неожиданным вопросом: «Любите ли вы театр так, как я люблю его, т. е. всеми силами души вашей, со всем энтузиазмом, со всем исступлением, к которому только способна пылкая молодость, жадная и страстная до впечатлений изящного?»

Вопрос на первый взгляд не имел отношения к литературе, но возник в тот момент, когда Белинский, подойдя к имени Грибоедова, выразил уверенность, что Грибоедов «был назначен быть творцом русской комедии, творцом русского театра».

Вот тут-то перо критика и замерло, остановилось. Отвлекшись на минуту, Белинский будто дал себя подхватить какой-то неведомой силе, страсти, таившейся до поры до времени. И вот эта страсть вырвалась потоком новых вопросов: «Можете ли вы не любить театр больше всего на свете, кроме блага и истины?.. Не есть ли он исключительно самовластный властелин наших чувств?.. Возможно ли описать все очарования театра, всю его магическую силу над душою человеческою?»

Поток этих вопросов был нескончаем, пока не завершился таким предельно возвышенным восклицанием: «О, ступайте, ступайте в театр, живите и умрите в нем, если можете!»

Прошло полтора века. Неузнаваемо изменилась жизнь.

Сегодня мы не выражаем своих чувств с таким пафосом, как когда-то Белинский. У нас даже может вызвать снисходительную улыбку такой возвышенный стиль его статьи. Мы стали гораздо сдержаннее и строже в словах.

Но вот странное дело. В который раз перечитывая статью Белинского, я ловлю себя на том, что, подходя к его восклицаниям по поводу театра, я начинаю волноваться вместе с ним. Наверное, все-таки дело не в словах, а в том, что люди разных эпох испытывают по отношению к театру сходные чувства. Белинский, с трудом достав билет на «Гамлета» с участием Мочалова, признался, что ощущает себя счастливым обладателем богатства, заранее волновался, усаживаясь в пятом ряду партера и предвкушая удовольствие в седьмой (!) раз увидеть игру великого артиста, наконец-то вблизи, на расстоянии нескольких метров!

И мы сегодня, отправляясь в театр, куда совсем непросто достать билет, радуемся, ждем какого-то особенного удовольствия.

Мы ходим в театр, потому что театр — это праздник. Это ожидание праздника. Это наше участие в каком-то событии, которое людям, как подарок, дарит искусство.

Мы всегда помним момент, когда получили в подарок нечто такое, о чем мечтали. Я, например, на всю жизнь запомнила, как мне подарили первую «самописку» — так тогда называлась авторучка. В школе всем было велено писать одинаковыми перьями (№ 86 — хорошо помню), так что «самописка» была недоступной и недозволенной, отчего казалась еще прекраснее и желаннее. И вот мне ее подарили. Она была бледно-розовая, с мраморными прожилками, «золотым» пером и двумя такими же «золотыми» колечками. Я тут же положила сокровище в карман пальто и бросилась во двор, чтобы там все увидели, чем я владею. А через несколько часов, возвращаясь домой, почувствовала, что в кармане ничего нет... Разве забудешь, как мы искали эту «самописку» в сумерках по всему двору, и там, где играли в мяч, и там, где всегда сидели, у пожарной лестницы. И как утром опять все бросились на поиски. Но мое сокровище пропало, будто его и не было.

Но то, что мне однажды в день рождения подарили вместе со спектаклем «Синяя птица»,— это уже нигде никак нельзя было потерять. Это навсегда осталось со мной, хотя было давным-давно.

Мне тогда сразу подарили и «Синюю птицу» и Художественный театр. Потом годы все спутали в

Ходят в театр?

Рисунки Д. БАРАБАША.

клубок смутных, счастливых «довоенных» воспоминаний: Тильтиль и Митиль с большой клеткой в руках — и запах мандаринов, которые покупались в антракте; летающие в темноте призраки — и мягкая кожа удобного кресла в зрительном зале; дворец Ночи, чайка на занавесе — и магазин детской книги в подвальчике на улице Горького, куда зашли и накупили книжек... Это была моя, моих ровесников «Синяя птица», которая, казалось, исчезла с войной и потом уже не возвращалась.

Прошли годы, и вот я иду на тот же спектакль с семилетним сыном. Как хорошо, что в Художественном театре все еще идет «Синяя птица» и можно прийти сюда, открыть дверь с тяжелым медным кольцом, пропустить впереди себя сына и знать, что он сейчас получит свою долю поэзии и чудес.

...Сейчас Мать притушит лампу, и в темноте будут еще видны две кроватки, потом лампа вдруг оторвется от стола, неверными движениями полетит вверх, к потолку, а мальчик подымет голову с подушки и спросит: «Митиль, ты спишь?» Потом большие белые тарелки покинут свою полку и затанцуют в воздухе. Мальчик и девочка влезут на стол, стоя на коленях, они будут рассматривать елку в богатом доме напротив, а издалека будет доноситься музыка, очень веселая и одновременно очень грустная — может быть, потому, что такой всегда кажется музыка из «дома напротив»...

Потом в комнате появится Соседка и скажет, что у нее больна внучка. «А чем больна ваша внучка?» Зрительный зал стихает, потому что в волшебную ночь на самый простой вопрос можно получить самый удивительный ответ. «Наверное, никто не знает. Ей захотелось счастья». По залу проносится легкий шум: и правда, какой странной болезнью заболела Соседкина внучка! Между тем Соседка оказалась феей, теперь предстоит трудное путешествие за Синей птицей, приносящей счастье,— дети уже одеваются в дорогу. А потом вступают в свои права чудеса театра: нам показывают «страну воспоминаний», залитую таким призрачным светом, какой бывает ранним утром, еще до восхода солнца, а во дворце Ночи мальчик откроет гигантскую дверь в сад, где летает множество синих птиц, и одна из них будет поймана... От той музыки, которая звучит в финале, хочется и смеяться, и плакать: ведь Тильтиль не знает того, что известно зрителям: настоящую Синюю птицу дети не поймали, не заметили ее в лунном луче...

Непонятно, на каких инструментах играют и откуда звучит музыка. Непонятно, откуда такой свет в «стране воспоминаний», и почему сжимается что-то в горле, когда в этой стране из-за длинного стола появляются шесть детских макушек («А братья и сестры у вас есть?» — спрашивала Фея. «Два маленьких брата и четыре маленьких сестрицы, они у нас умерли»,— отвечали Тильтиль и Митиль). Веселое, грустное, волшебное и правдивое сливаются вместе так, что одно не отделить от другого.

Нам могли рассказать сказку, мы могли прочитать ее в книжке. Но в театре нам ее *показали* — к словам прибавилось еще многое другое: свет, музыка, живые люди, настоящие чудеса. Простая сказка оказалась *зрелищем,* полным глубокого смысла и поэтической прелести. Все это вместе и уносишь с собой из театра как драгоценный подарок.

Между тем Станиславский поставил «Синюю птицу» давным-давно — в 1908 году! В моем детстве роль девочки Митиль еще играла актриса, с которой репетировал сам Станиславский. В этом спектакле сменили друг друга несколько актерских поколений. Уходили со сцены старые актеры и бережно передавали молодым то, что когда-то сами слышали от постановщика, а молодые старались ничего не нарушить в сложном и прекрасном режиссерском рисунке.

Спектакли, как люди, стареют и сходят со сцены — это обычное в театре явление. Но «Синяя птица», поставленная в начале века, сохранилась до наших дней. Вот, оказывается, какой долгой может быть жизнь спектакля, если в нем существу-

ет подлинное искусство режиссера, однажды задумавшего это представление «с чистотой фантазии десятилетнего ребенка», но так, чтобы его с интересом смотрели и взрослые и дети.

Станиславский осуществил это потому, что никогда не забывал собственного детства, своих детских игр и фантазий. И еще он никогда не лгал, не притворялся, был, может быть, самым правдивым и искренним человеком в нашем театре. И притом (вот оно — чудо театра!) именно Станиславский, не умевший притворяться, как никто, умел преображаться на сцене, то есть становиться абсолютно неузнаваемым, другим с головы до ног, внешне и внутренне. Он умел быть на сцене каким угодно — старым и молодым, умным и буквально «выжившим из ума», а в следующем спектакле снова — самым благородным и мудрым. Те, кто видел Станиславского на сцене, на всю жизнь запомнили, какой он представлял человеческую глупость или, напротив, как великолепно умны были некоторые его герои.

Видимо, мы ходим в театр и ради этой удивительной способности одного человека преображаться в другого. То есть «играть» другого...

Человек, пришедший в театр, вольно или невольно, но встречается с собственным детством. Разумеется, он может этого не понять, об этом совсем не задуматься, тем более если на сцене идет вполне взрослый, очень серьезный спектакль. И все же именно там, на самом серьезном спектакле, театр заставит самого взрослого человека оглянуться назад и внутренне помолодеть, потому что любой хороший театр построен на **игре.** И еще — на вере.

Вспомним свои детские игры. Почему-то мы верим, что Буратино — это живой человечек, хотя и из дерева, верим, что Винни-Пух — тоже какое-то живое и симпатичное существо. Верим мы и в то, что если сами наденем костюм ковбоя или Снегурочки, то до некоторой степени превратимся в ковбоя или Снегурочку, сможем нечаянно «растаять» или ринуться в какие-нибудь лихие приключения.

На подобной вере многое держится в театре. В огромной степени театр есть не что иное, как игра, иллюзия, а в каком-то смысле даже — страшно произнести — обман. «Нас возвышающий обман»,— сказал про это поэт и противопоставил этому замечательному обману «тьму низких истин», то есть скуку прописных «житейских истин», лишенных высокой поэзии и глубокого смысла.

Есть разница между обманом в жизни и высоким «обманом» искусства, благодаря которому не только актер, но и зритель в зале переживает еще одну, добавочную жизнь — иногда не одну, а несколько и даже множество. И потому в игре актера все должно быть естественно и правдиво. Не случайно легендой стало знаменитое «не верю!», которое нередко произносил Станиславский, когда сидел на репетиции. Он ждал от актеров правды чувств и правды полного перевоплощения — в такой правде нет ни капли фальши, а в зрительном зале она вызывает веру и восхищение.

Я люблю театр еще и за то, что там иногда (далеко не всегда) есть возможность увидеть нечто такое, про что совсем нельзя понять, «как это сделано». У маленького ребенка, бывает, интерес вызывает не столько сама игрушка, сколько то, как она сделана, что у нее внутри, какие винтики, какой секрет. И вот уже все винтики разбросаны, валяются на полу, и все более или менее понятно, а интерес потерян и игрушки будто и не было.

Когда на сцену выходит талантливый артист и по-настоящему увлекает нас своим искусством, мысль о том, «как это сделано», просто не приходит в голову. Мы волнуемся, верим, переживаем, плачем или смеемся. Собственно, ради этих слез и этого смеха мы и ходим в театр! Нам почему-то мало собственных переживаний — мы хотим к ним что-то еще прибавить: иногда для того, чтобы отвлечься, иногда, чтобы развлечься, иногда — чтобы подумать и понять. Разные люди любят в театре разное: одни любят комедии и смех, другие — серьезные драмы. Это естественно, потому что одинаково устроенных людей нет, как нет и одинаковых вкусов. Но при том мне еще не приходилось видеть человека, который бы ходил на плохие спектакли. Нет, в каждом из нас, в различной мере развитое, живет *чувство правды.* Можно добавить: чувство *художественной правды,* но тогда уже речь пойдет о более тонкой способности что-то переживать и от чего-то получать удовольствие.

Вот еще один вечный секрет театра: в жизни мы узнаем о чьем-то горе, и это тяжело отзывается в нас самих, а в театре, даже сочувствуя чужому горю и плача вместе с актером, мы одновременно и подсознательно получаем радость — от игры, от искусства. От встречи с прекрасным и от того, что совсем непонятно, «как это сделано». И как бы ни

затрачивал себя артист в самой драматической роли, он тем больше будет выглядеть мастером, чем легче будет его игра. Заметьте, все самое прекрасное в искусстве кажется легким, то есть предельно естественным, само собой разумеющимся.

Бывают люди (и маленькие и взрослые), которые не умеют удивляться. Иногда таким способом они попросту скрывают собственное незнание — им стыдно его обнаружить. А иногда, кажется, что они устали, перегруженные разнообразными сведениями. Чем бы вы ни хотели их удивить или обрадовать, у них на все один ответ: «Ну и что!»

С такими людьми трудно спорить, с ними даже разговаривать неинтересно, но мне их почему-то всегда жалко. Они сами себя лишают огромной радости — радости *узнавания*. Такие люди — плохие зрители, и театр, как правило, они не любят: театр открывает себя тому, кто умеет удивляться, кто ценит в жизни чудесное и радуется таинственному. Между прочим, гениальный физик XX века Альберт Эйнштейн говорил, что ощущение таинственного — одно из самых сильных чувств, данных человеку от природы, и один из самых сильных двигателей прогресса.

А театр полон тайн, и даже самые великие его деятели, посвятившие жизнь изучению законов искусства, открыватели и новаторы, работали в театре, ощущая его таинственный, во многом загадочный характер. Станиславский, например, до глубокой старости разгадывавший тайны актерского творчества ради того, чтобы научить актеров сознательно ими пользоваться, на склоне лет признался, что далеко не все понял в той профессии, которой посвятил всю жизнь. Он очень многое открыл и разгадал, написал книги, которые стали учебным пособием для актеров всего мира, основал лучший в мире театр, воспитал несколько поколений актеров-мастеров — и все же ничуть не стыдился в себе того «незнания», которое оставляет другим еще широкое поле деятельности, простор для вопросов, поисков и находок.

Говорят, что искусство театра учит человека быть добрее, справедливее, умнее. Все это так. Но ведь мы специально не ходим в театр, чтобы там учиться! Мы идем в театр получать удовольствие.

Но дело в том, что это удовольствие нам могут доставить только те люди, которые влюблены в свою профессию и привязаны к театру так, как мы к своему дому. Театр изнутри всегда держится особой любовью человека к своему делу, даже просто к помещению, где он работает.

«Я люблю этот серьезный, немного мрачный и задумчивый зал с его темной дубовой мебелью и такими же парапетами лож. Тусклое освещение идет к нему как сумерки к нашей северной природе...» Это слова Станиславского, основателя МХАТа, его лучшего актера, его главного режиссера. На спектакли Московского Художественного когда-то люди специально приезжали из самых глухих углов России — не просто в Москву, а непременно в Художественный театр, чтобы увидеть «Дядю Ваню» Чехова, «На дне» Горького или ту же «Синюю птицу». Станиславский вспоминал, как однажды он вышел из театра поздно ночью и вдруг увидел, что по всему Камергерскому переулку (сейчас он называется проезд Художественного театра) горят костры: люди, заняв очередь за билетами, готовы были провести на морозе целую ночь... И Станиславский подумал о том, какая же ответственность лежит на театре, если к нему относятся с такой верой и надеждой!

Я знаю, что и сегодня в наших театрах немало актеров и режиссеров, которые относятся к своему делу с такой же ответственностью, можно сказать, относятся *свято*. Каким бы устаревшим ни показалось это слово, я употребляю именно его, потому что знаю этих людей и знаю, что именно *святым* может быть отношение к театру и к своей профессии у больших художников. У человека должно быть нечто *святое*, то есть возвышенное, за душой. Театр в своих лучших образцах хранит именно это чувство — продлевает его долгой жизнью прекрасного спектакля, моментами актерского вдохновения, нашим живым волнением от всего этого.

Плохой театр может обеднить человека, то есть доставить ему не удовольствие, а разочарование и даже обмануть, выдав подделку за нечто подлинное.

Отличать плохое от хорошего в театре так же необходимо, как в жизни. И точно так же, как в жизни, это в театре дается только опытом, сравнением.

Я люблю театр, который, не обманывая, доставляет нам радость, и знаю, что только таким образом он делает человека и умнее, и добрее, и богаче.

Вот и получается: чтобы ответить на вопрос, почему люди ходят в театр, нужно коснуться самых простых, но самых важных основ искусства...

НА НАУЧНОЙ ВОЛНЕ

Раздел ведет В. НИКИТИНА.

Рисунки Н. ДОБРОХОТОВОЙ.

ТАЙНЫ РАСКРЫТЫЕ И НЕРАСКРЫТЫЕ

НА ОПЕРАЦИОННОМ СТОЛЕ — МОЛЕКУЛА

Заболел человек гриппом, врачи лечат его новым лекарством — белком интерфероном. Белком инсулином лечат сахарную болезнь диабет. Белки глобулины помогают организму бороться с болезнетворными микробами.

Где же берут эти белки-лекарства? Интерферон добывают из крови людей-доноров. Инсулин получают из внутренних органов свиней и коров... И всегда при этом одна и та же трудность: нужного лекарства получается мало.

Вот если бы научить простые организмы, например, дрожжи или неболезнетворные бактерии, производить нужные нам белки! Ведь свои-то белки, дрожжевые или бактериальные, они умеют делать. Так почему бы не нацелить их на выработку «человеческих»? Это было бы прекрасным решением проблемы, так как бактерии очень неприхотливы, разводить их нетрудно, а уж размножаются они с фантастической скоростью.

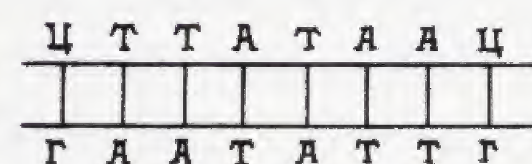
Но сначала ученым нужно было выяснить, как живая клетка делает свои белки. Оказалось, что для этого в клетке припасена специальная программа. Хранится эта программа в молекуле ДНК, и записана она своеобразными «буквами» — химическими соединениями.

Тот, кто читал январский номер «Пионера» за этот год, помнит, наверное, что букв этих четыре — аденин А, гуанин Г, цитозин Ц и тимин Т. Текст, который образуют эти буквы, содержит инструкции о производстве белков. В молекуле ДНК записано очень много таких приказов. Каждому белку соответствует своя инструкция, или, как говорят ученые, свой ген. Следовательно, ген — это одно слово ДНК, записанное буквами А, Г, Ц, Т.

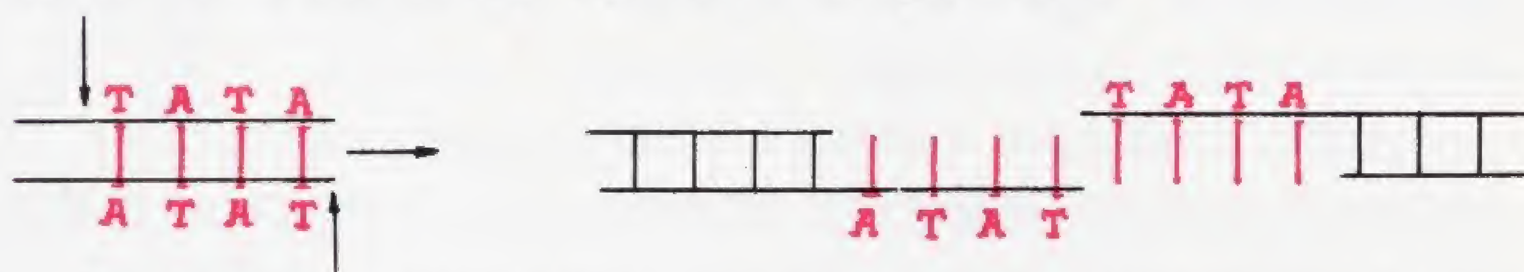
Когда это стало известно, появилась надежда, что удастся вносить поправки в текст ДНК. Почему бы, например, не ввести в этот текст инструкцию о выработке непривычного клетке, чужого белка, например, человеческого?

Казалось бы, все просто: стоит вставить в молекулу ДНК чужой ген, как клетка примется исполнять дополнительный приказ и изготовит по этому гену чужой для нее белок. Будет работать, так сказать, сверх обычной программы. Идея-то простая, но легко сказать — сделать трудно. Прежде всего среди тысяч и тысяч разных генов следует отыскать именно тот ген, который необходимо пересаживать. Это очень непросто, но и этому в конце концов научились. Затем ген нужно вырезать из молекулы. Для этой ювелирной работы потребовалось отыскать специальные молекулярные ножницы — ферменты, называемые рестриктазами.

Как режет рестриктаза? А вот как. Буквы в молекуле ДНК выстроены не в одну, а в две строчки, обе строчки держатся друг за друга: А всегда за Т, а Г всегда за Ц. Поэтому молекула ДНК выглядит как набор мостиков:

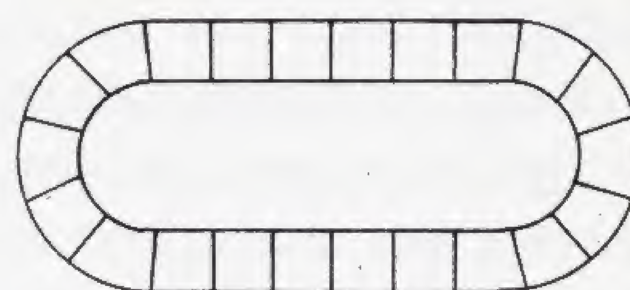

Рестриктаза узнает определенное сочетание букв в этом тексте, например ТАТА, и разрезает каждую цепь только там, где оно встречается:

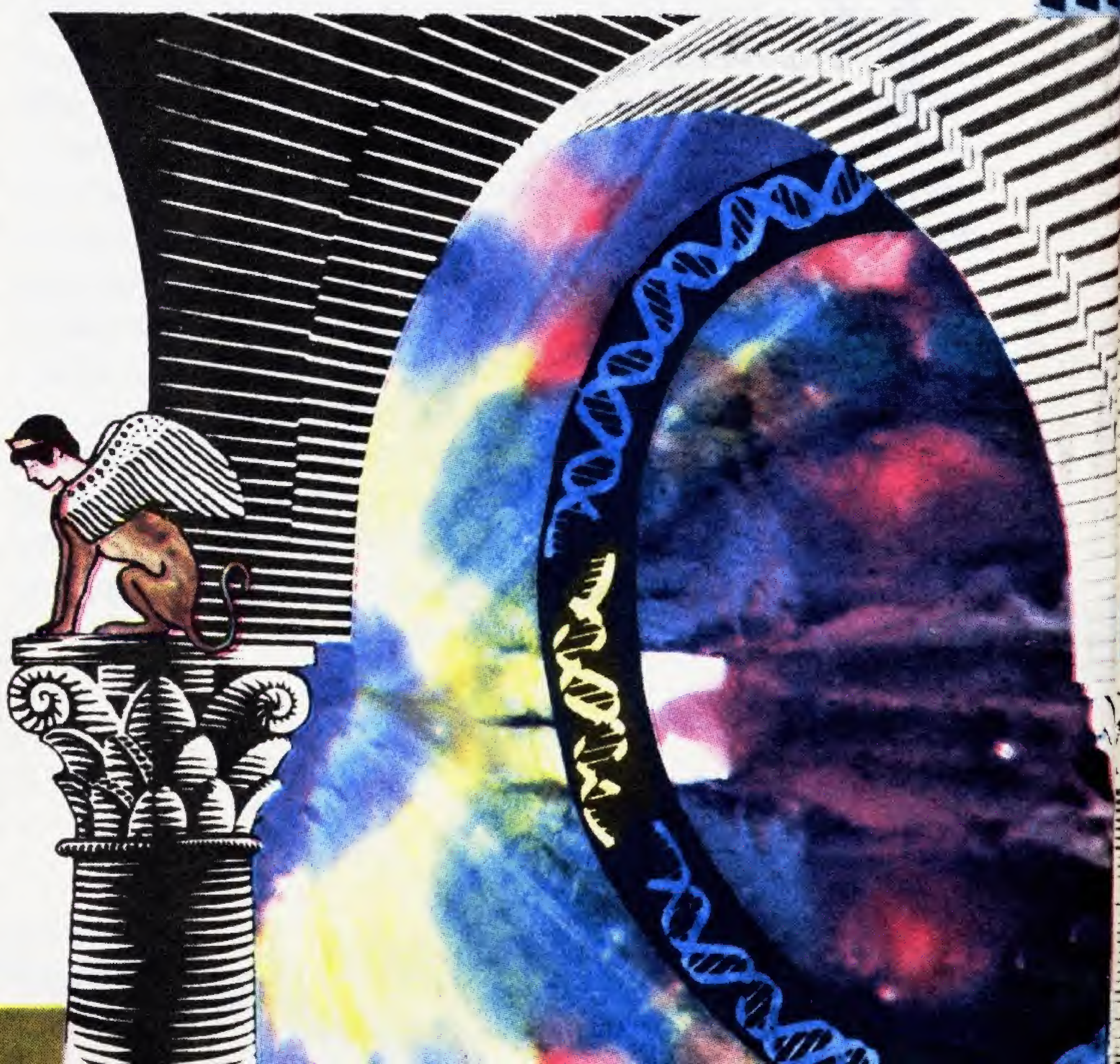

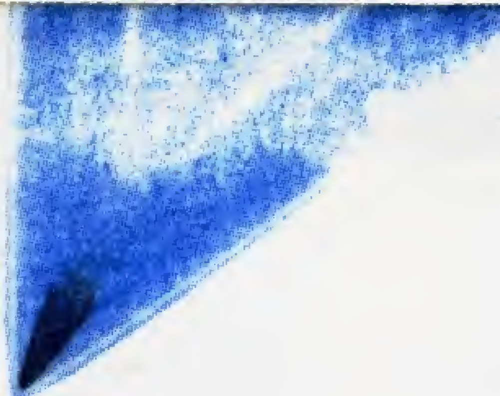
Длинная молекула оказывается порезанной на кусочки. Среди этих кусков отыскивают тот, который содержит нужный ген, и отделяют его от остальных. Теперь предстоит вставить это «слово» в чужую программу.

Удобнее всего это проделать на маленькой молекуле ДНК, которая встречается в бактериях. Такая молекула называется плазмидой. Плазмида замкнута в колечко и тоже состоит из двух строчек:

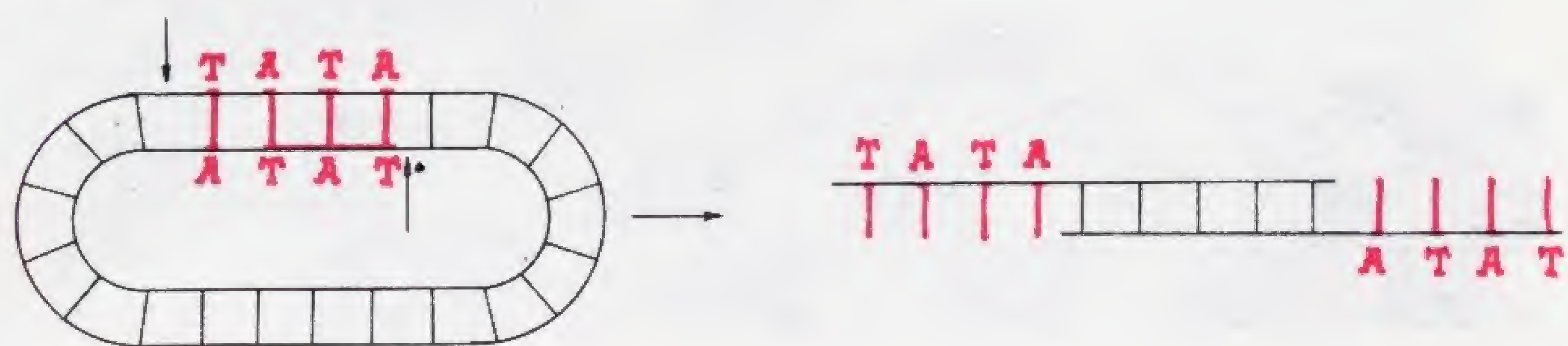

Чтобы вклеить в нее новый ген, колечко надо сначала разрезать. Тут уж идут в ход знакомые нам ножницы-рестриктазы. Если в плазмиде есть то же

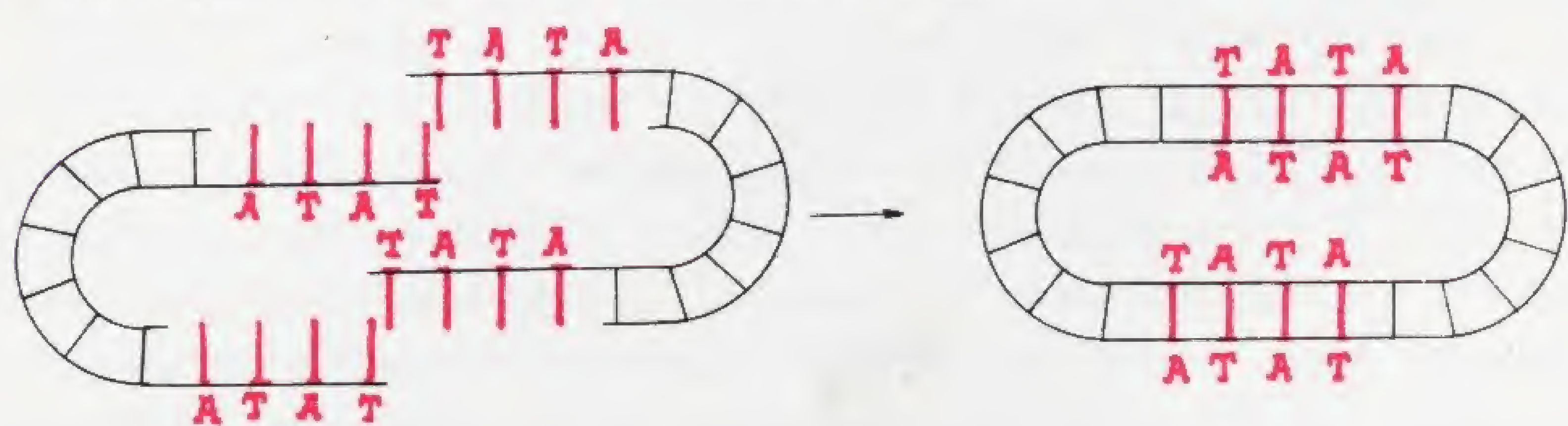

сочетание букв ТАТА, то ножницы найдут его и раскусят строчки в этом месте. Колечко развернется, а на концах останутся короткие одиночные нити:

Эти концы называют липкими, потому что они готовы немедленно слипнуться с подходящими к ним сочетаниями букв. Если к такой разрезанной плазмиде подвести вырезанный заранее ген, то концы гена соединятся с концами разрезанной молекулы, буква А встанет против буквы Т:

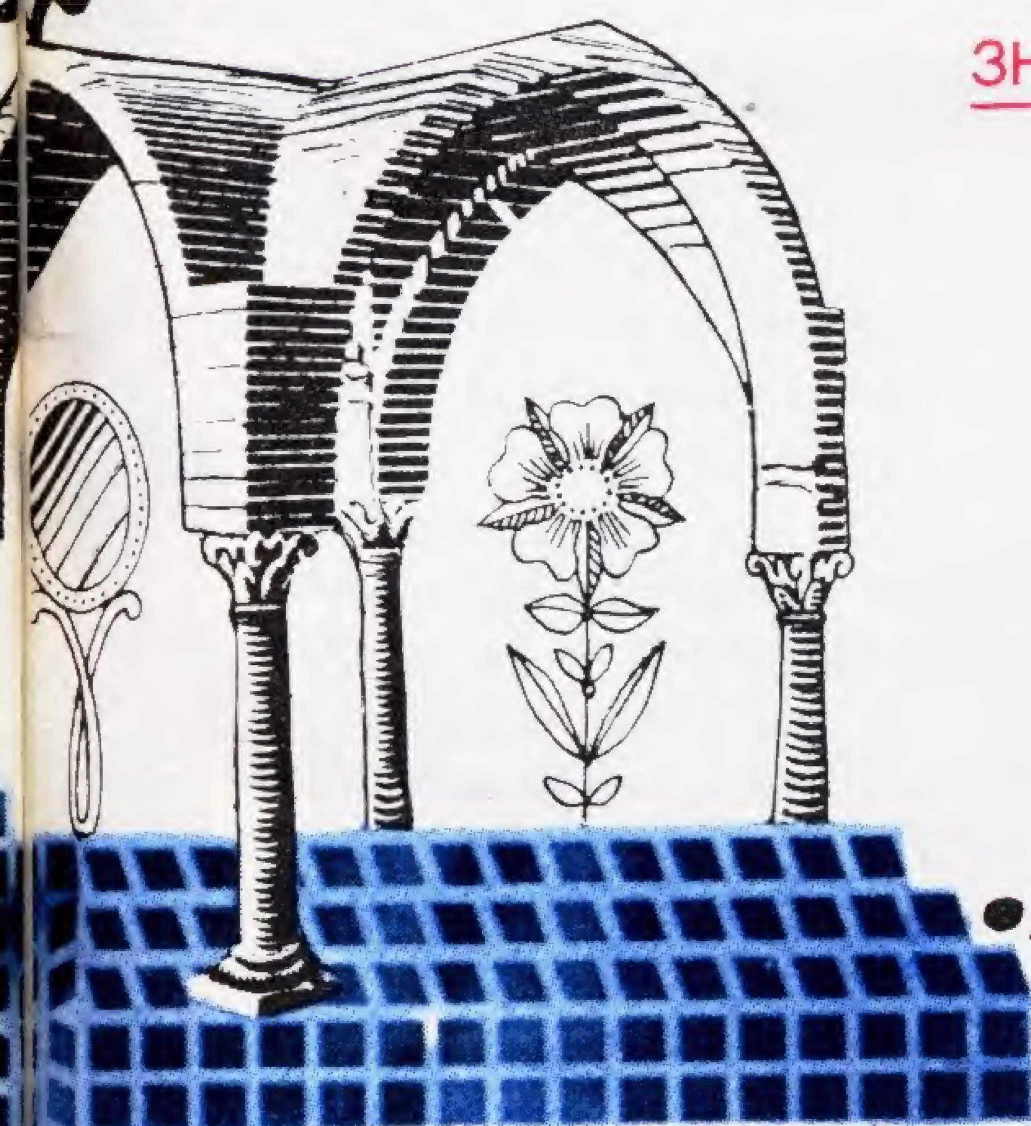

Вставка гена замкнет плазмиду опять в кольцо. Теперь остается только закрепить встроенный ген, то есть проделать операцию зашивания. Для этой роли есть свой исполнитель — белок, называемый лигазой, от латинского слова «лига», то есть союз.

Ну, а уж дальнейшие действия кажутся совсем простыми. Обновленные плазмиды возвращают в бактерии, которые не замечают подвоха и начинают трудиться по усложненной программе. Вместе с теми веществами, которые они обычно вырабатывают, бактерии, повинуясь новым инструкциям, производят человеческий инсулин, человеческий интерферон, кормовые белки, гормоны... Возникают колонии бактерий, как бы овладевших новыми профессиями. И трудятся они на совесть. Мы уже говорили, как быстро бактерии размножаются, каждые полчаса их становится вдвое больше. Нужно только успевать вовремя подливать в баки, где они растут, питательные вещества, регулярно выбирать из баков новые и новые порции биомассы, выделять из них нужные белки да очищать их... Это ученые уже умеют.

Заводы, где микроорганизмы будут производить нужные людям белки, проектируются и строятся. Ведь главные научные проблемы уже решены биологами, которых не зря теперь называют генными инженерами.

В. ИВАНОВ,
доктор физико-математических наук;
В. ЧЕРНИКОВА.

ЗНАЕШЬ?

Создано зеркало, отражающее рентгеновские лучи.

* * *

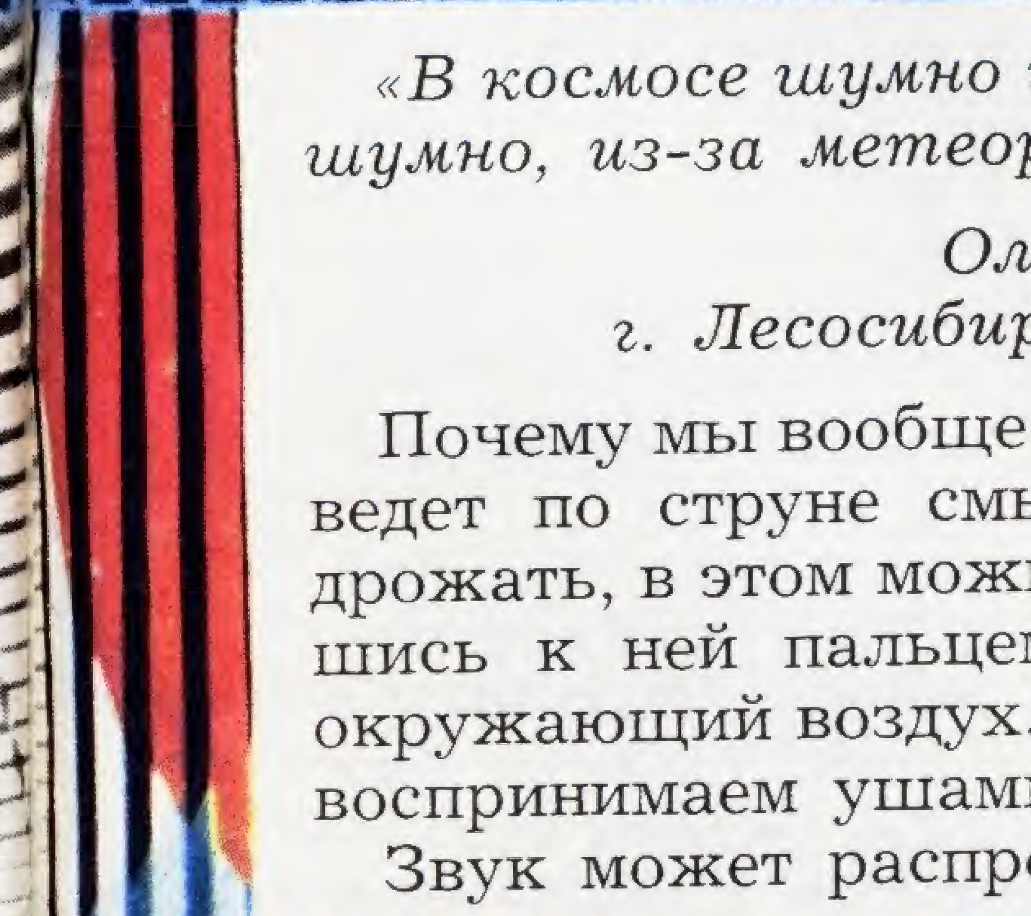
Найден ископаемый цветок, возраст которого равен 80 миллионам лет.

* * *

Наилучшей защитой от солнечных лучей служит естественный загар.

* * *

Получено вещество, понижающее прочность льда на 80 процентов.

ЗАЧЕМ И ПОЧЕМУ?

Что слышно в космосе?

«В космосе шумно или тихо? Я думаю, что шумно, из-за метеоритов».

Оля ЕРОХИНА, 6-й класс,
г. Лесосибирск, Красноярский край.

Почему мы вообще слышим? Когда скрипач ведет по струне смычком, струна начинает дрожать, в этом можно убедиться, прикоснувшись к ней пальцем. От струны дрожит и окружающий воздух. А дрожание воздуха мы воспринимаем ушами как звук.

Звук может распространяться не только в воздухе, но и, например, в воде. Если тебе доводилось нырять в море, ты слышала, наверное, как перекатывается галька в полосе прибоя. Прекрасно распространяется звук в металле. Приложив ухо к рельсу, можно за много километров услышать перестук колес приближающегося поезда.

Но звук не может распространяться там, где нечему дрожать,— в космической пустоте. Поэтому шума метеориты в космосе не производят, там всегда царит абсолютная тишина.

М. ЛАРИН

КАК ПРОВОЖАЮТ ГАЗОВОЗЫ

Причал как причал: гладкий асфальт, пересеченный рельсами для подъемных кранов, у края — массивные железные тумбы для швартовки... А сразу за ними, там, где должны открываться морские дали, на много этажей вверх поднимается белоснежный борт судна. Если как следует задрать голову, на борту можно прочитать надпись: «Ленсовет. Одесса». Все, как и должно быть на причале, кроме одного: уж слишком тут пусто и чисто. Не громоздятся обычные горы мешков и ящиков, не шныряют среди них автопогрузчики, застыли в неподвижности портальные краны.

А между тем погрузка идет, она в разгаре. Только грузят здесь не всякую всячину, которую моряки называют «генеральными грузами», а всего лишь один-единственный продукт — для него специально и выстроен этот причал, третий причал нового порта Южный, неподалеку от города Одессы. Груз этот — аммиак.

В энциклопедии написано: «Аммиак — газ с резким удушливым запахом». Запах действительно не очень приятный — он знаком всякому, кто когда-нибудь нюхал нашатырный спирт, потому что нашатырный спирт и есть слабый раствор аммиака в воде. Но это не главное применение аммиака. Он идет на производство азотной кислоты, многих синтетических материалов, а прежде всего — азотных удобрений.

Производится аммиак в нашей стране миллионами тонн.

Часть этой продукции идет на экспорт: удобрения нужны всем, они пользуются спросом во всем мире. Перевозят аммиак чаще всего морем, в специально приспособленных для него танкерах-аммиаковозах, или, проще, газовозах.

Но транспортировка аммиака — дело далеко не простое. Прежде всего его нужно еще доставить в порт. Аммиак поступает с заводов, разбросанных чуть ли не по всей европейской части страны. Самый большой такой завод выстроен недавно в приволжском городе Тольятти — том самом, где делают «Жигули». Оттуда аммиак поступает в Одессу по трубам: почти одновременно с заводом и портом был специально для этого построен аммиакопровод длиной больше двух тысяч километров, один из крупнейших в мире. Аммиак качают по нему в жидком виде, а для этого перед отправкой сжижают под высоким давлением.

И вот жидкий аммиак под давлением 15 атмосфер пришел в порт. Но суда-аммиаковозы приходят сюда не каждый день, а аммиакопровод работает непрерыв-

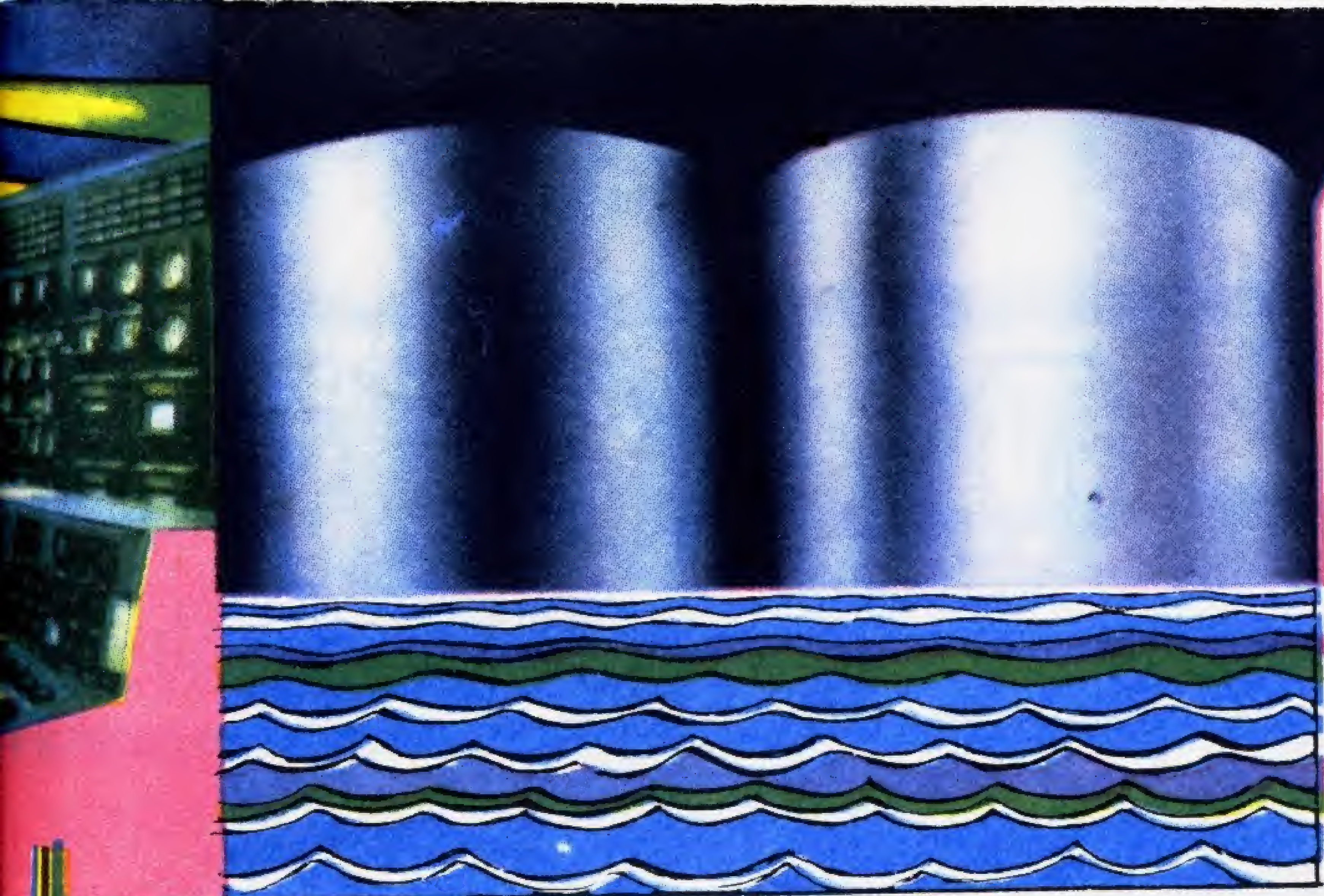
Оправдание Тартарена

Многим из вас знакомо имя легендарного фантазера и путаника Тартарена, героя знаменитой книги французского писателя А. Доде. Над Тартареном принято смеяться, а я придумал теорию, по которой выходит, что он не виноват — ведь лгал Тартарен не для корысти, а просто потому, что путал события и обладал чересчур буйной фантазией. Вот таких людей моя теория и оправдывает, а не злостных лгунишек, которые врут сознательно, чтобы урвать себе незаслуженную награду или, наоборот, увильнуть от справедливого наказания. Теория связана с последними открытиями, сделанными при изучении... счетных машин.

Об электронных счетных машинах в наши дни знает любой первоклассник. Они-де и считают со страшной быстротой, они-де никогда не ошибаются, а со временем, мол, умнее самого человека станут. Ну, насчет последнего пока спорить рано. Машины, конечно, замечательные, но до нас им еще далеко. А вот непогрешимость ЭВМ (так они называются сокращенно) нет-нет да и ставится под сомнение. Было уже несколько случаев, когда в самые ответственные моменты лучшие машины несли такую чушь, что люди за головы хватались. Причину ошибок удалось найти лишь в последние годы, виновниками их оказались космические лучи, прилетающие к нам с Солнца. Лучи эти состоят из частиц размером с атом, а то и меньше, но энергию каждая такая частица несет огромную. Большинство частиц, к счастью для нас, задерживает воздух, но если какая-то частица все же прорвется сквозь атмосферу и проникнет в ЭВМ, то она может изменить электрический заряд одного из бесчисленных элементов, хранящих заложенную в машину информацию. Информация в машинной памяти искажается, и ЭВМ может «соврать» в самый неподходящий момент.

Чем совершеннее машина, тем меньше она занимает места, тем меньше становится и каждый элемент памяти. Уже сейчас многие тысячи элементов умещаются в одном крошечном кристаллике — так называемой интегральной схеме. А чем элемент меньше, тем легче проникшей в машину частице его испортить. Пишут, что со временем элементы дойдут до размера молекул — точнее, молекулы научатся испол-

рывно. Значит, нужно сколько-то времени аммиак хранить.

Для этого в порту построены четыре хранилища — этакие огромные, приземистые бочки на 30 тысяч тонн каждая.

Тут возникает новая трудность. И хранить, и возить аммиак при высоком давлении сложно, дорого да и опасно — очень прочными нужно сделать и береговые хранилища, и судовые емкости — танки. Если же превращать его опять в газ, то он займет во много раз больше места — тоже невыгодно. Помогает холод. При температуре минус 33,4°С аммиак даже при обычном атмосферном давлении останется жидким. В таком замороженном виде и хранят его в порту. А чтобы под жарким южным солнцем он не испарялся, хранилища снабжены надежной теплоизоляцией. Шесть слоев фольги из специального алюминиевого сплава, разделенные воздушными промежутками, прекрасно удерживают холод внутри: если пощупать рукой наружную стенку хранилища, трудно поверить, что там, за стенкой, мороз, как в Арктике.

Но вот к причалу пришвартовался газовоз — пора начинать погрузку. Тут приходится снова вспомнить энциклопедию, где статья об аммиаке заканчивается лаконичным предостережением: «Взрывоопасен. Ядовит». Вот почему на газовоз постоянно нацелены мощные пожарные стволы, похожие на противотанковые пушки, а причал огорожен высоким забором, и на нем огромная предостерегающая надпись: «Во время погрузки находиться на причале строго воспрещается».

После того как стоящие на причале специальные погрузочные устройства — стендеры будут наглухо соединены с танками газовоза, все дальнейшее делается автоматически. Сильные насосы гонят жидкий аммиак в танки, по две тысячи тонн в час, а обслуживают погрузку всего четыре человека, да и те вместо того, чтобы крутить вентили и возиться с заглушками, только нажимают кнопки на пульте. И в самый разгар погрузки сколько ни нюхай — не почувствуешь на причале того «резкого, удушливого запаха», по которому так легко узнать аммиак.

— Неужели у вас тут никогда аммиаком не пахнет? — спросил я, и мне ответили даже с некоторым недоумением:

— Никогда не пахнет. Зачем же нужно, чтобы пахло? Если запахнет, значит, где-то утечка, а у нас не должно быть утечек.

Да, провожают газовозы совсем не так, как все другие, обыкновенные суда...

А. ИОРДАНСКИЙ

нять работу элементов памяти. Тогда вероятность повреждения таких элементов, а значит, и появление машинного «вранья» возрастет в опасной степени.

Вы спросите, при чем тут Тартарен? А вот при чем. Ведь наш мозг — это и есть счетная машина, работающая на элементах-молекулах. Тартарен, как вы помните, был жителем Тараскона, городка на юге Франции — подчеркиваю, на юге, там, где солнечная радиация особенно сильна. Так, может, оттого и прославился знаменитый враль, что доставались ему особенно мощные дозы космических лучей?..

Ну, насчет Тартарена это, конечно, предположение, которое еще надо доказать. А вот защита электронных машин от новой, только что открытой опасности — дело серьезное и срочное. Ведь с каждым годом все больше вычислительных машин попадает на борту спутников и кораблей в космическое пространство — туда, где атмосферного «экрана» нет. А в годы наибольшей солнечной активности (каждый одиннадцатый год) опасность ошибок возрастает дополнительно.

В. ИНОХОДЦЕВ

А ТЕПЕРЬ ПОСЧИТАЙТЕ САМИ

Сколько атомов на кончике иглы?

Средневековые монахи ломали голову над вопросом, сколько ангелов можно разместить на кончике иглы. Эта проблема так и осталась нерешенной, потому что, сами понимаете, потеряла актуальность. А вот число атомов железа, расположенных на самом кончике острой иголки, посчитать можно. Конечно, приблизительно. Итак, условие задачи. Кончик стальной иглы имеет толщину 0,0001 см. (Будем считать, что конец иглы квадратный, а атом имеет форму кубика, на результат приблизительного расчета это не повлияет.) Сколько атомов лежит на его поверхности, если ребро атома — около одной стомиллионной доли (10^{-8}) сантиметра?

УМА ПАЛАТА

Ответственный дежурный Никита Разговоров. Рисунки А. Вовиковой.

Назовите номера

Капитан Перо ищет помощника

Прошу задуматься всерьез:
Задача непростая!
Был напряженный велокросс
Как раз в начале мая.

За поворотом поворот,
То спуск, то снова горка!
Но бодро вырвалась вперед
Упрямая шестерка!

Сначала шла она вот так,
Но к финишу, однако,
Переместился первый знак
И стал последним знаком.

Вы знать хотите номера
Всех гонщиков? Ну, что же,
Заняться делом нам пора:
Шестерку на три множим!

Примечание: найдите, какие цифры надо поставить вместо букв так, чтобы уравнение АБВГДЖ × 3 = БВГДЖА имело верное числовое значение. Такая замена позволит узнать номера всех шестерых спортсменов. В игре участвуют цифры: 1,2,4,5,7,8.

АБВГДЖ

БВГДЖА

Подсказка: динамовец — 5.

Представители спортивных обществ:

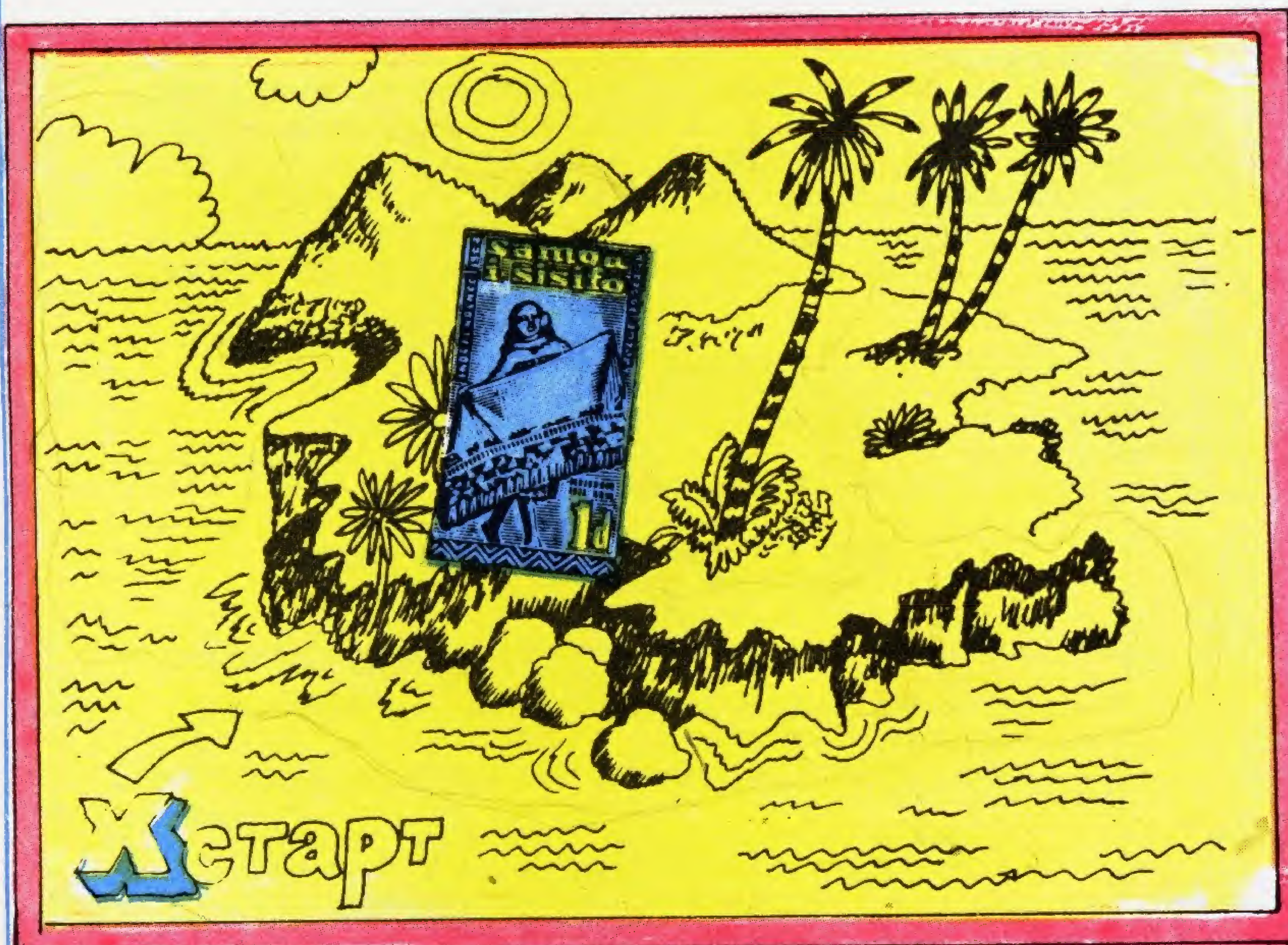
А «Алмаз»
Б «Буревестник»
В «Вымпел»
Г «Гранит»
Д «Динамо»
Ж «Жемчуг»

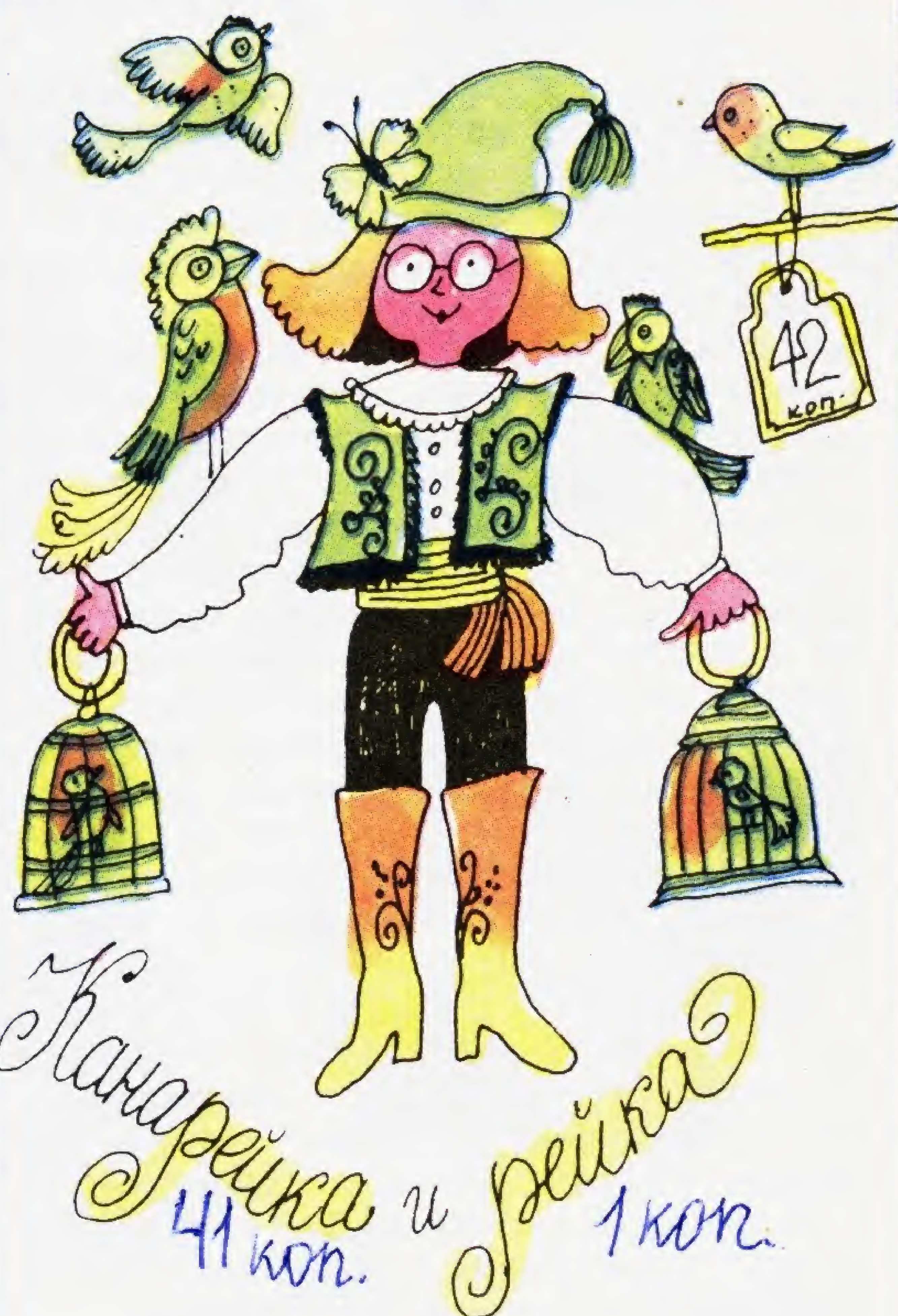

Преподнесите цветы!

На синей марке — танцовщица.
Преподнесите ей цветы!
При этом надо ухитриться
Ни разу ни одной черты
Не пересечь в пути нигде —
На суше, в небе и в воде!
Тебе дается пять минут,
В ответе опиши маршрут.

Примечание: начните от слова «старт».

Канареечка на рейке
Стоит сорок две копейки.
А сто́ит без рейки одна канарейка
На сорок копеек дороже, чем рейка.
Какая цена канарейки без рейки?
И рейки — подумайте — без канарейки?

(Даю вам, ребята, толковый совет:
Простым вычитаньем найдите ответ!)

Живживка

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ ИЗ № 4

ИГРЫ ДЕДА БУКВОЕДА

Вкусная задача. В игре участвуют: хлеб, лепешка, булка, макароны, оладьи, бублик, блин, пирог, коврижка, лапша.

Ход конем.

КАПИТАН ПЕРО ИЩЕТ ПОМОЩНИКА

На острове Мимогу. Пош — мимон, Пик — тили, Ив — мимитик.

ИГРЫ ЛУПЫ И ПИНЦЕТА

Древние монеты. На центральной монете головы животных повернуты в иные стороны, чем на остальных.

«Океан» у океана

В двадцати пяти километрах от Владивостока, на территории Шаморского заповедника, на берегу Уссурийского залива заканчивается строительство первой очереди Всесоюзного пионерского лагеря ЦК ВЛКСМ «Океан». Иногда его называют дальневосточным «Артеком».

И в самом деле, «Океан» во многом будет похож на своего старшего брата. И главное, у него будет такой же веселый, неугомонный пионерский характер.

Но как ни похожи братья, и возраст у них разный, и история. «Артек» начинался с полотняной палатки, «Океан» — с прекрасного проекта. Архитекторы, авторы этого проекта, живут в Ленинграде и работают в Ленинградском научно-исследовательском институте экспериментального проектирования. Главный архитектор проекта Игорь Борисович Мальков считает строительство «Океана» делом своей жизни. Несколько раз в год приезжает он сюда из Ленинграда, торопит строителей, спорит с ними, стараясь не допустить никаких отклонений от проекта: будь то облицовочная плитка или оконный витраж...

Было решено, что в лагере будет четыре дружины и для каждой из них построят отдельный городок. «Бригантина», «Парус», «Амфибия», «Галактика» — эти имена дружинам, так же как и самому лагерю, выбрали пионеры Приморья.

Выбрали не случайно. В «Галактике» будет находиться обсерватория, в «Амфибии» у юных океанологов — свой океанариум. А «Бригантина» и «Парус» — у самого-самого океана, в бухте Емар.

Если стать лицом к океану и посмотреть налево, сразу увидишь кита, огромного кита, который пьет океанскую воду. Это сопка. (И здесь младший брат «Океан» не захотел уступать старшему: «У тебя есть гора Медведь, а у меня — Кит».) Недалеко от нее и будет находиться «Парус». Пять спальных корпусов построят для этой дружины. Только состоять эти корпуса будут не из спален, а из «кубриков». У самого берега будет клуб моряков и пирс. У пирса разместится стоянка пионерского флота.

Территория лагеря — двести семьдесят пять гектаров, а две трети этой площади — лес. Амурский бархат, кедрач, элеутерококк, лимонник. Вот какой прекрасный, ни на какой другой не похожий лес предстоит охранять «Зеленому патрулю». Соседний зверосовхоз поможет ребятам организовать питомник по разведению норок и пятнистых оленей. А ухаживать за животными помогут пионеры Приморья. Они научат будущих хозяев «Океана» собирать вкусные орехи кедрача — шишковать — и гребешков ловить... Кстати, знаете, как ловят гребешков? Оказывается, очень легко. Идешь по пляжу, видишь, дырочка в песке, значит, там гребешок сидит. Раскопаешь — точно! Гребешок — это такая раковина из двух серебристых тарелочек, а внутри них сидит гребешок.

Расскажут еще много интересного: что летом хорошо ловится камбала и красноперка, а зимой — корюшка, что пеленгас — такая рыба, которая выпрыгивает из воды, что трепанги формой похожи на огурцы, только коричневые.

Самый занятый сейчас человек в лагере — Василий Николаевич Мануковский, начальник «Океана». Он руководит подготовкой первой очереди к открытию.

Первой примет юных хозяев «Бригантина». Уверена, им понравится подарок к дню рождения пионерской организации. «Артек» и «Орленок» примут в свою семью как равного брата — «Океан».

Т. КОТЕНЕВА

СОДЕРЖАНИЕ

На обложке:
С днем рождения, Пионерия! — Фотография А. Иолиса.

Главный редактор С. А. ФУРИН.

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

А. Л. АМПЕЛОНОВ, Р. З. БАБЛОЯН (редактор отдела литературы и искусства), **В. А. БЛИЗНЕНКОВА** (редактор отдела внутренней жизни страны), **Т. А. ГАЙДАР, О. И. ГРЕКОВА, А. А. ДЕРКАЧ, Н. В. ИЛЬИНА, В. П. КРАПИВИН, С. Л. МАКЕЕВ** (ответственный секретарь), **С. В. МИХАЛКОВ, А. С. НЕКРАСОВ, М. П. ПРИЛЕЖАЕВА, В. Л. РАЗУМНЕВИЧ, Л. С. СИМОНОВА** (зам. главного редактора), **И. Н. ХРИСТОВАЯ** (редактор отдела коммунистического воспитания), **Ю. М. ЧИЧКОВ.**

Редактор отдела оформления **А. М. ГРИШИН.**
Технический редактор **Е. Г. ЕВДОКИМОВА.**
Макет **Ю. Л. РОДИНА.**

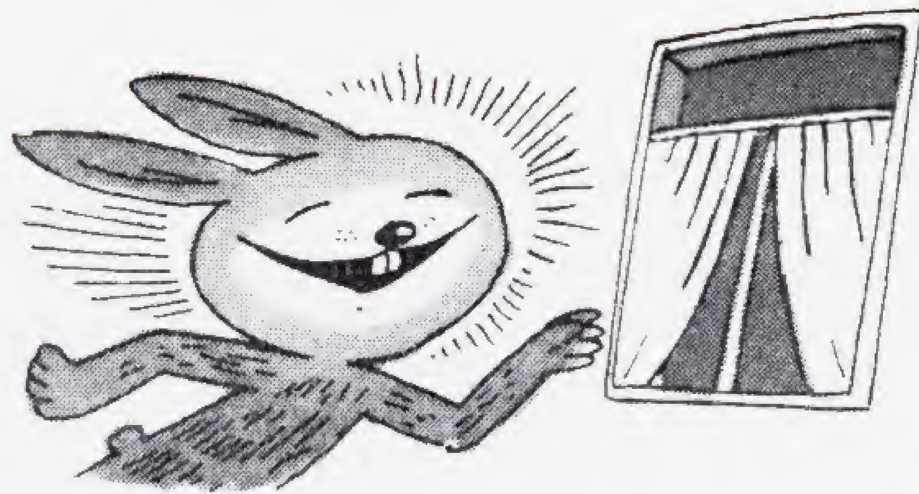
© Издательство «Правда», «Пионер», 1982.

Адрес для писем: **101459, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.**
Телефон 212-14-17.

Сдано в набор 02.03.82.
Подписано к печати 18.03.82. А 05050. Формат $84 \times 60^1/_8$.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 7,46. Учетно-изд. л. 9,00.
Усл. кр.-отт. 31,25. Тираж 1 650 000 экз. Изд. № 838. Заказ № 2160.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
125865, Москва, А-137. ГСП, ул. «Правды», 24.

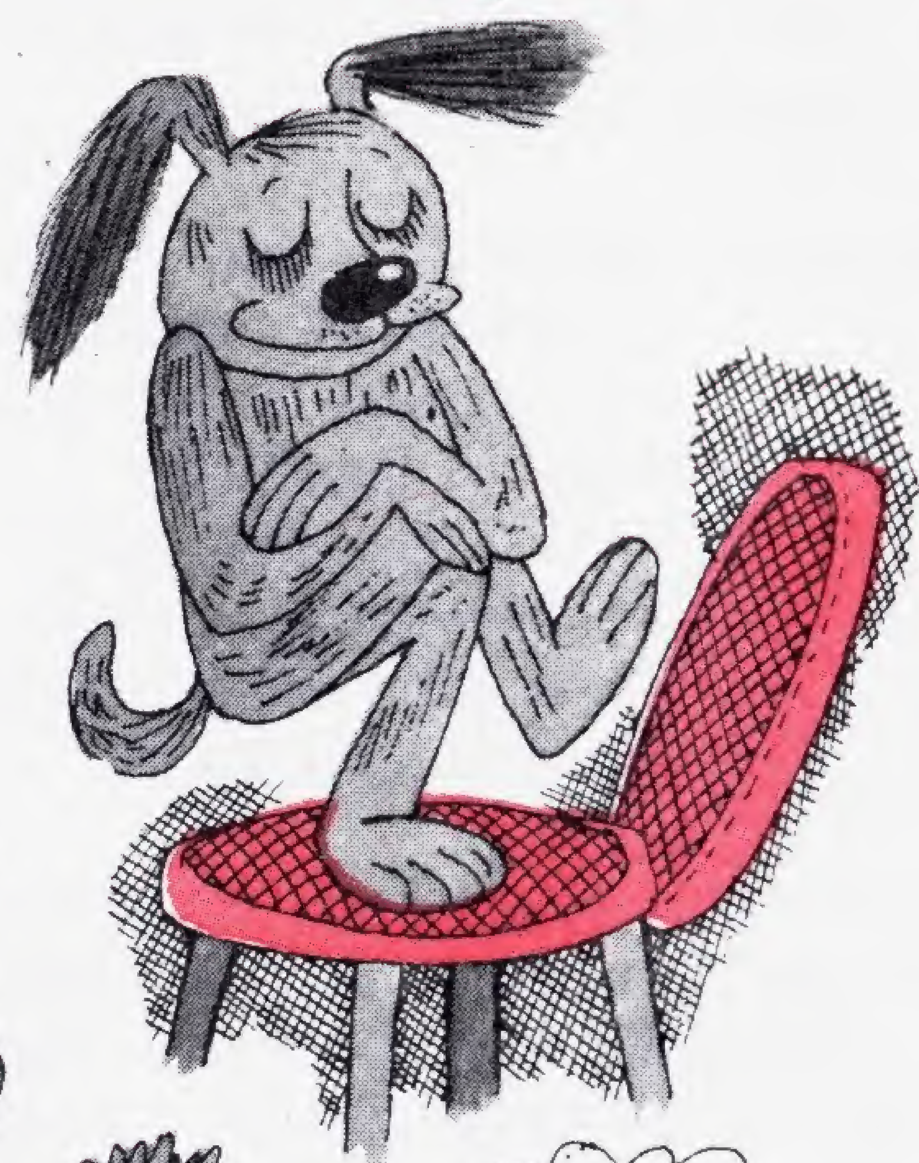
ПЕРЕМЕНКА

В майском номере «Переменка», как обычно, подводит итоги конкурса «Невыдуманные диалоги». Жюри в составе режиссер **Ролан Быков,** артист **Андрей Миронов,** писатели **Григорий Горин, Александр Курляндский, Эдуард Успенский** назвало победителей конкурса этого года:
ВЕРОНИКА СЕРОВА, пос. Клёпка, Магаданская область;
ЮЛЯ СПИРОВА, г. Ленинград;
ЛЮДА ШТОРМ, село Семиозерное, Кустанайская область;
ГЕРМАН ЛАРИН, г. Новомосковск, Тульская область;
СЕРГЕЙ ШИЛКИН, г. Горький.

Поздравляем победителей конкурса! Благодарим всех ребят, приславших письма в «Переменку». Конкурс продолжается!

Невыдуманные диалоги

НА УРОКЕ ПРИРОДОВЕДЕНИЯ

Учительница. Какое животное тебе нравится и почему?

Ученица. Кошка, потому что она не бодается...

Лена Красовская,
г. Серпухов.

НА УРОКЕ ГЕОГРАФИИ

Учитель. Что такое полюс?

Ученик. Это точка, где люди не могут жить.

Ира Телегина,
г. Петропавловск-Камчатский.

НА УРОКЕ ЗООЛОГИИ

Учительница. Расскажи нам о пчелах.

Ученик. В каждой пчелиной семье есть трудовая пчела, которая строит муравейник.

Таня Ткаченко,
Оренбургская область.

НА УРОКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Учительница. Приведи пример предложения с обращением...

Ученик. «Миша, как тебя зовут?»

Лена Буторина,
г. Киров.

Из школьных сочинений

«Солнечный зайчик разгуливал по переулку, как у себя дома, и поэтому заглядывал во все окна».
«Собака, сидя, стояла на задних лапах».
«Его съели угрызения совести».
«Меня в Гриневе привлекает Марья Ивановна».
«На лугу росла овсяная гречневая каша».
«Глобус правдиво отражает землю».
«Она была красивой чучелой».
«Феодалы не уважали дам, но уважали дам своего сердца».

Ведет Н. РОСТОВЦЕВА.

Рисунки Е. ШАБЕЛЬНИКА.

16-81

Новосёл пионерской страны

Музыка Юрия **ЧИЧКОВА.**

Стихи Петра **СИНЯВСКОГО.**

В темпе марша

С новой песней свой флаг поднимает
Новосёл пионерской страны,
У «Артека» навек принимает
Эстафету мечты и весны.

Припев: *Зелёный шум тайги,*
И синий гул прибоя...
На зорьке ветру вторят
Горн и барабан.
Пусть тысячи ребят
Подружатся с тобою,
Наш дальневосточный
Лагерь «Океан»!

Сколько солнца нам Родина дарит,
Сколько радости и красоты...
В «Океане» откроются дали
Для любой пионерской мечты.

Припев.

Пламенеет наш флаг у границы,
Где Отчизна встречает рассвет.
Будет лагерь отваге учиться
И всегда будет дружбой согрет.

Припев.

Всюду галстуков алые всплески
И задорная песня слышна —
Значит, снова ребятам советским
Ключ от счастья вручила страна.

Припев.

ISSN 0130—8009

Цена 30 коп. Индекс 70694.